ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ СССР

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ СССР

Сборник статей. Вып. 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1982

Проблемы исторической демографии СССР: Сб. статей. Ред. А. Д. Колесников. Вып. 2.— Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.— 10 л.— 1 р. 50 к. 1000 экз. 0505000000.

Настоящий сборник статей является вторым выпуском докладов, прочитанных на третьем Всесоюзном семинаре по исторической демографии, состоявшемся в Омске в мае 1979 г. В ряде статей рассматриваются проблемы источниковедения и методики демографических исследований. Большинство статей посвящено формированию, численности и движению населения ряда районов СССР.

Сборник рассчитан на научных работников, студентов и краеведов, занимающихся проблемами истории народонаселения.

Рецензент — канд. экон. наук А. Е. Плотников

Редакционная коллегия: А. Д. Колесников (отв. ред.), В. И. Бойко, Я. Е. Водарский, Н. Ф. Емельянов, В. М. Кабузан, И. И. Комогорцев, А. В. Минжуренко, Г. К. Садретдинов

П $\frac{0505000000}{177(012)-82}$ 17—82

© Издательство Томского университета, 1982 г.

В. П. ЗАГОРОВСКИЙ

Воронеж

КРАТКОЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИЗЮМСКОЙ ЧЕРТЫ

Изюмская черта — это укрепленная линия Русского государства, построенная в основном в 1679—1680 гг., на заключительном этапе одной из первых русско-турецких войн. Она примкнула с юга к ранее созданной Белгородской черте. «Новая черта» защитила от татарских вторжений дополнительно территорию примерно в 30 тысяч квадратных километров. Изюмская черта возводилась совместно русскими и украинцами, являя яркий пример тесного боевого сотрудничества двух братских народов в борьбе против иноземных захватчиков.

Сооружение укрепленных линий на юге и юго-востоке России в XVII в. всегда приводило к серьезным изменениям в составе и количестве населения в данном районе, открывало возможности для заселения и освоения новых обширных территорий. В общих чертах этот процесс рассмотрен в монографии Я. Е. Водарского [1].

Укрепленные линии в русском централизованном государстве стали создаваться с середины XVI в., когда была возведена «Засечная черта» к югу от р. Оки. Со второй четверти XVII в. эта черта перестала играть сколько-нибудь существенную роль в борьбе России с Крымским ханством. Ее последний ремонт, проведенный в 1638 г., в военном отношении оказался ненужным — татары до черты уже не доходили. К середине XVII в. решающее значение в отражении татарских вторжений приобретает Белгородская черта; район русско-татарских столкновений перемещается от Оки на сотни километров к югу. 800-километровая Белгородская черта проходила от р. Ворсклы к р. Челновой: через Белгород, Корочу,

[1] См.: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.

Новый Оскол, Острогожск, Коротояк, Воронеж, Усмань, Козлов. Из 25 участков Белгородской черты 14 возникли на заселенных, 11 — на еще не заселенных русскими людьми местах[2]. Продолжением Белгородской черты к востоку стали укрепленные линии в Поволжье, заканчивавшиеся Закамской чертой.

Не случайно завершение основных работ на Белгородской черте в 1653 г. совпадает по времени с решением Земского собора о включении Украины в состав Российского государства, о воссоединении Украины с Россией. Отметим, что сооружение Белгородской черты не только позволило закрыть от татарских вторжений и заселить обширный район юга России, но и явилось важным мероприятием в подготовке России к войне с Польшей за Украину. Южный фланг русских войск в войне 1654—1667 гг., в отличие от «Смоленской войны» 1632—1634 гг., был надежно прикрыт Белгородской чертой[3].

В пятидесятых-шестидесятых годах XVII в. район русско-татарских столкновений в западной части Белгородской черты постепенно перемещается все дальше к югу. Здесь, «за чертой», вырастают русские и украинские поселения. В семидесятых годах Турция предпринимает крупное наступление против России и Украины. По приказу турецкого правительства крымский хан Селим-Гирей пытается в 1673 г. «проломить» Белгородскую черту удáром в лоб. Турция претендует на территорию Украины. В 1677 и 1678 гг. турецкие войска вторгаются на Украину, ведут наступление на приднепровский город-крепость Чигирин, готовятся к походу на Киев. Русский и украинский народы дали тогда достойный отпор иноземным захватчикам.

Именно в этот период, на заключительном этапе русско-турецкой войны, была возведена Изюмская черта. Новая укрепленная линия как бы отодвинула западную половину Белгородской черты еще на 150—200 км к югу, защитив уже существующие «за чертой» города и слободы, создав новый крепкий заслон на пути грабительских татарских вторжений.

История строительства Изюмской черты до последнего времени не была обстоятельно исследована. В определении географических контуров ее допускались ошибки и неточности. Так, считалось, что Изюмская черта проходила по бере-

---

[2] Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 239.
[3] Там же, с. 64—69, 277—283.

гам р. Мжи; фактически же земляные валы, лесные засеки и линии надолб были устроены южнее р. Мжи.

В отличие от большинства городов Белгородской черты почти все города и села у Изюмской черты были заселены черкасами, то есть украинцами, переселенцами с Украины.

Основными источниками для выяснения истории строительства Изюмской черты, определения ее географических контуров и социальной структуры населения являются неопубликованные документы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), главным образом столбцы и рукописные книги Белгородского и Севского столов из фонда Разрядного приказа (Ф. 210). Осенью 1680 г. были составлены и подписаны боярином П. И. Хованским «Строельные книги Новой черты», они сохранились в ЦГАДА. Хотя некоторые военно-инженерные работы велись и позже, в частности, на новом месте был построен в 1681 г. город Изюм, именно осенью 1680 г. Изюмская черта стала исторической реальностью. В документах конца XVII в. она обычно называется «Новой чертой», или «Новопостроенной чертой». Название «Изюмская черта» было предложено советским ученым, профессором А. А. Новосельским и постепенно вошло в научный обиход.

Общая протяженность Изюмской черты, по нашему подсчету, составляла 530 км. Четко закрепленных за отдельными городами участков (в отличие от Белгородской черты) на Изюмской черте не было. Все же географически Изюмскую черту можно разделить на четыре части: 1) от г. Коломака до р. Северского Донца (109 км), 2) по р. Северскому Донцу (165 км), 3) по р. Осколу (183 км), 4) от устья р. Валуя до р. Тихой Сосны (73 км). Некоторые укрепления Изюмской черты хорошо сохранились до наших дней в пределах современных Харьковской и Белгородской областей; особенно впечатляет многокилометровый Полатовский земляной вал в Красногвардейском районе Белгородской области, называемый местными жителями обычно «Турецким валом».

Общее руководство Изюмской чертой осуществлял воевода Белгородского разряда — военно-административной единицы на юге России, созданной в 1658 г. и существовавшей до губернской реформы Петра I. Осенью 1680 г. во время завершения основных военно-инженерных работ на Изюмской черте воеводой Белгородского разряда являлся П. И. Хованский.

Крайним западным укреплением Изюмской черты был городок Коломак. В пределах территории Белгородского раз-

ряда (Белгородского полка) г. Коломак занимал пограничное положение, сразу же за ним в юго-западном направлении начинались земли автономной гетманской Украины. На Изюмской черте от г. Коломака до р. Северского Донца было сооружено 14 земляных валов, остатки которых сохранились на территории современных Валковского, Нововодолажского и Змиевского районов Харьковской области. Непосредственно «на черте» находились три городка: Коломак, Высокополье, Новый Перекоп. Чуть позади Изюмской черты у р. Мжи, располагались 4 города: Валки, Водолага, Соколово, Змиев, однако укрепления этих городов не составляли с укреплениями черты единого целого.

Далее укрепления Изюмской черты проходили по берегам р. Северского Донца от Гомольшинского леса до устья Оскола. В отличие от западной части Изюмской черты здесь не было насыпано земляных валов. Широкое распространение имели деревянные оборонительные сооружения: остроги, башни, линии надолб, а также лесные засеки. На левобережье Северского Донца, на укрепленной линии, осенью 1680 г. находилось 6 городов-крепостей: Бишкин, Лиман, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинский и Изюм. Все эти городки возникли до сооружения Изюмской черты. «За чертой» оставались в 1680 г. лишь два русских города: Маяцкий и Тор.

У устья р. Оскола осенью 1680 г. находилось своеобразное острие Изюмской черты. Здесь укрепленная линия поворачивала к северу. Оскольский участок оказался наименее укрепленным и слабо заселенным на Изюмской черте. Из пяти крепостей Изюмской черты, расположенных осенью 1680 г. на правом берегу р. Оскола, относительно лучше была Царево-Борисовская. Городки Остроплье и Двуречны лишь в определенной мере оправдывали свое военное назначение. Два городка — Купенский и Каменский — в 1680 только строились и с большим трудом заселялись.

В северо-восточной части Изюмской черты, от впадения р. Оскол речки Валуя до р. Тихой Сосны, имелись все основные типы укреплений: земляные валы, надолбы, лесные засеки. Здесь находилось и крупнейшее инженерное сооружение Изюмской черты — Полатовский земляной вал. Особенность северо-восточного участка было наличие здесь только одного города — Валуек. Разрядный приказ планировал в 1680 построить здесь новые города и перенести «к черте» старые, но эти планы не осуществились.

Переселение украинцев в районы России, прилегающие с юга к Белгородской черте и не защищенные еще русскими укреплениями, получило значительный размах после воссоединения Украины с Россией, после знаменательного решения Переяславской рады. В течение 25 лет, охватывающих время от воссоединения Украины с Россией до строительства Изюмской черты (1654—1679), для такого переселения были и более благоприятные и менее благоприятные годы. Среди сравнительно удобных для переселения периодов можно отметить, во-впервых, середину пятидесятых, а также в определенной мере середину шестидесятых годов XVII в.

Два основных фактора, как нам видится, предопределили довольно большой наплыв украинских переселенцев в середине 50-х годов на земли «за чертой», в районы Харькова, Царева-Борисова, Ахтырки. Первым из них стало изменение политической принадлежности земель Левобережной Украины. До 1654 г. переселение украинцев в Россию было переходом из одного государства в другое, что, естественно, вызывало политические трудности. Даже при общем благоприятном отношении русского правительства и русского народа к украинским переселенцам последним требовалось значительное время на преодоление не только дальних расстояний, но и обычной тогда бюрократической волокиты. Так, украинские переселенцы под руководством Ивана Дзиньковского ждали правительственного решения, стоя обозом под Путивлем, у русско-польской границы, более четырех месяцев: с марта по август 1652 г.[4]. Начиная с 1654 г., переселение жителей Левобережной Украины на свободные земли за Белгородской чертой проходило уже в пределах одного государства, и это автоматически снимало ряд прежних препятствий.

Второй причиной, способствовавшей усилению «черкасского» переселенческого движения на восток в середине пятидесятых годов, стало временное затишье в татарских набегах на южнорусские земли, связанное в определенной мере успехами России в строительстве Белгородской черты. Подобное снижение татарской активности мы видим и для середины шестидесятых годов. Напомним: речь идет о переселении украинцев именно на земли «за чертой», в незащищенные еще русскими укреплениями районы. В другое время, в

[4] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1954, т. 3, с. 206—208, 386.

периоды крупных татарских вторжений, украинские пере
ленцы стремились уйти от татар «в черту», в защищенные
врага места. Так, в 1660 г. около тысячи черкасских семе
уходя под руководством атамана Осипа Дашкеева «от тата
ского разорения», появились под Воронежом и «приискa
меж Воронежа и Старого Оскола на диком поле порожжу
землю». Здесь, «в черте», по просьбе черкас был постро
осенью 1661 г. воеводой Гавриилом Островским новый ру
ский город — Землянск[5].

В пятидесятых-шестидесятых годах русское правительст
как правило, не возражало против создания новых черка
ских поселений на территории, защищенной Белгородск
чертой («в черте»). Но в семидесятых годах XVII в. воево
Белгородского полка уже получают четкие указания: нов
черкас селить только «за чертой».

Украинские переселенцы, оседавшие за Белгородской че
той, получали от царского правительства различные льгот
в том числе право беспошлинной торговли; они также осв
бождались на определенный срок от налогов. Поощряя че
касскую колонизацию, московское правительство в то
время всячески мешало русской вольной колонизации на ра
сматриваемой нами территории. Типичным является следу
щий эпизод, случившийся в ходе возникновения слободы
Волчьих Водах — будущего города Волчанска.

В 1674 г. «Нижегольский черкашенин» Мартын с люб
пытным прозвищем «Старого-Чудного» получил разрешен
обосноваться на Волчьих Водах. Он должен был «на реч
Волчьих Водах строить слободу, а на житье призывать сво
братью черкас из малороссийских и из-заднепрских городо
Русских людей принимать ему было «не велено». Но в ию
1674 г. выяснилось, что среди первых жителей новой слоб
ды есть русские. Тогда из Белгорода был послан с отряд
ратных людей иноземец, майор Роман Белкузин, котор
привел «с Волчьих Вод русских много людей». Среди пр
веденных в Белгород русских людей оказался взрослый с
чугуевского стрельца, «московского переведенца» Дмитр
Легонький с женой. Стрелецкий сын прежде не находил
на службе, не нес он, естественно, и тягла, но его все же ве

---

[5] Загоровский В. П. Возникновение г. Землянска и заселе
Землянского уезда в XVII веке.— В кн.: Из истории Воронежского кр
вып. 6. Воронеж, 1977, с. 36—40.

ули в Чугуев, поскольку селиться у Волчьих Вод разрешалось лишь черкасам[6].

В течение семидесятых годов XVII в. значительно увеличилась численность черкас Харьковского полка, этот полк стал крупнейшим из черкасских полков в пределах Белгородского разряда. Мы располагаем документами о численности Харьковского полка в 1668 г. и 1679 г.— любопытно сравнить эти числовые данные между собой. В 1668 г. в Харьковском полку значилось 1135 человек (12 лиц начальствующего состава и 1123 рядовых)[7]; в 1679 г. — 5546 человек без черкас бывшего Балаклейского полка, переданных в Харьковский полк, и 7085 человек с учетом черкас Бишкина, Лимана, Андреевых Лоз, Балаклеи, Савинского и Изюма[8]. За 11 лет численный состав черкас Харьковского полка увеличился более чем в 6 раз.

Следует отметить, что территорию расселения черкас Харьковского полка в XVII в. нельзя рассматривать как географически компактную административную единицу. Рядом с черкасами, подчиненными харьковскому полковнику, жили черкасы, не подчиненные ему. В отдельных городках и селах, наряду с черкасами, имелось и русское население. В основном русским по населению городом был Чугуев, вокруг которого сложился самостоятельный уезд. Западнее территории расселения черкас Харьковского полка, также за Белгородской чертой, сложились земельные владения черкас Ахтырского полка.

В июне 1680 г., накануне развертывания работ по строительству укрепленной линии вдоль берегов р. Оскола между Валуйками и Царевом-Борисовом, воевода Аверкий Опухтин представил в Разрядный приказ свои соображения по заселению этого района, дополнив их своеобразной историко-экономической справкой. Он сообщал, что «из малороссийских городов» люди приходят для поселения сюда редко, а если некоторые и селятся, то «хлеба мало пашут, живут по селам, только рыбою кормятся». Воевода далее пишет: «А заводные люди не идут потому, что привольных мест по Осколу мало, а идут и селятца к людям по Северскому Донцу, что те места людные и во всем привольные». А. Опухтин предложил

[6] Центральный государственный исторический архив Украинской ССР, ф. 353, № 84, лл. 96—97.

[7] Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886, т. 1, с. 55.

[8] ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 1530, л. 610.

заселить городки новой укрепленной линии по берегам р. Оскола русскими «сведенцами»[9].

Во время сооружения Белгородской черты русское правительство ради укрепления обороны страны стремилось удержать население в новых городах юга и шло даже на конфликты с представителями феодальной знати. В Москве смотрели сквозь пальцы на то, что в городах Белгородской черты в стрелецкую и казачью службу, а то и в дети боярские записывались беглые крепостные крестьяне (Козлов, Усмань и др. города). В 1647—1648 гг. сотни крепостных крестьян в верховьях р. Воронежа были официально переведены в положение мелких служилых людей и записаны в драгунскую службу[10]. Известны указы царя Алексея Михайловича 1653 и 1656 гг., резко ограничивавшие сыск беглых крестьян на юге и возвращение их с Белгородской черты[11].

На Изюмской черте в восьмидесятых годах XVII в. ничего подобного мы уже не находим. Крепостническая политика царского правительства здесь проявляется жестко и четко. В этом плане характерны события, разыгравшиеся летом 1681 г. у Полатовского земляного вала.

Впервые разрядный приказ дал разрешение на «призыв» черкас к строящемуся Полатовскому валу весной 1680 г. протопопу Якову Мировицкому и осадчику Павлу Тимофееву. Однако их миссия не увенчалась успехом, черкасы жить к валу не пошли. Осенью 1680 г. строительство Полатовского вала завершилось, но запланированные города у вала устроить и заселить не удалось.

Разрядный приказ, руководимый тогда боярином М. Ю. Долгоруковым («ловким придворным, но слишком плохим правителем»[12]), и местная власть в лице воеводы Белгородского полка П. И. Хованского принимают по вопросу о переселении черкас к Полатовскому валу противоречивые решения. П. И. Хованский разрешил было атаману Василию

---

[9] Там же, лл. 91—92. «Заводными людьми» А. Опухтин называл тех переселенцев, которые отправлялись на новые места с хозяйственным инвентарем, со скотом, со всем имуществом и имели там пашню или какие-либо промыслы.

[10] См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 90—91, 132—135; Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1976, с. 105—106.

[11] См.: Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962, с. 124—126.

[12] См.: Русский биографический словарь. Спб., 1905, с. 553.

Ливенцу призывать черкас к Полатовскому валу «из-за Днепра». Во Разрядный приказ 17 февраля 1681 г. распорядился приглашать черкас «по Новопостроенной черте в городы: в Полатов и в ныне в тамошние вышеписанные места на вечное житье» только из собственно российских мест, например, звать черкас, которые не служат, а живут «в захребетниках» в городах Ахтырского и Харьковского полков. «В малороссийские городы для призыванья черкас посылать никово не велено отнюдь никоторыми делы»,— говорилось в этом постановлении [13].

Приехавший в Москву атаман В. Ливенец добился в апреле 1681 г. больших льгот для черкас-переселенцев, которые пойдут к Полатовскому валу, в том числе разрешения жить им в течение 15 лет без русских воевод. 20 апреля 1681 г. состоялось очередное решение русского правительства: «Построить город черкасами у Полатовского вала». При этом запрет на призыв черкас с территории Украины (как автономной гетманской, так и Правобережной, находившейся тогда в составе Польши) фактически отменялся [14].

В этой обстановке среди широких слоев южнорусского населения стали распространяться слухи о восстановлении царем Федором Алексеевичем права крестьянского перехода, о разрешении крепостным крестьянам переселяться «к Новопостроенной черте», где они получат полную свободу и большие льготы.

25 июня 1681 г. старооскольский воевода князь Федор Шеховской писал в Белгород П. И. Хованскому, что по дорогам через Старооскольский уезд большими группами идут к Полатовскому валу беглые крестьяне. Вскоре П. И. Хованский доносил в Москву: «Нынешним недавним времянем в Полатове твоих, великого государя, дворцовых волостей романовских, и мокренских, и скопинских [15], и помещиковых, и вотчинниковых беглых крестьян собралось многолюдство большое, а вменяя де воровски, те беглые крестьяне говорят, будто по твоему, великого государя, указу дана им воля и льгота на многие годы. И живут де те беглецы около Полатова, построясь слободами и на станах шелашами и обозами» [16].

---

[13] ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 983, лл. 13—15.
[14] Там же, д. 1530, л. 164—167.
[15] Имеются в виду «вотчинные города» Романов и Скопин, а также принадлежавшее царю село Мокрой Боярак Лебедянского уезда.
[16] ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 983, л. 544.

Вера крестьян в хорошего царя, обычная для российских народных движений эпохи феодализма, проявилась и в описываемом нами эпизоде. Любопытно, что крестьяне указывали точный срок дарованной, мол, им царем свободы: до 1 сентября 1681 г. В одном из документов о беглых крестьянах Новосильского уезда сообщается следующее: «Те крестьяня говорят, бутто присланы во все городы великого государя грамоты: велено им, крестьянам, дать всем свобода и выходить им из-за помещиков своих и вотчинников сентября до 1 числа 190-го году»[17].

Воевода Белгородского полка П. И. Хованский, не всегда достаточно активный в борьбе с татарами, против безоружных русских крестьян действовал более энергично. Для разгона появившихся у Новой черты беглых крестьян он послал полковника-иноземца Табияса Альбрехта с наиболее надежными войсками — «московскими стрельцами Белгородского жилого приказу»[18]. П. И. Хованский приказал из-под Полатова крестьян разогнать, провести сыск, захваченных беглых крестьян пытать, трех человек повесить.

Сделав свое дело, Т. Альбрехт вернулся в Белгород. Полатовский вал по-прежнему остался без постоянного населения, без постоянных защитников. Царское правительство не использовало отличную в военном отношении возможность заселения и укрепления важнейшего участка Изюмской черты. Не использовало потому, что отражало в полной мере интересы феодалов-крепостников.

---

[17] Там же, л. 6.
[18] Там же, л. 546.

Р. Г. БУКАНОВА

Воронеж

ЗАСЕЛЕНИЕ КРЕПОСТЕЙ ЗАКАМСКОЙ ЧЕРТЫ В XVII в.

Хозяйственное освоение новых территорий и закрепление их в составе Русского централизованного государства в XVII в. происходило в процессе строительства и заселения новых городов и укрепленных линий. Значительную роль в освоении заволжских земель сыграло строительство и заселение крепостей Закамской черты.

Изучение конкретно-исторических условий сооружения и заселения Закамской черты позволит решить ряд вопросов исторической демографии: основные направления миграции населения в Заволжье, процесс изменения состава, численности и размещения населения на данной территории; вопросы социально-экономического развития как национальных окраин, так и всего Русского государства.

История строительства Закамской черты и ее влияние на ход заселения края до настоящего времени практически не изучены. Единственным историком, описавшим Закамскую черту, является Г. И. Перетяткович. В своей книге «Поволжье в 17 — начале 18 в. (Очерки из истории колонизации края)», вышедшей в 1882 г., он рассматривает Закамскую черту как важный элемент в процессе колонизации края. Однако в книге о населении укрепленной линии говорится лишь в самых общих чертах.

На тесную связь строительства Закамской черты с колонизацией восточных районов указывали как дореволюционные, так и некоторые советские историки[1]. Но процесс освое-

[1] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. Спб., 1896, с. 56—60; Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919, с. 163—166; Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в период феодализма и ее последствия.— Вопросы истории, 1975, № 11, с. 34—39 и др.

ния Заволжья и Приуралья в XVII в. остается почти не изученным. Думается, что изучение истории заселения данной черты может послужить ключом к выяснению важных вопросов колонизации Заволжья и Приуралья.

Слабая изученность интересующего нас вопроса объясняется малочисленностью сохранившихся источников. Территория Закамской черты находилась в ведомстве приказа Казанского дворца, большинство документов которого, как известно, утрачено. Однако при сопоставлении и анализе имеющихся в нашем распоряжении документов можно восстановить подлинную картину заселения Закамской черты.

Данная статья основана на материалах неопубликованных документов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА). Кроме того, использованы документы, опубликованные в сборниках: «История Татарии в материалах и документах» (М., 1937), «Акты исторические и юридические... Казанской и соседственных губерний, собранные С. Мельниковым», т. 1 (Казань, 1859).

Закамская черта проходила по северо-восточной части современной территории Ульяновской области и юго-востоку Татарской АССР от Волги до р. Ик, левого притока р. Камы. В первой половине XVII в. вся эта территория, кроме восточной ее части, относилась к Казанскому уезду. Земли же, находившиеся к востоку от р. Зай, входили в состав Уфимского уезда. Поэтому часть документов о населении Закамья в первой половине XVII в. находится в настоящее время в фонде Уфимской приказной избы ЦГАДА.

Интенсивное заселение Заволжья татарами, чувашами, мордвой и марийцами происходило с середины XVI в. вследствие продвижения в Поволжье русского населения, раздачи земель в вотчины и поместья. Здесь же находили убежище и беглые русские крестьяне и бобыли. Громадный поток переселенцев направлялся прежде всего в Закамье, где были наиболее благоприятные для земледелия, богатые озерами и полноводными реками земли.

Численность нерусского населения, преобладавшего здесь, не поддается учету. Оно было обложено ясаком и представляло собой одну из разновидностей государственных крестьян. Часть чувашей и марийцев, так называемые «подымовные люди», платили в Казани денежный и хлебный оброк[2]. Феодальная верхушка нерусского населения, перешедшая на

[2] ЦГАДА, ф. 1173, д. 140, л. 3.

службу русской администрации, в том числе и новокрещенные служилые люди, были наделены поместными землями[3]. Таким образом, нерусское население Закамья было неоднородным по своему положению в системе Русского феодального государства.

В первой половине XVII в. начинается быстрое проникновение в Казанское Закамье русского крестьянского населения. Прежде всего это были дворцовые и монастырские крестьяне и бобыли. Они селились вдоль рек и озер, поднимали пашни, создавали новые населенные пункты. Правительство, заинтересованное в заселении Заволжья русскими крестьянами и освоении удобных для земледелия новых районов, создавало все условия для переселения туда крестьян. Это хорошо прослеживается на примере дворцового села Чалны[4].

Чалны были основаны в 1626 г. елабужскими крестьянами на левом берегу р. Камы, в устье р. Чалны. Поселенцы на пять лет были освобождены от всяких платежей, по истечении льготных лет они облагались сравнительно небольшим денежным оброком в размере двух рублей с выти[5].

Благоприятные условия жизни на новом месте привлекли сюда огромную массу населения. Чалны стремительно разрастаются: вокруг села появляются новые деревни и починки. К 1651 г. здесь уже насчитывалось 14 деревень, слобод и починков. Численность населения составляла 853 чел. мужского пола[6].

У русских крестьян складываются мирные отношения с местным нерусским населением. По соседству с чалнинскими деревнями и починками находились деревни ясачных башкир, чувашей и марийцев. Нередко в общем пользовании находились сенные покосы и леса.

Заселение и освоение новой территории происходило неравномерно. Неурожаи, голод, угроза калмыцкого нападения нередко принуждали крестьян покидать обжитые земли. Так, например, в 1630 г. многие чалнинские крестьяне «разбежались для хлебново недороду... и для калмыцких людей, как они были под Уфою»[7].

---

[3] История Татарии в материалах и документах. М., 1937, с. 168—169, 196.

[4] Современный город Набережные Челны.

[5] ЦГАДА, ф. 1173, д. 140, л. 1—4.

[6] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 156, лл. 173—233.

[7] ЦГАДА, ф. 1173, д. 356, л. 2.

Дальнейший приток населения в Закамье сопровождался усилением феодального гнета, расширением феодального землевладения. К середине XVII в. значительно расширилось монастырское землевладение. К этому же времени относятся челобитные крестьян с жалобами на тяжесть государственных повинностей. Документы середины XVII в. говорят уже о наличии пустых дворов в Чалнах. Отлив населения из Закамья происходил в двух направлениях. Это — дальнейшая миграция населения в Уфимский уезд и в Уфу, а также возвращение части населения назад, на места своего прежнего жительства.

К рассматриваемому времени относится активизация правительственной политики в Закамье. Она характеризовалась переломом в отношении к дворцовым крестьянам, которые были приравнены к крестьянам верховых городов и дворцовых сел, и увеличением здесь служилого населения. Здесь было сооружено несколько самостоятельных укрепленных крепостей. Кроме Мензелинской крепости, которая существовала с конца XVI в., были построены Чалинский городок, Старошешминск и Ахтачинск. Службу в них несли стрельцы, которые впоследствии были переселены на Закамскую черту.

Таким образом, Закамье к середине XVII в. представляло собой пеструю картину как в социальном, так и в национальном отношении. В районе, охваченном Закамской чертой, в целом была сравнительно высокая плотность населения, чем на остальной территории Заволжья. Здесь интенсивно начинает развиваться феодальное землевладение, строится ряд укрепленных крепостей, растет численность служилого и русского крестьянского населения.

Закамская черта, построенная в 1652—1656 гг., как бы завершила собой систему оборонительных сооружений XVII в., которая включала в себя Белгородскую, Симбирскую и Сызранскую укрепленные линии. На черте были возведены деревянные крепости Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск и Заинск. Кроме того, в нее была включена Мензелинская крепость и сооружен стоялый округ Кичуев.

Важнейшей особенностью Закамской черты было возникновение ее на заселенной территории, а не на границе с «диким полем», как это было при строительстве южнорусских укреплений. Черта не охватила полностью всех русских владений. За ее пределами оставались заселенные ясачными людьми обширные пространства Восточного Поволжья и Приуралья и укрепленные города Уфа, Бирск, Самара. Такое

географическое положение черты было обусловлено целым рядом социально-экономических и политических факторов, из которых отметим аморфность границ на юго-востоке и отсутствие крупных государственно-политических объединений в этом регионе.

Закамская черта изменила административные границы в Закамье. Все земли внутри черты отошли к Казанскому уезду. Так, под власть казанских воевод были переданы и чалнинские крестьяне. «...А на Уфе того села Чалны и деревни крестьян и бобылей и стрельцов ни в чем не ведать»,— говорилось в царском указе 1652 г.[8]. Таким образом, все управление чертой было сосредоточено в Казани.

Строительство Закамской черты и заселение прилегающей к ней территории происходило по инициативе правительства. К середине XVII в. русское правительство имело уже значительный опыт по строительству Белгородской и других укрепленных линий, и этот опыт был использован на Закамской черте. Заселение черты шло почти одновременно с ее сооружением. Большинство документов о переселении сюда служилых людей относится к 1652—1653 гг.

Особая трудность в заселении черты состояла в отсутствии русского служилого населения на ее территории. Поэтому заселение черты должно было вызвать значительное перемещение населения в Казанском уезде. В частности, основным источником заселения черты были крепости, находившиеся на правобережье р. Волги и в Прикамье (Лаишев, Тетюши, Старошешминск и др.), в которых в связи со строительством укрепленной линии исчезает необходимость в многочисленных гарнизонах.

Основную массу перевезенных из этих городов служилых людей составляли стрельцы. На черту было переселено 269 стрельцов, которые в новых крепостях продолжали нести стрелецкую службу. Кроме стрельцов на черте было поселено 100 конных казаков из Лаишева, 29 «конных полоняников» и 9 ссыльных людей.

При заселении крепостей Закамской черты ощущалась острая нехватка служилых людей. В этих условиях правительство прибегает к переводу в служилое сословие дворцовых пашенных крестьян. В 1652 г. казанским воеводам был прислан указ, в котором говорилось: «Уфимского уезда села Чалнов... пашенных крестьян всех до одного человека пере-

[8] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 156, л. 239 об.

весть на Закамскую черту и устроить их на Закамской черте, где пригоже»[9]. На черту были переселены крестьяне не только с. Чалны, где насчитывалось к этому времени 115 крестьянских и бобыльских дворов, но и других деревень и починков. Общая численность крестьян, поселенных на черте, составляла 300 человек мужского пола.

Переселение крестьян осуществлялось быстро и решительно и носило принудительный характер. «А будет которые служилые люди, стрельцы и крестьяне и бобыли на Закамскую черту из села Чалнов, из деревень и с починков ехать не похотят, и тех велено выслать и в неволе. А за ослушанье велено им делать наказание: бить батоги и сажать в тюрьму, чтоб однолично их на Закамскую черту на вечное житье выслать всех нынешним летом заранее»,— говорится в документе о переводе чалнинских крестьян[10]. Из документа ясно, что не все крестьяне охотно шли на службу.

Наиболее многочисленной группой населения Закамской черты оказались «смоленские шляхтичи», переселенные сюда после взятия Смоленска русскими в 1654 г. в ходе войны России с Польшей. В Смоленске они несли крепостную службу и делились на 4 отряда по цвету знамен: отряды Белого, Красного, Желтого и Черного знамен. Их военная организация была сохранена. Так, например, в Тиинске был поселен отряд Белого знамени, в Новошешминске — отряд Красного знамени. Документы Закамской черты называют их также «смоленскими иноземцами» и «смоленскими казаками»[11].

В ряде работ дореволюционных авторов встречаются попытки выяснить причину заселения Закамской черты смоленскими казаками. Г. И. Перетяткович считал, что русское правительство обратилось к иноземцам ввиду серьезной опасности на восточной окраине государства и малочисленности собственного населения[12]. Более правильным, на наш взгляд, представляется мнение оренбургского историка П. И. Рычкова, который, побыв в 1769 г. в Закамье, отметил, что смоленские казаки добровольно перешли на сторону России, и «в награду за сию их покорность положено им было дать

---

[9] Там же.

[10] Там же, лл. 240 об.— 241.

[11] Там же, л. 80 об.; Акты исторические и юридические... Казанской и соседственных губерний, собранные С. Мельниковым, т. 1. Казань, 1859, № 34, с. 58—59.

[12] Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII — начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882, с. 154.

во владения земли, лежащия за р. Камою»[13]. Однако следует учесть то обстоятельство, что смоленские иноземцы оказались в подданстве России в ходе войны, которая сопровождалась переселением в глубь России захваченных в плен людей. Об этом говорят архивные документы. В частности, в фонде Разрядного приказа ЦГАДА нами обнаружен документ о посылке в Казань и Астрахань для стрелецкой службы литовских людей и евреев, взятых в плен под Смоленском[14]. Это было вызвано военной обстановкой на западной границе государства, и использование иноземцев на Закамской черте нельзя рассматривать как явление, закономерное в процессе заселения русских окраин.

На Закамскую черту были переселены не только смоленские, но и полоцкие шляхтичи под начальством Гаврилы Гаславского. Значительная часть их была поселена в Новошешминской крепости[15].

Основная масса служилых людей проживала в слободах. В городках Закамской черты за крепостной стеной находились административные и церковные дворы, иногда — дворы пушкарей. Такое устройство жителей наиболее соответствовало их хозяйственной деятельности. Основным занятием населения Закамской черты было земледелие. Имели место также скотоводство и ремесло.

Все жители черты, кроме смоленских иноземцев, были сразу же наделены землей. В наиболее привилегированном положении оказались конные казаки, в состав которых вошли также чалнинские дворцовые крестьяне и полонянники. Смоленские казаки получали за службу денежное жалование, однако впоследствии вместо денежного жалования им были отведены земли, что приравняло их к конным казакам. Таким образом, на Закамскую черту были переселены различные категории населения: стрельцы, казаки, смоленские и полоцкие шляхтичи и дворцовые крестьяне. К службе были привлечены также полонянники, ссыльные люди и другие слои населения, вошедшие в состав новоприборных служилых людей. Всего было переселено на черту и записано на службу к 1653 г. 1271 человек.

---

[13] Рычков П. И. Журнал или древныя записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, в 1769 и 1770 году. Спб., 1770, с. 60—61.

[14] ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, ст. 288, 353.

[15] ЦГАДА, ф. 1173, д. 560, лл. 1—5, 9—10, 11—12; История Татарии в материалах и документах, с. 144.

Строительство и заселение крепостей Закамской черты вы звали значительные демографические изменения в крае. За селение крепостей Закамской черты в целом не отличалось о заселения других пограничных городов России в XVII в. Он осуществлялось по инициативе правительства и сопровожда лось насильственным переводом людей на черту. Однако пред посылки для возникновения здесь целого ряда укрепленны крепостей и заселения их были созданы в результате освое ния новых территорий вольными переселенцами.

Строительство и заселение Закамской черты способство вало увеличению численности населения на данной террито рии, развитию здесь земледелия и ремесла, а также разви тию тесных взаимоотношений между народами России.

Н. Н. РЕПИН

Омск

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ТОРГОВЫЕ БИОГРАФИИ КРУПНЕЙШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУПЕЧЕСКОГО МИРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVII—XVIII вв.

Вопрос об изучении генеалогии русского купечества только поставлен в дореволюционной и советской исторической литературе. Трудность его разрешения связана с тем, что биографические сведения о представителях торгового сословия, дошедшие до нашего времени, чрезвычайно скупы, а поиски их осложняются исключительной разбросанностью материала по множеству архивных фондов. Поэтому даже торговые биографии или отрывки из них отдельных купеческих фамилий изучаемого периода лишь изредка появлялись в печати и только некоторые из них всесторонне раскрывают коммерческую и предпринимательскую деятельность наиболее крупных представителей торгового мира Европейской России в пределах жизни одного поколения [1].

Автор, не претендуя на всестороннее освещение поставленной проблемы, ставит своей целью обобщить сведения по генеалогии, торговой и предпринимательской деятельности наиболее видных представителей купечества Москвы и некото-

[1] Баклановa Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 1959; Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных.— Ученые записки МГУ, вып. 41. М., 1940; Вишняков Н. Сведения о купеческом роде Вишняковых, ч. 1—3. М., 1903—1911; Волков М. Я. Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья И. А. Микляева в конце XVII — первой четверти XVIII вв.— В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., Наука, 1970; Заозерская Е. И. Вологодский гость Г. М. Фетиев.— Записки историко-бытового отдела ГИМ. М., 1928, т. 1; Маркевич А. И. Калужские купцы Дехтяревы. Одесса, 1891; Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.).— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., Наука, Ленингр. отд., 1968, с. 227—269; Чулков Н. Московское купечество XVIII и XIX века (Генеалогические заметки).— Русский архив, 1907, № 12, с. 489—502.

рых других городов Европейской России на материалах опубликованных и архивных источников, а также на тех отрывочных сведениях, которые содержатся в исторической литературе.

Москва, как уже неоднократно отмечалось в работах советских историков, в XVII—XVIII вв. являлась центром складывающегося всероссийского рынка. Не случайно поэтому здесь обосновывались наиболее видные коммерсанты, широта торговых связей которых превращала их в купцов европейского масштаба. Среди них первую ступеньку занимали купеческие роды Евреиновых, Исаевых, Журавлевых, Земских.

Родоначальником купеческой фамилии Евреиновых был Матвей Григорьевич, происходивший из г. Мстиславля Могилевской губернии. По родословной Евреиновых, составленной во второй половине XVIII в., Матвей Григорьевич являлся польским шляхтичем, однако главным его занятием являлась не военная служба, а коммерция. В начале русско-польской войны, в 1654 г., он был взят в плен и отдан члену гостиной сотни Кириллу Волосатому, у которого и жил в течение тринадцати лет. В 1667 г. он был «определен на житье в Новомикицкую слободу». В эти годы его коммерческие интересы ограничивались торговлей в Овощном ряду[2]. В 80-е гг. XVII в. Матвей Евреинов был связан с внешним рынком, торгуя в Архангельске и Новгороде. В следующем XVIII столетии диапазон его торговых связей заметно расширился: он продолжал торговать в Архангельске[3], несколько его приказчиков вели торговлю в Персии[4], торговые агенты Евреинова с 90-х гг. XVII в. числились в списках участников караванного торга в Пекине. Матвей Григорьевич вел торговлю с Украиной через пограничные Курскую и Брянскую таможни, а через нее — с Турцией и европейскими странами. Евреинов являлся одним из первых организаторов самостоятельной торговли с зарубежным рынком морским путем и осуществлял коммерческие операции в Амстердаме, Гамбурге, Лондоне.

---

[2] Чулков Н. Указ. соч., с. 491—492.

[3] Торговые обороты Евреинова на Архангелогородской ярмарке достигли в 1710 г. 160 тыс. руб.— Архив ЛОИИ. Архангелогородская губернская канцелярия, ф. 10, оп. 3, д. 145, разные листы. Для ср.: сумма оборота Макарьевской ярмарки составила в 1720 г. 224 тыс. руб.— См.: Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958, с. 224.

[4] Во время междоусобной войны в Шемахе было разграблено товаров Евреинова на сумму 170 тыс. руб.— ЦГАДА. Сенат, ф. 248, кн. 905, лл. 469—469 об.

Накопив капитал в сфере торговли, Матвей Григорьевич частично вложил его в производственную сферу: в 1720 г. становится одним из компаньонов шелковой мануфактуры, а после ее раздела, с 1724 г. — владельцем собственного предприятия.

После смерти Матвея Григорьевича его дело продолжили сыновья Яков, Андрей и Василий[5]. Братья прошли хорошую коммерческую школу, выполняя поручения отца в качестве «семейных приказчиков» в крупнейших торговых центрах того времени: Архангельске, Астрахани, Петербурге, Риге и в Китае. Старший из братьев — Яков — являлся помощником русского консула в Испании в течение трех лет и был отозван оттуда в 1725 г., в связи с трагической смертью его братьев[6]. По отзывам современников, Яков Матвеевич слыл «знающим довольно купечество и обхождение оного, немецкий и французский языки»[7]. Братья продолжили торговые связи во всех направлениях, своеобразно разделив между собой обязанности: Яков вел торговые дела с европейскими странами, Василий — с Китаем, а Андрей занимался коммерческими операциями в Персии, где в числе других товаров закупал шелк — сырье для их мануфактуры. Они стали обладателями монополии на продажу продуктов беломорского рыбного и звериного промыслов[8].

Регулярные связи с европейскими государствами, хорошая профессиональная подготовка Якова Евреинова позволили выдвинуть его кандидатуру в 40-х гг. на пост русского консула в Амстердаме[9]. Яков Матвеевич совмещал торговую и предпринимательскую деятельность с использованием обязанностей советника Коммерц-коллегии, вице-президента Мануфактур-коллегии (с 1746 г.) и с 1750 по 1764 гг.— президента Коммерц-коллегии. Эта работа, отнимая немало времени, в конечном счете способствовала переходу его в дворянское сословие[10].

---

[5] В книге первой ревизии указывались лишь два сына Матвея — Андрей (26 лет) и Василий (25 лет). Старший брат их Яков в это время находился в Испании и не был включен в состав московских купцов.— См.: Материалы для истории московского купечества. М., 1883, т. 1, ч. 1. с. 1.

[6] Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894, ч. 1, с. 167.

[7] Сенатский архив, т. V, с. 665.

[8] ПСЗ, т. VI, № 3841.

[9] Сенатский архив, т. V, с. 665—666; т. VI, с. 37, 78—80 и сл.

[10] По крайней мере, по второй ревизии Яков Евреинов и его дети в

Коммерческую деятельность рода Евреиновых продолжил племянник Якова Матвей Андреевич, получив необходимые навыки в этих делах от своего отца. Четыре брата Матвея — Михаил, Василий, Иван и Петр — были записаны в военную службу в 50—60-е гг. и вышли из купеческого сословия[11]. Такова же судьба потомства третьего сына Матвея Григорьевича — Василия, который принадлежал к купечеству до конца своей жизни (умер в 1747 г.). Из четверых его сыновей двое умерли в детском возрасте, один — Алексей — записался в военную службу, а Михаил «пожалован в титулярные советники»[12].

Таким образом, некогда знаменитый купеческий род практически исчез с торговой арены, предпочтя военную службу, принадлежность к дворянству беспокойной и не всегда надежной коммерческой деятельности. Тем не менее три поколения Евреиновых: с основателя рода Матвея Григорьевича до его внука, тоже Матвея, являлись крупнейшими представителями торгового мира Москвы и России. Их практические навыки в торговле, в промышленном предпринимательстве позволили приблизиться к бюрократическим верхам страны, а затем и перейти в дворянство.

Аналогична судьба другого купеческого рода Москвы — Исаевых. Родоначальником его стал Иван Исаев, происходивший из г. Дубровны Могилевской губернии. В 1655 г. он был взят в плен и находился на службе у офицера М. В. Жидовинова, после смерти которого перешел к его брату Ивану. В 1671 г. Иван Исаев был отпущен на волю и с 1673 г. жил в Новомещанской слободе Москвы, население которой состояло преимущественно из бывших пленных, и торговал в Шелковом ряду, совмещая коммерцию со службой в качестве головы кружечного двора[13]. Кроме того, он занимался смольчужным промыслом, продавая продукцию в казну. Связь Исаева с казенным ведомством прослеживается также и в поставке импортных товаров, закупавшихся им в Архангельске. Столь активное участие в торговле и связь с казной предопределили включение Исаева в члены привилегирован-

---

торговом сословии не значились, а его братья — Андрей и Василий с детьми еще продолжали нести повинности торгового сословия.— См.: Материалы для истории московского купечества, М., 1883, т. 1, ч. 2, с. 1.

[11] Там же, М., 1885, т. 2, с. 1.

[12] Там же.

[13] Чулков Н. Указ. соч., с. 491.

ной гостиной сотни, а затем и в высшую купеческую корпорацию — в число гостей.

Дело основателя рода продолжили его сыновья: Иван, Семен и Илья. В коммерческом деле особенно отличился Илья Исаев. По сообщению И. И. Голикова, Петр I, будучи в Архангельске в 1694 г., заметил большие способности у выборного к таможенным делам московского купца Ильи Исаева и «записал имя его в карманной своей книжке» [14]. Торговая деятельность Ильи Ивановича носила столь же большой размах, как и у Матвея Евреинова. Он являлся одним из крупнейших участников торговли на Архангелогородской ярмарке [15]. Приказчики Исаева вели торговлю в Персии и в Китае. Илья Исаев отправлял свои товары на европейский рынок без посредничества иностранных купцов.

Возможно, что личное знакомство с Петром I, а также размах его коммерческих операций и регулярные связи с казной коренным образом изменили дальнейшую судьбу Исаева. В 1712 г. он становится членом «коллегиума по торговым делам», созданного для обсуждения вопроса о «размножении российской коммерции». Когда Петру I потребовался «исправной и расторопной человек» для организации торговли в Риге, он обратил внимание на Исаева и с 1712 г. Илья Иванович становится обер-инспектором Рижской таможни. 13 февраля 1720 г. Илья Исаев назначается вице-президентом Главного Магистрата [16]. Хороший знаток внешней торговли Илья Иванович являлся одним из составителей первого в России таможенного тарифа 1724 г. В 1731 г. он назначается вице-президентом Коммерц-коллегии, а в 1741 г. становится действительным статским советником [17].

Увлечение административной деятельностью, естественно, привело к сокращению торговли Исаева, но полного отрыва от коммерческих и предпринимательских дел не произошло. Илья Исаев вел собственные торги в свою бытность в Риге и в Петербурге. При разграблении русской торговой фактории в Шемахе в 1721 г. пострадали и его товары. Но все же чувствовалась занятость главы торгового дома. Его способности

---

[14] Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого... М., 1796, т. XVII, с. 249.

[15] Сумма торгового оборота Ильи Исаева на Архангелогородской ярмарке в 1710 г. составила 66 тыс. руб.— Архив ЛОИИ, АГК, ф. 10, оп. 3, д. 145, разные листы.

[16] ПСЗ т. V, № 3520.

[17] Чулков Н. Указ. соч., с. 491.

в коммерческих делах не могли заменить ни братья — Семен и Василий, ни его сын Иван. По словам самого Ильи Ивановича, купеческий промысел его в то время «приносил одни убытки»[18].

Илья Исаев и его сыновья не числились среди привилегированных сотен Москвы ни по первой, ни по второй ревизии, что свидетельствовало о переходе главы семьи в другое, дворянское сословие. Сын Семена Ивановича Иван записан по второй ревизии купцом первой гильдии[19], с 1748 г. возглавил Главный магистрат, а с 1763 г. пожалован в чин надворного советника[20].

Н. Чулков отмечал, что «Исаевы больше не числились в московском купечестве и перешли в дворянство»[21]. Это не совсем так. В 1766 г. в числе московских жителей значился купец третьей гильдии Иван Исаев. Однако он не принадлежал к дому вышеохарактеризованных Исаевых, так как не был включен в состав этой семьи по третьей ревизии. Иван Исаев «торгу за болезнию и за безумием не имеет, а пропитание имеет от сродственников своих»[22]. Этот случай иллюстрирует чрезвычайные трудности при характеристике вопроса о генеалогии купечества. Такая же картина раскрывается и при выяснении истории рода Евреиновых, где кроме привилегированной фирмы Евреиновых встречаются еще две ветви этой фамилии, начало которых ведется от братьев Аврама и Ивана — племянников Матвея Григорьевича Евреинова[23].

Несколько иная судьба купеческой фамилии Журавлевых. В 30—50-е гг. XVIII в. семья Журавлевых: глава Илья Герасимович, его сыновья Роман и Гаврила и внуки Иван Романович и Иван Гаврилович осуществляли активные торговые операции. Диапазон их торговли был всеобъемлющ: от Риги и Петербурга на северо-западе до Астрахани на юге, от Курска и Торопца на западе до Кяхты на востоке и Оренбурга на юго-востоке. Они являлись крупнейшими мехоторговцами, скупая пушнину в сибирских городах, в Поморье, в Поволжье и других районах страны. После переделки в своих скорняжных мастерских меха отправлялись на Украину и в ев-

---

[18] Голиков И. И. Указ. соч., т. XVII, с. 250.
[19] Материалы для истории московского купечества, т. 1, ч. 2, с. 3.
[20] Там же, т. 2, с. 7.
[21] Чулков Н. Указ. соч., с. 491.
[22] Материалы для истории московского купечества, т. 2, с. 29.
[23] Там же, т. 1, ч. 2, с. 3; Там же. т. 2, с. 7.

ропейские страны через Ригу и Смоленск[24]. Коммерческая деятельность Журавлевых сочеталась с предпринимательской. В 1736 г. Роман Журавлев являлся одним из компаньонов крупной суконной мануфактуры в Москве, а после ее раздела его сын Иван стал владельцем самостоятельного предприятия. В 60-е гг. Журавлевы являлись крупнейшими торговцами Москвы, имея 125 тыс. руб. собственных капиталов. Они попрежнему осуществляли торговлю пушниной, китайскими и немецкими товарами на Украине, в Сибири, в Константинополе и в Китае[25].

В 1779 г., в год смерти Ивана Романовича Журавлева, решался вопрос об опекунстве над тремя его малолетними сыновьями: Николаем, Андреем и Романом, а вдова Ивана Наталья Васильевна ходатайствовала перед Московским магистратом, чтобы Николаю и Андрею были выданы паспорта для торговли за ее поручительством. Активные торговые связи были временно прерваны из-за несовершеннолетия наследников. Однако ходатайство матери о разрешении на торговлю и поручительство ее, а также опекунство со стороны «надежных и беспорочных людей»[26] внушали надежду на то, что на этом коммерческая деятельность рода Журавлевых не прервется.

Торговый дом Земских ведет свое начало с конца XVII в. Родоначальником его являлся тяглец Алексеевской слободы Москвы Яков Васильевич, родившийся в 1685 г. Расцвет деятельности рода Земских связан с именем Данилы Яковлевича. Н. Чулков заметил, что Данила Земский «разных фабрик содержатель, откупщик был одним из виднейших деятелей на промышленном поприще»[27]. Данила Земский приобрел необходимые знания за границей, в Голландии, куда он был отправлен Петром I в числе восемнадцати молодых людей, «добрых и достойных людей» из купечества[28]. Там он обучался шелкоткацкому производству и иностранным языкам.

---

[24] Кушева Е. Н. Торговля Москвы в 30—40-х годах XVIII века.— Исторические записки. М., 1947, т. 23, с. 54, 66, 68, 100—101 и сл.

[25] Там же.

[26] Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. М., 1892, т. 1, с. 28, 33. Опекунами были избраны бурмистр Московского магистрата Сергей Григорьевич Осипов и купец второй гильдии Федор Семенович Вагин — «люди состоятельные и поведения доброго и в пороках небывалые».

[27] Чулков Н. Указ. соч., с. 493.

[28] Смирная Ева. Данила Яковлевич Земской, один из птенцов Петра Великого.— Русская старина, 1883, т. 40, № 10, с. 70, 72.

По возвращении на родину Д. Я. Земский получает место под застройку и необходимое количество крестьян в с. Купавино, куда переводится отданная ему казенная мануфактура из Петербурга. Купавинская мануфактура и стала основным предприятием Земских, которая постепенно «приходила в самое лучшее состояние по своему художеству»[29]. Другое шелкоткацкое предприятие было основано им в 1744 г. в Москве, на Таганке. Кроме того, Земский имел полотняную мануфактуру в Суздальском уезде (основана в 1747 г.), бумажное предприятие. Наконец, Данила Яковлевич владел кожевенной мануфактурой под Андроньевым монастырем, где выделывались кожи и «амуничные вещи», обрабатывались меха, «пересекалась свиная щетина и конский волос»[30].

Предпринимательская деятельность Земского сочеталась с активной торговлей, особенно внешней. По преданию, Петр I «призвал» Данилу Яковлевича и советовался с ним по вопросу активизации русско-персидской торговли. Земский сам был заинтересован в получении шелка для своих предприятий по дешевой цене. Результатом этой беседы была отправка пяти кораблей в Персию[31]. Стремление Д. Земского укрепить это направление торговли проявилось также в том, что в 1755 г. он вновь стал одним из главных организаторов персидской торговли[32]. Д. Я. Земский имел регулярные связи с европейским рынком, торгуя в Петербурге, а также отправлял товары в Амстердам, Гамбург и Лондон. Туда шли как товары, скупленные его приказчиками в различных районах России: в Москве, на Макарьевской ярмарке, в Ирбите и т. д., так и продукция его предприятий.

Данила Яковлевич был женат дважды, но наследником стал единственный сын, тоже Данила. По отзыву внучки старшего Земского Евы Смирной, наследник «был не только не далек, но даже глуп». Его отец с горечью приговаривал: «у богатого мужика уроди бог сына дурака» и не видел в сыне «никакого проку». Жизнь подтвердила опасения отца. Не помогла и женитьба младшего Земского на дочери одного из крупнейших фабрикантов П. А. Демидова. Беспробудное пьянство вызвало необходимость опекунства. Однако и опекун, дядя его по жене, полковник Рагожин, оказался подверженным тому же пороку и вдвоем они промотали все

[29] Там же.
[30] Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 102.
[31] Смирная Ева. Указ. соч., с. 71.
[32] Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 102.

богатство, нажитое за десятилетия, так что сыну Данилы Даниловича Ивану пришлось довольствоваться «пенсионом», определенным Демидовым [33].

Итак, перед нами прошло несколько поколений деловых людей Москвы, живших в конце XVII—XVIII вв. Исходя из этих данных, можно сделать некоторые выводы. Смерть предприимчивого главы купеческого рода являлась одной из главных причин крушения торговых фирм. Примером этого может служить судьба торговой династии Земских, в какой-то мере Журавлевых. Число такого рода фактов можно умножить и за счет торговых домов Микляевых из Казани [34], Загрепезных из Ярославля [35]. Этот фактор действовал до XVIII в., продолжал действовать в XVIII столетии, сохранил свою силу и в более поздний период. С помощью только этого фактора нельзя объяснить специфику захирения купеческих родов в тот или иной период. Другой, более характерной для XVIII в. причиной, способствовавшей исчезновению торговых домов, является переход крупнейших дельцов того времени в дворянское сословие [36]. Этому способствовало расширение бюрократической прослойки в России, начиная с XVIII в. Опытные коммерсанты и входили в бюрократическую элиту, сохраняя поначалу старые занятия, но затем окончательно перешли (как и их наследники) в среду господствующего класса. Среди них можно назвать не только Евреиновых и Исаевых, но также Гусятниковых, Строгановых и других [37].

Но такая судьба была свойственна прежде всего выходцам из столичного торгового мира, близкого к правительственным кругам. Провинциальное купечество, участвуя в орга-

---

[33] Смирная Ева. Указ. соч., с. 73—75.

[34] См.: Волков М. Я. Указ. соч.

[35] См.: Грязнова А. Ярославская Большая мануфактура. Ярославль, 910; Паялин Н. Волжские ткачи. Б/м, 1936, с. 42; Смирная Ева. Указ. соч., с. 75.

[36] Этот вопрос поставлен и отчасти разрешен в работе: Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в.— История СССР, 1962, № 2, с. 71—87.

[37] См.: Звягинцев Е. А. Московский купец-компанейщик Михаил Гусятников и его род.— В сб.: Московский край в его прошлом. М., 1928, вып. 1, с. 61—72; Чулков Н. Указ. соч., с. 491—492. Тот же Чулков отмечал, что «если сравнить фамилии современных выдающихся купеческих родов, игравших видную роль в начале XVIII века, то не найдем ни одного рода, который бы сохранил значение со времени Петра I до наших дней: выдающиеся рода Петровского времени или перешли в дворянство, или совершенно исчезли», с. 490—491.

рынка[46]. Но, уйдя с внутреннего рынка, иностранные купцы делали все возможное для того, чтобы выбить из колеи, пошатнуть или довести до краха крупнейших представителей русского торгового капитала. Так, в 1776 г. Баженинным грозило банкротство, т. к. они задолжали иноземцам по векселям, которые были скуплены в одни руки. Спас их от краха главный командир Архангельского военного порта Л. К. Вакселъ, уплативший иностранному купцу долг Баженинных[47]. Аналогичная попытка предпринималась иностранцами и по отношению к другому крупнейшему архангелогородскому купцу — Антону Бармину[48]. Тем самым, недостаток денежных средств, испытываемый русскими торговыми людьми, служил средством в борьбе иностранцев против представителей купеческого капитала России, занимавшихся внешней торговлей.

Основным же направлением в изменении состава российского купечества являлось, видимо, проникновение в торговую среду выходцев из зажиточной части крестьянства, ускорившееся в период разложения крепостного строя во второй половине XVIII в. Из среды крестьян вышли крупные купеческие дома Архангельска XVIII в.— Крыловых, Барминых, Кочюровых и др., Колесовых, Шапкиных — в Вологде. Житель с. Сычевки Вяземского уезда Кондратий Коптев, торговавший в Архангельске в начале XVIII в., позднее вошел в число купцов уездного центра. Видными дельцами второй половины XVIII в. являлись Савва Яковлевич Собакин (более известен как Савва Яковлев), Гончаровы и другие выходцы из крестьян[49].

Савва Яковлевич Собакин, экономический крестьянин Осташковской слободы, за короткое время сделал головокружительную карьеру. Начинал он с мелочной торговли мясом и рыбой, а вскоре «сделался богачом»[50]. На пути к обога-

[46] Репин Н. Н. Указ. соч., с. 42—43.

[47] Огородников С. Ф. Указ. соч., с. 229.

[48] Крестинин В. В. Исторические примечания о коммерческом кредите внешней торговли по делам прошедшего века российских купцов вообще и по действиям нынешнего столетствия архангелогородских купцов особливо.— Новые ежемесячные сочинения, 1792, ч. XXVI.

[49] См.: Индова Е. И. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании купечества.— Исторические записки. М., 1961, т. 68, с. 205—206; Рубинштейн Е. И. Полотняная и бумажная мануфактура Гончаровых во второй половине XVIII в. М., 1975; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., Наука, 1967, т. III, с. 412.

[50] Смирная Ева. Указ. соч., с. 77.

нах городского управления, либо выдвигало на эти посты послушных им кандидатов и продолжало заниматься торговлей и предпринимательством. (что было чаще) [38], либо, увлекаясь административной, бюрократической деятельностью, забрасывало торговые дела, и купеческий род, не переходя в высшее сословие, хирел и исчезал с исторической арены [39].

И все же следует признать, что среди провинциальных купеческих фирм преемственность в торговле, устойчивость торговых фамилий сохранялась значительно дольше, чем в центре, даже в более раннее время [40]. Это подтверждается, в частности, характеристикой отдельных коммерческих фирм провинциальных торговых центров на материалах о жизни калужских купцов Дехтяревых, кашинских жителей, переселившихся в Москву, Вишняковых [41], холмогорцев Баженинных и других.

Проследим это на примере биографии Баженинных. Родоначальник дома Баженинных Семен Баженин приехал на Северную Двину из Новгорода еще в XVI в. и поселился в Курцевском посаде Холмогор. Его сын, игумен Архангельского монастыря Филарет, в XVII в. при попытке обратить в христианство народы Сибири был убит. Сын его — Кирилл, дьяк Холмогорского Преображенского собора, прожил большую часть жизни в Москве и лишь на склоне лет вернулся на родину, где и умер, оставив после себя наследником Андрея Кирилловича. Андрей Баженин был записан в холмогорский посад и в 1671 г. получил в приданое Вавчужскую деревню, сыгравшую позднее исключительную роль в истории русского коммерческого судостроения.

Блестящая карьера в торговом мире была уготована его сыновьям Осипу и Федору, которые уже в 1698 г. были зачислены в члены гостиной сотни. Они начали свою деятель-

---

[38] Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII ст. М., 1913, с. 618 и сл.; Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. Спб., 1792.

[39] Как это случилось, напр., с родом купцов Борисовых из Калуги.— См.: Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1866, вып. 1, с. 27—36.

[40] Особенно удачной в этом отношении является работа: Козинцева Р. И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка.— В сб.: Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.—Л., Наука, 1964, с. 116—163. Богатый, но трудоемкий материал по этому вопросу содержат таможенные книги, которые и могут служить надежным источником по истории купеческих фамилий России XVII—XVIII вв.

[41] См.: Вишняков Н. Указ. соч.; Маркевич А. И. Указ. соч.

ность с перестройки водяной мельницы, предназначенной для помола хлеба, в пильную, что позволило увеличить производство пиломатериалов настолько, что сбыт их оказался затруднительным. Тем самым была создана база для кораблестроения и братья Баженины обращаются к Петру I с просьбой завести судостроительную верфь. В 1700 г. они получили жалованную грамоту на основание судостроительного предприятия, а через два года с его стапелей сошел первый корабль. Строительство кораблей на Вавчужской верфи совмещалось у Бажениных с торговлей преимущественно продуктами производства пильной мельницы, осуществляемой на своих кораблях [42].

Осип Баженин умер в 1723 г. бездетным. Из шести сыновей Федора Андреевича, умершего в 1726 г., род продолжили трое: Никифор, Василий и Денис. Из них особую значимость имела деятельность Никифора Федоровича, обучившегося корабельному мастерству еще под руководством своего дяди Осипа. Никифор был известен Петру I «за свое токарное искусство и находился на государевой токарне» [43]. В 1730 г. он купил у Анисьи, дочери Осипа Баженина, родовую вотчину: земли, сенные покосы и «пилованные мельницы», принадлежавшие раньше ее отцу [44]. Никифор Баженин умер в 1733 г., оставив восемь детей, из которых род продолжили двое — Кирилл и Иван.

Баженины занимали видное место в органах городского управления: Федор Андреевич был первым президентом Архангелогородского магистрата, в 20-е гг. XVIII в., в 70-е гг. этот пост занимал Иван Никифорович. Никифор, Иван, Степан Баженины получили образование за границей — в Голландии [45]. Последний потомок рода Бажениных Никифор — сын Степана Ивановича умер в год отмены крепостного права, в 1861 г.

Причиной, создавшей более благоприятные условия для деятельности купеческого капитала в России XVIII в., явилось вытеснение иностранных коммерсантов с внутреннего

---

[42] Репин Н. Н. Коммерческое судостроение в России в конце XVII—первой половине XVIII в.— Вопросы истории, 1978, № 1, с. 46.

[43] Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Спб., 1895.

[44] Государственный архив Архангельской области, ф. 1, оп. 1, 1730, д. 928, лл. 1—3 об.

[45] Там же, 1742, д. 3295, лл. 52—58 об.; Там же, оп. 2, 1766, д. 6887, лл. 1—16.

щению все средства были хороши, и Савва Яковлевич не был исключением, захватив за бесценок огромные богатства молодого Затрапезнова — наследника известных ярославских фабрикантов [51], а также нажившись на откупе питейных сборов [52]. Наследникам своим глава рода оставил «несметные богатства и дворянское достоинство» [53].

Итак, конец XVII—XVIII в., когда иностранцы были вытеснены с внутреннего рынка, было временем более благоприятным, чем раньше, для сохранения преемственности в торговле и предпринимательстве. Вместе с тем продолжал действовать ряд факторов, способствовавших исчезновению купеческих родов с исторической арены. Среди них наиболее действенными были: фактор смерти предприимчивого главы торгового дома, характерный для всех периодов; переход в дворянское сословие, связанный с бюрократизацией страны; конкурентная борьба с иностранцами, обладавшими капиталами, и с зажиточными крестьянами, усиленная разложением феодально-крепостнического строя.

---

[51] Там же.
[52] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. III, с. 423.
[53] Звягинцев Е. А. Указ. соч., с. 63.

Заказ 6740

Н. Ф. ЕМЕЛЬЯНОВ

Омск

ТОМСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ «ЛИТВА» В XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII вв.

Население Томского уезда по своему составу в XVII в. было довольно сложным. Оно формировалось насильственно и добровольно за счет притока не только русских переселенцев, но и представителей разных национальностей, в частности, жителей Речи Посполитой. Самой многочисленной частью населения были служилые люди, в состав которых зачислялись наряду с русскими людьми иностранцы, в большинстве уроженцы Украины, Белоруссии, Литвы и Польши.

Дореволюционные историки Н. Н. Оглоблин, П. М. Головачев, Г. Е. Катанаев, Н. Н. Фирсов и другие пытались выявить роль иностранцев в заселении и освоении Сибири[1]. Но, как правило, их попытки сводились к общим описаниям, чрезвычайному преувеличению роли иностранцев в жизни сибирского общества XVII в., к переоценке культурного влияния их на русских засельщиков, что справедливо отметила советский историк З. Я. Бояршинова[2].

Автор предлагаемой статьи на основании имеющихся опубликованных сведений и материалов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) — книг именных жалованья служилым людям, разборной книги 1680/81 г., переписных и дозорных книг, а также переписной книги за 1720 г., сохранившейся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), поставил своей задачей проследить процесс

---

[1] Оглоблин Н. Н. Заговор Томской литвы в 1634 г. Киев, 1894; Головачев П. М. Томск в XVII в. Томск, 1911; Катанаев Г. Е. Западно-сибирское казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Спб., 1908; Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М., 1920, вып. 1.

[2] Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века.— В кн.: Историко-филологические науки. Томск, 1950, т. 112, с. 174.

формирования в Томске служилых людей «иноземного списка» — «Литвы», как названы в русских документах XVII в. все выходцы с земель Речи Посполитой, оказавшиеся по разным причинам в Сибири. Кроме того, автор по мере возможности попытался выявить роль «Литвы» в заселении и освоении Томского уезда в XVII — первой четверти XVIII вв. Такие хронологические рамки обусловлены тем, что с начала XVII в. происходило формирование служилых людей «Литвы» вплоть до конца первой четверти XVIII в. «Литва» служила в составе томского гарнизона несколько обособленно, но к 1725 г. она постепенно слилась с русским населением и позже о ней мы не находим даже упоминаний.

Взаимоотношения России и Польши на протяжении почти всего XVII в. были очень напряженными, о чем свидетельствуют частые военные действия этих государств друг против друга.

В начале XVII в. Россия пережила трудные годы польской интервенции. Польша захватила смоленские земли, а королевич Владислав претендовал на русский престол. В 1618 г. он с войском подступал к Москве, требуя для себя короны. Поход королевича оказался неудачным и привел к Деулинскому перемирию. Россия уступила Смоленск и часть северских городов, согласившись произвести размен пленными.

Деулинское перемирие не ликвидировало всех противоречий между двумя государствами. В 1632 г. Россия начала войну за Смоленск. В 1634 г. Речь Посполитая была вынуждена уступить ранее захваченные земли, кроме г. Серпейска, Владислав отказался от притязаний на русский престол. Таковы были итоги Поляновского мирного договора. Но, тем не менее, угроза со стороны Речи Посполитой не была ликвидирована. В 50-х годах XVII в. отношения государств вновь обострились. Речь Посполитая всячески препятствовала воссоединению Украины с Россией. Это привело в 1654 г. к новой войне, длившейся с небольшими перерывами до 1667 г. Андрусовское перемирие закрепляло за Россией Смоленское и Черниговское воеводства, Стародубский повет и Левобережную Украину, а также Киев с округом на два года. Запорожье переходило в совместное владение России и Польши.

Все эти сложные взаимоотношения двух государств наложили отпечаток на жизнь далекой недавно присоединенной к России Сибири.

Оформление территории Томского уезда началось в пери-

од польской интервенции. Захваченные в плен или добровольно пришедшие на сторону России поляки, литовцы, украинцы, белорусы и другие «иноземцы» рассылались по разным городам Сибири, в том числе и в Томск, где они зачислялись в состав служилых людей, названных просто «Литвой», объединявшей всех служилых людей иностранного происхождения.

До 1626 г. сохранялось очень мало известий о «Литве» из-за гибели во время пожара архива Казанского дворца, погибли дела, в которых имелись сведения о первоначальном существовании сибирских уездов.

Первые достоверные сведения о «Литве» дает «Книга именная Томского города» за 1626 г. В ней перечислены 20 чел. «Литовского списка»: сын боярский Мортин Боржевинский, десятник Адам Зубрицкий, рядовые Филон Матвеев, Фотий Асанов, Юшко Ножка, Петр Старловский, Иван Суховольский, Тимофей Матюшенок, Иван Колыонец, Петр Брутский, Федор Иванов, Тимофей Динов, Семен Коряка, Василий Стрелковский, Астафий Своровский, Дмитрий Давыдов, Иван Ядловский, Григорий Котельник, Лавр Бжицкий и Иван Краснопольский[3]. Как видим, у 9 чел. фамилии были неопределенного происхождения, у 11 они говорят о том, что их носители были родом из Польши и Украины.

События интервенции начала XVII в. привлекли в пределы России большое количество «иноземцев», часть которых не смогла попасть в дальнейшем на родину и осталась на чужой земле. «Пестрый сброд», привлеченный в Россию надеждами на легкую наживу, оказался покинутым на произвол судьбы в чужой им стране. Многие остались в качестве пленников или томились в тюрьмах, некоторые сидели в ожидании перемены, то есть размена пленных, примиряясь с мыслью, если «перемены» не будет, остаться в России, поверстаться в службу и обзавестись семьей[4]. Немало было и таких, которые на последней стадии освободительной борьбы против интервентов успели примкнуть к ополчениям Ляпунова и Пожарского и приняли участие в освобождении Москвы. На первых порах правительство Романовых большую часть этих «иноземцев» удалило в сибирские города. Например, в 1619 г. в Сибирь было сослано сразу 75 чел. Поляк Андрей Просовецкий вместе с братом в 1623 г. был отправ-

---

[3] ЦГАДА, ф. 214, стб. 4, л. 254.

[4] Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. II, с. 163.

лен в Томск. Для него в Томске предписывалось поставить двор, огородить его и быть в «приставстве» добрым служилым людям [5].

Томск сразу же стал одним из главным пунктов, куда ссылалась «Литва» на пашню или в службу. В августе 1633 г. в Томск была прислана группа из 150 чел. «литовских людей» [6]. Большинство из них были белорусами, меньшинство поляками и украинцами. Часть из них была поверстана в конные и пешие казаки, некоторые попали в дети боярские, часть их влилась в пашенные крестьяне. Всего, по Буцинскому, с 1590-х гг. по 1645 г. сослано в Сибирь 1500 чел., из них нерусских подданных числилось 650 чел.[7]. Последние были людьми из неприятельских армий, «которые иманы на бою во языцех», и иноземцы, служившие в русском войске и сбежавшие во время войны к неприятелю, затем захваченные в плен [8]. Среди них находились поляки, черкасы, латыши, немцы. Пленные попали в Тюмень, Тобольск и Томск.

В ходе войны 1654—1667 гг. многие пленные из Речи Посполитой попали в Томск. Первая группа из 12 чел. была прислана из Москвы в 1656 г., далее приток их нарастал. По данным разборной книги служилых людей, в 1657 г. прибыло еще 8 поляков, в 1659 г. — 10, к 1667 г. прибыло еще 25 чел. Разборная книга Томского города на 1681 г. среди выходцев из Речи Посполитой перечисляет 46 детей боярских, 22 конных и пеших казаков и 4 отставных служилых человека, или всего 72 чел.[9]. Из них заявили, что были пленены их деды, 5 чел., отцы — 13, сами — 38. Кроме того, добровольно перешли на службу в Россию отцы у 9 чел., сами — 7, или всего 16 чел. Как видим, многие служилые люди «Литва» пошли на размен, часть заменилась на службе сыновьями и внуками, некоторые продолжали службу, обзавелись семьями и хозяйством, то есть прочно осели на томской земле. Тех, кто попал в плен в 50—60-е годы XVII в. и остался служить в Томске, насчитывалось более 30 чел.: это Юрий Соболевский, Степан Вертинский, Михаил Гуторов, Степан Борковский, Андрей Козловский, Петр Жуковский, Иван Закревский, Осип Згибнев и другие.

---

[5] Там же.

[6] Оглоблин Н. Н. Указ. соч., с. 3.

[7] Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889, с. 198.

[8] Там же, с. 199.

[9] ЦГАДА, ф. 214, кн. 698.

«Литва» с трудом сживалась с новой обстановкой и томилась по родине. Далеко не все остались навсегда в Сибири. Как сообщает Н. Н. Оглоблин, первый размен пленными состоялся в 1619 г., но, видимо, ранее присланные в Томск на службу пленные и перебежчики отказались по ряду причин идти «в свою землю», многие из них остались на томской земле [10]. Согласно Поляновскому мирному договору в 1634 г. возврату домой подлежали пленные, но все же некоторые «похотели остаться», приняли православие и женились на русских женщинах. Размен пленными производился в 1662 г., когда из Томска к Костроме и Ярославлю была отправлена под охраной часть пленных (им на дорогу из казны выдали 300 руб.) [11]. Следующий размен состоялся после Андрусовского перемирия в 1667 г. Многие пленные вновь отказались вернуться на родину, остались служить в Томске, обзаведясь семьями и хозяйством.

Среди «Литвы» потомственными служилыми людьми считались Ядловские, Бжицкие, Митюшонки, Тупальские, Ржицкие, Вербитские, Морозовские, Литвиновы, Тумашевы и другие. За дедов и отцов служили в 1680 г. 26 сыновей и внуков. Например, в 1629 г. Юрий Тупальский выехал в Россию «на государя», в 1634 г. он был прислан в Томск, а в 1680 г. вместо него служил его сын Степан. Примерно так же сложилась судьба у Ивана Ржицкого, Якова Морозовского и др.

Замена отцов на службе сыновьями практиковалась очень часто. Например, в 1688 г. Сибирский приказ зачислил на службу вместо сына боярского двух его сыновей [12]. В 1695 г. вместо сына боярского Юрия Соболевского стали служить его сыновья [13]. Тем не менее, многие из списка «Литвы» оставались без замены. Об этом говорят следующие факты. В 1705 г. на службе «Литвы» казаков осталось всего 15 чел., по сравнению с 1680 г. меньше на 7 чел.[14]. В 1724 г. «шляхта дети боярские» насчитывала 28 чел., по сравнению с 1680 г. их на 18 чел. стало меньше. «Иноземного списка казаков» осталось всего 12 чел.[15]. В 1724 г. при утверждении новых штатов гарнизонов правительство уменьшило численность служилых людей в Сибири, отменив деление на «шляхту» —

---

[10] Оглоблин Н. Н. Указ. соч., с. 2.
[11] ЦГАДА, ф. 214, стб. 470, ч. 1, л. 224; стб. 536, л. 164.
[12] Там же, стб. 750, л. 3.
[13] Исторические акты XVII столетия. Томск, 1897, с. 27.
[14] ЦГАДА, кн. 1428.
[15] ЦГАДА, разряд XXIV, д. 25.

«Литву», или «иноземного списка казаков». Состав гарнизонов теперь подразделялся на дворян, детей боярских, конных и пеших казаков, национальный признак не учитывался.

С 1630 г. по указу царя «иноземцев», знавших военное дело и принявших православие, начали верстать и дети боярские[16]. Дети боярские «Литва» составляли верхушку служилого населения. Они получали за службу сравнительно высокие оклады: от 10 до 20 руб. в год, 10—20 чет. ржи и столько же овса, 3—4 пуда соли. Должности, занимаемые детьми боярскими, были командными. Например, в 1657 г. Юрий Ядловский руководил строительством Сосновского острога, в 1684 г. Юрий Соболевский — Уртамского, в 1703 г. Алексей Кругликов — Умревинского. Дети боярские были сотниками и пятидесятниками у конных и пеших казаков, им поручалась доставка в Москву пушнины, а обратно денег и товаров для раздачи служилым людям. Под их командованием отряды казаков обороняли от кочевников уезд, в 1701 г. против киргизов выступил отряд под командованием Алексея Кругликова; на реке Томи у с. Пачинского киргизы потерпели большое поражение[17]. В 1713 г. Алексей Кругликов числился в сибирских дворянах, имел свою деревню по Оби.

Некоторых детей боярских не удовлетворяли размеры хлебного жалованья, и они включались в земледелие. В 1680 г. из 46 чел. 6 служили с пашни за хлебное жалованье[18]. Почти все дети боярские к этому времени имели сложившиеся семьи, у них было 69 сыновей (до 10 лет — 48, от 10 до 20 — 20), у 1 чел. имелся брат, 6 глав семей назвали себя старыми и увечными, один, имея 4 сыновей, назвался бедным. Все эти факторы сказывались на хозяйственном состоянии «Литвы». Характерной особенностью было то, что пашнями обзаводились первыми те, кто «выехал на государя», кто имел уже взрослых сыновей. Постепенно в земледелие включались и те, кто был «взят на бою».

В 1703 г. Кругликовы, Ядловские, Жуковские, Соболевские, Ставские, Ржицкие, Кулаковские, Болтовские и другие имели свои обширные заимки. Например, И. Болтовский владел участком земли размером в 300 дес.[19]. Земли получали все, кто хотел служить с пашни. В 1724 г. 13 чел. детей бо-

---

[16] Оглоблин Н. Н. Указ. соч., с. 6.
[17] Памятники Сибирской истории начала XVIII в., ч. 1, Спб., 1882.
[18] ЦГАДА, ф. 214, кн. 698.
[19] Там же, кн. 1371.

ярский из «Шляхты» служили с пашни[20], многие имели уже своих дворовых работников.

Несколько хуже было положение у конных и пеших казаков «Литвы». Они в меньших размерах получали жалованье за службу: в год 6—8 руб., 5—6 чет. ржи, 4—5 чет. овса и 2—3 пуда соли. В 1680 г. они все имели свои семьи, в которых насчитывалось сыновей в возрасте до 10 лет — 14, от 10 до 20 — 17, старше 20 лет — 1, то есть семьи у некоторых состояли из 5—6 чел. Хотя и размеры жалованья у конных и пеших казаков «Литвы» были несколько выше, чем у русских собратьев по службе, они не все могли содержать за счет его свои семьи, это вынуждало их заниматься хлебопашеством. В 1680 г. 6 чел., которые «съехали на государя», имели свои пашни. В 1703 г. 9 казаков владели заимками (в их семьях было 38 детей, братьев, племянников и 1 дворовый работник), где возделывалось пашни 43 дес. в одном поле и заготовлялось 1500 копен сена. 4 семьи казаков владели своими мельницами[21]. Хозяйства отдельных казаков «Литвы» были уже зажиточными. В 1724 г. служили с пашни всего 7 чел.[22], но к этому времени выделилась значительная прослойка детей казаков «Литвы», неповерстанных в службу, которые занимались только своим хозяйством. Таких по переписи 1720 г. только в Сосновском стане имелось более 20 семей. Особенно много их было в деревнях Литвиновой и Гутовой[23].

Служебные обязанности казаков «Литвы» были самыми разнообразными. В первую очередь они несли сторожевую службу, находясь в разъездах и разных посылках: собирали ясак с местного населения, ездили в Тобольск за хлебными припасами, «ходили на киргиз войною», оберегали земли Томского уезда от нападений кочевников, выполняли разные поручения воеводской канцелярии.

Уходя в отставку, служилые люди «Литва» жили на иждивении своих сыновей, иногда продолжая вести свое хозяйство. В 1680 г. таких уже было 4 чел., один из них занимался хлебопашеством, в казну платил пятинный хлеб — пятую часть урожая. Ссыльные «литовские люди» нередко завоевывали на дальней окраине России почетные места, дослужи-

[20] ЦГАДА, разряд XXIV, д. 25.
[21] Бояршинова З. Я. Указ. соч., с. 136.
[22] ЦГАДА, разряд XXIV, д. 25.
[23] Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 321, оп. 1, д. 1а.

ваясь до воевод. Раз попавши в служилые люди, они принимали православие, заводили свое потомство и хозяйство, меняли часто свою фамилию: Ян Березуцкий делался Иваном Березовским, Иосип Кобылянский — Осипом Кобылиным, а запорожский атаман Михайло Скиба, сосланный в Томск, обратился в Михалку Скибина[24].

Проявление недовольства «Литвы» не ограничивалось только словами. При удобном случае «иноземцы» старались бежать из Сибири, хотя это им редко удавалось. В 1617 г. 60 «литовских людей» велено было раздать пашенным крестьянам «в науку». Через два года они были затребованы в Москву для размена. На это тобольский воевода ответил: «Девятнадцать человек, будучи сосланы в Томск на пашню, перебили служилых людей, с которыми были отправлены, захватили государеву казну и убежали на камень»[25]. Кроме бегства за пределы уезда, имелись случаи открытого выступления против местной администрации. В связи с тяжелым положением ссыльных военнопленных в 20—30-е годы XVII в. происходили их заговоры. В 1634 г. в заговоре участвовало 75 чел.— 50 служилых людей и 25 крестьян. Во главе заговорщиков стоял Иван Белимовец, уроженец г. Нежина, присланный в Томск в 1633 г., и Иван Краснопольский, который известен по именной книге Томского города 1626 г., он среди «Литвы» получал низкое жалованье. Среди заговорщиков упомянуты Моисей Голящевский, Сафрон Стасейский, Михаил Грабовецкий и многие другие. Заговорщики договорились убить воеводу, перебить русских служилых и посадских людей, забрать денежную и соболиную казну, захватить запасы пороха и свинца, сжечь Томск и уйти по южносибирским степям на Волгу, а потом в Литву. Предполагалось выступить в «деловую пору», когда служилые люди будут на заставах, «в проезжих и отъезжих сторонах», в городе останутся старики и дети.

14 июня 1634 г. заговор был раскрыт. Заговорщиков схватили и пытали, 12 чел. воеводы, не дожидаясь указа царя, приказали повесить, остальные из тюрьмы были отправлены в Москву. Так неудачно закончилась попытка «Литвы» освободиться из плена, которая могла бы иметь отрицательные последствия для русского населения. У нас нет точных сведений об участии «Литвы» в волнениях служилых людей в

---

[24] Исторические акты XVII столетия, 1890, с. 35—43.
[25] Буцинский П. Н. Указ. соч., с. 200.

Томске в 1638—1639 гг. и 1648—1650 гг. Выступления эти были довольно большого размаха, видимо, часть «Литвы» была охвачена волнениями.

В итоге мы видим, что роль выходцев из Речи Посполитой в жизни Томского уезда была небольшой. По данным 1680 г., они составляли около 8% служилых людей и около 2% всего населения уезда. Среди пашенных крестьян Сосновского стана в 1720 г. зафиксированы дворы Герасима Боровского, Дмитрия Черемисского, Игнатия Боровского и других. «Иноземцы» жили в деревнях уезда Усть-Сосновке, Трубочевой, Б. Евтюшиной, Литвиновой, по Калтыраку и Тарсме, Бжицкого, Лучановой, Ржицкого, Гутовой и др. Такие села, как Иткаринское, было основано Юрием Ядловским, Кулаково — Михаилом Кулаковским, Богородское — Иваном Своровским; деревни Б. Евтюшина — Иваном Березовским, Литвинова — Матвеем Литвиновым, Бжицкого — Петром Бжицким, Лучанова — Болтовским, Ржицкого — Ржицким, Грибовского — Грибовским, Великосельского — Д. Великосельским, Гутова — Гутовым. Таким образом, они приняли активное участие в основании около двух десятком деревень из 200 известных к концу первой четверти XVIII в.

В 1720 г. в составе томских земледельцев, которых было около 2000 дворов, «Литва» имела 5—6% всех дворов. Крестьяне еще в XVII в. слились с русскими земледельцами и нигде не подразделялись, к концу первой четверти XVIII в. это случилось и со служилыми людьми.

А. Д. КОЛЕСНИКОВ

Омск

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ РЕВИЗИЙ И НА ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ДАТЫ

Народонаселение является постоянно развивающейся и меняющейся величиной. Эти изменения происходят вследствие естественного развития населения и миграционных процессов в стране в целом и по отдельным ее регионам. Поэтому одной из основных задач исторической демографии является выяснение численности населения отдельных регионов на какие-то определенные даты. Любое историко-демографическое исследование не может обойтись без цифр, выявляющих тенденции развития народонаселения. Лишь располагая каким-то цифровым материалом, полученным косвенным путем за более древние периоды, или статистическими данными за сравнительно позднее время, исследователь может делать определенные выводы о демографических процессах. И чем точнее данные, тем более достоверными могут быть выводы и определения.

При изучении народонаселения России за XVII—XIX вв. историки широко используют материалы переписных книг, ревизские сказки и данные переписей. Эти материалы дают возможность определять развитие производительных сил, общую численность и социальный состав населения в целом по стране и отдельным ее регионам. Имея данные о численном составе на какие-то даты, исследователи делают выводы о демографических процессах, о перераспределении населения по территории страны. Поскольку в архивах отложились о численности населения многообразные цифровые данные, составляемые в разные годы и по разным поводам, то для обработки архивных цифровых материалов необходима единая научная методика, единство их использования и анализа источника.

В. М. Кабузан, много лет работающий с материалами ревизий, отмечает, что «по каждой ревизии сохранилось боль-

шое число разнообразных ведомостей, показывающих зачастую весьма различающиеся друг от друга результаты. Из всего этого комплекса материалов необходимо сделать правильный выбор тех сведений, которые по данной ревизии являются наиболее точными»[1]. Ведомости о численности населения по губерниям и уездам составлялись не только по итогам ревизий, но и при проведении административных реформ, при составлении смет доходов по налогам, при рекрутских наборах, велся учет населения и т. д. И прав В. М. Кабузан, когда рекомендует, что «из всего этого комплекса материалов необходимо сделать правильный выбор тех сведений, которые по данной ревизии являются наиболее точными». Использование недостаточно проверенных данных ведет к публикации разных сведений на одни и те же даты. Вот несколько примеров по Сибири.

М. М. Громыко, используя данные из докладов губернаторов Д. Чичерина за 1767 г. и Е. Кашкина за 1783 г., показала, что население Тобольского уезда в 1747 г. составляло 26 416 м. д. и к 1767 г. увеличилось на 8%, а с 1767 по 1782 г. население уезда с 28 678 м. д. сократилось до 20 003 м. д., или уменьшилось на 30%. А. Н. Жеравина по прожекту Тобольской казенной палаты о разделении границ уездов по реформе 1782 г. показала, что население Тобольского уезда с 1763 по 1782 г. выросло с 15 696 д. м. п. до 22 716, или увеличилось на 45%[2]. По данным М. М. Громыко, податное население Туринского уезда с 1767 по 1782 г. увеличилось на 47%, по сведениям же В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, этот рост составил всего лишь 3%[3]. В. В. Воробьев по V ревизии 1795 г. показал в Красноярском уезде 36,5 тыс. муж. душ, в том числе крестьян 23,4 тыс., по сведениям В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, на эту же дату в Красноярском уезде числилось всего населения 21 301 м. д. и крестьян 15 344[4].

---

[1] Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). М., 1963, с. 133.

[2] Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, с. 25; Жеравина А. Н. Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в.— В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1964, вып. 1, с. 10.

[3] Громыко М. М. Указ. соч.; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762—1795 гг.).— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, с. 142.

[4] Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975, с. 90. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч.

Ю. В. Кожухов на 1816 г. в Иркутской губернии считает податного населения 195 456 м. д., а по сведениям В. М. Кабузана, их 268 053, крестьян, по Кожухову, 130 414, а по Кабузану 257 861 м. д. По Кожухову, крестьян в Иркутской губернии в 1860 г. 247 357, а по Кабузану, 316 141 м. д.[5]. По данным В. В. Воробьева, население Восточной Сибири с 1851 по 1861 г. увеличилось на 17%, а по сведениям В. М. Кабузана, население Иркутской губернии с 1850 по 1857 г. сократилось на 14% [6].

Иногда разные цифры публикуются одними и теми же исследователями без объяснения, почему приводится другая цифра. В работе В. М. Кабузана, опубликованной в 1971 г., показано, что в 1833 г. в Сибири всех крестьян было 722 626 м. д., в том числе в Тобольской губернии 257 167 и в Иркутской 258 155 м. д. В статье за 1973 г. автор назвал цифры крестьян в Сибири в 1833 г. 917 640 м. д., в том числе в Тобольской губернии 321 935, в Иркутской 317 349 м. д.[7].

Аналогичные примеры можно было бы еще продолжить. Все они свидетельствуют о наличии значительных расхождений в численности населения губерний и уездов на одни и те же даты. По Тобольскому уезду в одном случае показано сокращение населения на 30%, в другом почти за одни и те же хронологические даты увеличение на 45%, по Иркутской губернии за 1816 г. разница цифр почти в два раза. Из разных цифр делаются и разные выводы. В одном случае — прекращение миграций и отток населения из уезда, в другом — массовый приток переселенцев.

Введение в научный оборот противоречивых цифр о численности населения каких-то регионов на определенные даты мало способствует развитию историко-демографических исследований, вносит путаницу в работы краеведов, которые широко используют публикуемые данные. Причем в работах зачастую не дается анализа приводимым цифрам и ссылок на ранее опубликованные другие данные. Это крупный недоста-

---

[5] Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800—1861 гг.). Л., 1967, с. 66. Кабузан В. М. Изменение в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX вв. М., 1971, с. 135, 171.

[6] Воробьев В. В. Указ. соч., с. 56. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX вв., с. 161.

[7] Кабузан В. М. Народонаселение России... с. 161; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в.—В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 273.

ток нового научного направления — исторической демографии, и его надо устранять. С увеличением историко-демографических исследований, в чем есть большая необходимость, может накопиться такое обилие цифр, что в них трудно будет разобраться и специалистам.

В чем причина публикации разных цифр? Выше уже отмечалось обилие в источниках данных о численности населения. Эти данные составлялись по разным поводам и разными ведомствами. В одном случае по итогам ревизий и определению поступлений налогов с податных сословий, в другом духовенством о наличии православного населения, в третьем о продовольствии всего наличного населения. Одни цифры появлялись при подведении итогов переписи, другие после ревизии (проверки правильности проведения этой переписи). Одни ведомости составлялись в момент окончания ревизии, другие через 10—18 лет после ревизии. В этих ведомостях могла быть значительная разница цифр, особенно в районах с подвижным населением, каким являлась Сибирь в период ее интенсивной колонизации. Все это обязывает исследователей, изучающих историю народонаселения, с большим вниманием и знанием дела относиться к цифровому материалу, глубже анализировать источники. Основной причиной публикации противоречивых данных о численности населения, на наш взгляд, является недостаточный анализ извлеченных данных из архивов, а иногда и поспешность в публикации, без достаточной проверки.

Непременнейшим условием для гарантии от ошибок является глубокое изучение общей истории региона, в котором изучается история народонаселения, истории административно-территориальных реформ и по возможности картографирования изучаемой территории. В середине XIX в. в Сибирь увеличился приток переселенцев. Только в 1852—1853 гг. в Западную Сибирь прибыло 55 тыс. человек из числа легальных переселенцев, переводимых Министерством Государственных Имуществ. Почти одна треть всех киселевских переселенцев направлялась в Сибирь. В эти годы увеличился и приток ссыльных[8]. Середина XIX в. характеризуется интенсивным ростом населения Сибири. В. М. Кабузан же показал, что население Сибири с 1850 по 1857 г. сократилось с

[8] Колесников А. Д. Переселения крестьян в Западную Сибирь в середине XIX в.— В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1976, вып. 9, с. 65.

1 437 630 м. д. до 1 355 661, в том числе по Тобольской губернии на 2 тыс. м. д., по Томской на 10 тыс. и по Иркутской на 70 тыс. м. д.[9].

По указу 19 января 1782 г. в Сибири вводилось новое административное деление. В связи с перемещением населения на юг, заселением и освоением лесостепной и степной зоны края создавались новые уезды, значительно менялись границы и старых уездов. Определение границ и подача ведомостей о численности уездов поручались генерал-губернатору Е. П. Кашкину[10]. В первоначальном «изъяснении на высочайшее имя» Кашкин предполагал, что в новых границах Тобольский округ включит в себя 23 000 р. д., Тарский и Омский по 15 000, Ишимский — 16 000 р. д. и т. д.[11]. В связи с этими наметками Тобольская казенная палата составила прожект установления границ с указанием, какие слободы и погосты к каким округам относятся. Многие селения, расположенные восточнее Ялуторовска, проектировались в Ишимский округ, а селения с Ишима и из Тобольского округа в Тарский округ. Этот прожект Тобольской казенной палаты и опубликовала А. Н. Жеравина без указания, что это лишь проект, который не был осуществлен. При окончательном утверждении границы в значительной мере еще раз были изменены. В Тобольском округе вместо намечаемых 23 000 р. д. осталось 14 266, в Тарском вместо 15 000 р. д. вошло лишь 11 844 р. д.[12]. К Туринскому округу была присоединена территория упраздненного Пелымского уезда и две слободы с деревнями из Исецкой провинции. И численность населения Туринского округа увеличилась на 47%, на что правильно указала М. М. Громыко, но не за счет «усиления переселений», а за счет включения в округ новых территорий. В Тобольский округ были включены Демьяновский и Самаровский ямы, а несколько юго-западных волостей переданы в Тюменский и Ялуторовский округа, и население в целом Тобольского округа сократилось на 30%, но не столько за счет оттока переселенцев (они также имели место), а в основном за счет изменения границ. Таким образом, мы видим, что изменение численности населения Тобольского и Туринского округов

[9] Кабузан В. М. Народонаселение России... с. 161; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири... с. 273 (см. с. 72).

[10] Полное собрание законов Российской империи.

[11] ЦГАДА, ф. 24, д. 60, ч. 1, лл. 173, 174.

[12] Там же, лл. 180—186.

между III и IV ревизиями (а точнее в 1782—1785 гг.) произошло не вследствие изменения миграционных потоков, а в результате изменения территориальных границ округов. В связи с этим примером перед исследователями истории народонаселения отдельных регионов и более мелких административных единиц встает обязательная задача — хорошее знание истории административно-территориального деления края, знание картографического материала и географии населенных пунктов. Лишь при этом условии будут составляться сплошные ряды по сопоставимой территории, в единых границах.

Касаясь административной реформы Сибири в 1782 г., хочется затронуть еще один вопрос. В результате этой реформы создана Пермская губерния за счет включения в нее части уездов Приуралья и восьми уездов, лежащих восточнее Урала, в том числе Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Камышловского, Долматовского, Шадринского, Алапьевского и Челябинского, с объединением их в Екатеринбургскую область с общим населением 160 тыс. м. д.[13]. Подавляющая часть территории, вошедшей в Екатеринбургскую область, ранее входила в Сибирскую губернию, и ее население учитывалось по Сибири. Это надо учитывать при построении кривой роста населения Сибири за XVIII в.

Высокую оценку у советских историков получили материалы ревизий. Данные ревизий обоснованно предлагается брать за основу при определении численности населения, материалы текущего и церковного учета использовать как вспомогательные. Но материалы ревизий также весьма разнообразные. В. М. Кабузан считает, что «советские историки, изучающие историю народонаселения России, должны пользоваться только окончательными цифровыми данными ревизий». Но что считать «окончательными данными», какие сведения наиболее точные? В. М. Кабузан пришел к выводу, «что лишь накануне каждой очередной ревизии по предшествующей переписи можно получить самые точные цифры всего податного населения, так как именно к этому времени все проверки позволят учесть наибольшее число прописных душ»[14].

В период переписей и последующих их проверок (ревизий) какая-то часть податного населения уклонялась от уче-

---

[13] Там же, лл. 13—26.

[14] Кабузан В. М. Народонаселение России... с. 138.

та. В последующие годы первоначально не учтенные (прописные души) как-то обнаруживались администрацией, облагались налогом и приплюсовывались к общей численности населения. И в целом по стране «лишь накануне каждой очередной ревизии по предшествующей переписи» составлялись более полные данные численности податного населения. Поэтому рекомендация В. М. Кабузана в целом для государства в сопоставимых границах совершенно верная. Но для определения численности населения отдельных регионов, губерний и уездов предложенный метод принять нельзя. Использование данных о наличии податного населения «накануне каждой очередной ревизии по предшествующей переписи» будет давать искаженную картину выше фактического по районам выхода переселенцев и ниже по районам их оседания. Если бы по территории страны происходило равномерное движение населения по всем районам, тогда бы отток мигрантов компенсировался приходом новых поселенцев. Но такого никогда в истории России не было. Во все времена происходило передвижение населения из старозаселенных во вновь осваиваемые районы. Это явление и дало основание В. О. Ключевскому утверждать, что «переселения, колонизация страны были основным фактором нашей истории»[15].

Ревизии населения в России в 1719—1858 гг. проводились раз в 13—20 лет. В промежутках между ревизиями движение населения не останавливалось. Какая-то часть мигрантов не регистрировалась текущим учетом и лишь ревизии выявляли эти передвижения. Но как показывают материалы Сибири и других вновь осваиваемых районов, большинство переселялось с разрешения властей или, прибывая самовольно, учитывалось текущим учетом. Поэтому в местах выхода переселенцев численность ревизских душ сокращалась, а в местах оседания увеличивалась.

Сибирь в XVII — начале XX вв. являлась районом с высокоподвижным населением. Сюда постоянно прибывали новые группы переселенцев, шли партии ссыльных. Значительным было движение населения и внутри Сибири. Из старозаселенных уездов края происходил отток крестьян на вновь осваиваемые земли. Все это приводило к изменению численности населения как в Сибирь в целом, так и по отдельным ее районам. В старозаселенных уездах происходило сокращение численности ревизских душ, во вновь заселяемых их

[15] Ключевский В. О. Соч. М., 1956, т. 1, с. 32.

численность быстро росла. В этих условиях использование данных кануна очередной ревизии как показателей предшествующей ревизии дает неверную картину территориального размещения населения. Вероятно, это положение относится не только к Сибири, но и к другим регионам страны.

Третья ревизия в Сибири проводилась в 1762—1763 гг. По окончании переписи была проведена ее ревизия, которая выявила часть не учтенных переписью, и были записаны прибывшие между проведением переписи и ее ревизии. С окончанием ревизии в 1764—1765 гг. составлены перечневые ведомости, «подведены окончательные данные ревизии». Но движение населения продолжалось. В 1765—1782 гг. происходит массовое переселение крестьян из Тобольского, Ялуторовского, Туринского и других старозаселенных уездов на новые земли лесостепи. Тысячами прибывали ссыльные в счет рекрут. Все из них, рожденные до 1763 г., регистрировались текущим учетом как ревизские души. И к моменту проведения очередной IV ревизии в 1782 г. картина размещения населения края по сравнению с 1763 г. значительно изменилась.

По Ишимскому дистрикту ревизий 1744—1747 гг. учтено 8801 м. д. Губернатор Д. Чичерин показал, что к 1763 г. в этом дистрикте числилось плательщиков по II ревизии 10 511 р. д., или увеличение по сравнению с 1744 г. на 20%. Увеличение и есть прибывшие в дистрикт после 1744 г. и учтенные текущим учетом. Согласно тому же докладу Чичерина в Ишимском дистрикте III ревизией учтено 14 842 м. д., а к моменту IV ревизии в уезде значилось 18 574 р. д., или рост на 25% по сравнению с 1763 г.[16] Текущий учет исключил выбывших за пределы уезда переселенцев и отданных в рекруты и учел прибывших из других уездов и ссыльных. В этот уезд прибыло более, чем из него переселялось. Общая численность ревизских душ увеличилась.

В 1756—1761 гг. на тракт через Барабинскую степь были переведены приписные крестьяне и разночинцы Томского уезда и государственные крестьяне Тарского уезда, которых ревизией 1763 г. учтено 1992 м. д.[17] После ревизии с 1764 г. по Барабинскому тракту размещаются ссыльные, прибывшие из Европейской России в счет рекрут. Согласно докладу генерал-губернатора Е. Кашкина во вновь создаваемом Каинском

---

[16] Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск, 1973, с. 115.

[17] Там же.

уезде из 2821 м. д. русского населения ссыльные, именуемые посельщиками, составляли более 69%, все они в Сибирь прибыли после 1764 г.[18] В. М. Кабузан и С. М. Троицкий, используя данные кануна IV ревизии, показали, что русское население Каинского уезда по III ревизии составило 5908 р. д., а по IV ревизии 7621 м. д.[19] В данном случае цифра III ревизии дает искаженное представление о времени заселения Барабинской степи, она включает в себя прибывших после 1763 г., к кануну IV ревизии 1782 г. Если фактическое ежегодное увеличение численности населения Каинского уезда в период интенсивного заселения в 1763—1782 гг. составляло 14,8%, то использование других цифр стирает эту специфику.

В опубликованных данных допущены некоторые неточности о численности населения Сибири на начало XIX в., что связано с незавершенностью VI ревизии. Манифест о ее проведении был издан 18 мая 1811 г. Срок подачи итогов по Сибири назначался на 1 июля 1812 г. В. М. Кабузан отмечает, что VI ревизию надо отнести к числу менее удачных, чем предшествующие, «она проводилась с большой поспешностью... Проверку ревизских сказок провести не успели, так как с началом Отечественной войны 1812 г. совершенно прекратились всякие работы, связанные с ревизией». После войны начали проверку, однако в 1815 г. «ввиду начала очередной VII ревизии» проверку прекратили[20].

Именно незавершенностью ревизии можно объяснить тот факт, что по сведениям, опубликованным В. М. Кабузаном, население Тобольской губернии с 1795 по 1811 г. сократилось. Но сокращения не могло быть. Естественный прирост за этот период достигал полутора процентов в год, не было массового оттока населения, не наблюдалось каких-либо стихийных бедствий.

Поскольку ревизия 1811 г. осталась незавершенной, то новая ревизия 1816 г. учла население более полно и дала значительные колебания численности между V—VI и VI—VII ревизиями. Тобольская казенная палата 15 марта 1817 г. представила генерал-губернатору Сибири итоговую ведомость. По ней значится в Тобольской губернии положенных в оклад 236 527 м. д. и 252 774 ж. д., с них окладу 2 213 277 руб. 38¼ коп. Неокладных 23 583 м. д. и 29 830 ж. д. Всего

[18] ЦГАДА, ф. 24, д. 60, ч. I, л. 186.

[19] Кабузан В. М., Троицкий С. М. Об изменении численности населения Сибири... с. 142.

[20] Кабузан В. М. Народонаселение России... с. 71—72.

260 170 м. д. и 282 624 ж. д.[21] После подведения итогов продолжалась регистрация вновь прибывших, и ежегодно два раза составлялись сводки податного населения и доходов с них. Эти сводки поступали регулярно вплоть до следующей VIII ревизии 1833 г.

В. М. Кабузан показал по Тобольской губернии по VII ревизии окладных 271 110 м. д. и неокладных 37 502 м. д. Всего 309 112 м. д. Это как раз данные кануна VIII ревизии — 1832 г. и намного больше, чем было к 1816 г. Это и дало колебания численности населения Сибири, чего фактически не было. По опубликованным данным, население Сибири с IV по V ревизии ежегодно увеличивалось только на 0,56%, с V по VI — на 0,86%, что значительно ниже естественного прироста. А с 1811 по 1815 г., по данным В. М. Кабузана, население Сибири увеличилось с 682 597 м. д. до 871 352, или ежегодный прирост составил 6,26%. Такие показатели никак не подтверждаются фактическим движением населения края. В Сибири в этот период был довольно высокий естественный прирост, достигавший в среднем до 1,7% в год. В Сибирь продолжался приток ссыльных и несколько в меньших размерах приток вольных переселенцев. За первое полугодие 1814 г. Тобольской казенной палатой зарегистрировано прибывших из Нижегородской губернии 23 р. д., из Казанской — 9, из Вологодской — 5. Кроме этого, учтено прописных 137 м. д., прибывших преимущественно из соседней Пермской губернии. Всего вновь учтено 195 р. д. За второе полугодие 1814 г. учтено 232 р. д.[22]

Материалы текущего учета никак не подтверждают быстрого роста населения Сибири в 1811—1815 гг., ежегодного увеличения на 6,26%. Использованные цифры относятся не к 1816 г., а к кануну VIII ревизии. В 1822 г. была создана Омская область, включавшая в себя огромное пространство Восточного Казахстана от Петропавловской до Бухтарминской крепостей. Возможно, в данные 1832 г. включались новые категории населения, вошедшие в Омскую область.

Для более точного определения роста населения Сибири в конце XVIII — начале XIX вв. целесообразнее брать данные V и VII ревизий, упуская показатели VI, как незавершенной ревизии. С 1795 по 1816 г. население Сибири увеличилось на

---

[21] Государственный архив Омской области, ф. 2, оп. 1, д. 172, л. 219.
[22] ГАТОТ, ф. 154, оп. 4, д. 10, л. 97.

276 736 м. д., что соответствует ежегодному приросту на 2,2%. Этот показатель ближе к фактическому.

Население Сибири в XVII—XIX вв. постоянно и неуклонно росло, не претерпевая особых спадов и сильных скачков до начала массовых переселений в конце XIX — начале XX вв. Выведенный В. М. Кабузаном ежегодный прирост населения Сибири в 1719—1857 гг. 1,25% (по России в границах первой ревизии он составил 0,81%) нам представляется близким к реальному. В отдельные периоды были колебания, но незначительные. Несколько выше был рост в середине XIX в., когда увеличился приток переселенцев и водворение ссыльных.

Подробный анализ движения населения Тобольской губернии за 1850—1858 гг. показал, что население губернии увеличилось с 879 тыс. душ об. п. до 1011 тыс., или на 141 860 чел. За эти годы естественный прирост составил 104 708 чел., прибыло переселенцев 45 328 чел. и водворено ссыльных 32 201 чел. За этот же период из губернии выбыло более 40 тыс. чел.— взято в рекруты, переселилось в другие губернии, до половины выбыло ссыльных[23]. Несмотря на интенсивные миграции, естественный прирост давал основное увеличение численности населения края. Этот источник был основным уже с начала XVIII в. Поэтому допускается ошибка, когда все увеличение численности населения Сибири относится лишь за счет притока переселенцев из-за Урала и не учитывается естественное развитие уже осевшего в Сибири русского населения.

Из всего вышесказанного и приведенных примеров следует, что нельзя оперировать цифровыми выкладками без детального изучения истории данного региона. Лишь комплексное, подробное изучение истории края поможет выяснить тенденции движения населения и с наименьшими ошибками выбрать какой-то документ о численности населения района на определенную дату по сопоставимой территории. Если в целом для страны можно принять предложенный В. М. Кабузаном метод определения численности податного населения ревизий по данным перед началом следующей переписи, то для вновь заселяемых районов и районов с оттоком мигрантов более точную картину дают итоговые данные, составляющиеся при подведении окончательных итогов реви-

---

[23] Колесников А. Д. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII в.— В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 236.

зий. Использование материалов текущего учета может дать сведения о движении населения между ревизиями и численность населения губерний, уездов и волостей на промежуточные даты между ревизиями.

А. С. КОЦИЕВСКИЙ

Одесса

РОЛЬ БЕГЛЫХ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ И БЕССАРАБИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Среди различных источников формирования городского населения Южной Украины и Бессарабии существенную роль играло бегство крепостных, бывшее одним из основных источников заселения южных окраин в целом. Крестьяне в полной мере сумели использовать возможности того периода в истории южной Украины и Бессарабии, когда господство турок и татар было подорвано, а потом и ликвидировано, а новый гнет — помещичий и государственный — еще не успел укорениться. В юго-западной части Новороссии роль самовольных переселений оставалась ведущей до 30-х годов XIX в.

В города стремились преимущественно полярные группы крестьянства: наиболее зажиточные и совершенно или почти совершенно неимущие. Первые рассчитывали развернуть в городах юга торгово-предпринимательскую деятельность, а вторые — найти хоть какой-нибудь заработок и пристанище. И те и другие надеялись, изменив имя, записавшись в городские сословия, избавиться от власти помещиков.

Запись беглых, «безгласных людей» в мещане была выгодна властям, т. к. переселенцы не претендовали на получение земельных наделов[1]. Городские магистраты, заинтересованные в скорейшем заселении управляемых ими городов, нуждавшиеся как в рабочей силе, так и в притоке капиталов, обычно охотно принимали беглых крепостных и помогали им остаться недосягаемыми для прежних владельцев[2].

Особенно благоприятно складывались обстоятельства для беглых крепостных в тех городах, где проводились большие строительные работы (строились крепости, портовые соору-

[1] Кабузан В. М. Заселение Новороссии. М., 1976, с. 285.

[2] Яковлев В. А. Из дел о «беглых» в г. Одессе.— В кн.: Новороссийский календарь на 1892 год. Одесса, 1881, с. 107—115.

жения и т. п.)[3]. В таких городах, как Одесса, Херсон, Николаев, приему беглых попустительствовали влиятельные сановники, стремившиеся любой ценой обеспечить строительство рабочей силой, быстро увеличить население вверенных их попечению новых городов.

В 1826 г. Главный штаб обратил внимание, что в Новороссии, особенно в Одессе и ее окрестностях, скопилось много тысяч «беспаспортных бродяг». Одесский градоначальник Пален признал, что «в окрестностях Одессы действительно открыто много было беспаспортных людей». Далее Пален указывал, что в Новороссии принимались раньше беглые, но они «теперь сделались хорошими земледельцами и богатыми купцами»[4].

Бежавшие крестьяне при попытках вернуть их в «первобытное состояние» переходили зачастую к активным формам протеста, вплоть до вооруженной борьбы, перехватывали инициативу у помещиков. В сентябре 1816 г. помещики Киевской губернии послали для возвращения бежавших крепостных четырех чиновников и по одному поверенному от каждого имени — всего 50 человек — в Измаил, «где наиболее укрываются крестьяне». В урочище Сафьян, в 8 верстах от Измаила, вблизи хуторов, состоявших из 70 дворов, где жили бежавшие крестьяне, между ними и сорока сыщиками произошло вооруженное столкновение, в результате которого сыщики вынуждены были отступить. Ночью в самом Измаиле около 50 крестьян напали на квартиру, где находилась остальная часть сыщиков, несмотря на то, что квартира охранялась солдатами, выделенными комендантом крепости. Черкасский поветовый маршал, из донесения которого заимствованы приведенные выше факты, в заключение пишет, что никто больше не соглашается ехать в Бессарабию отыскивать бежавших крестьян[5].

Укрывательству и легализации беглых крепостных спо-

---

[3] В написанной по материалам Центрального государственного военно-исторического архива СССР статье Бачинского А. Д. «Основатели Одессы» (Вечерняя Одесса, 1978, 14 октября) приводятся выдержки из списка первых рабочих одесских каменоломен. Из списка явствует, что подавляющее большинство этих рабочих составляли беглые крепостные крестьяне Петербургской, Калужской, Орловской, Киевской и других губерний.

[4] Рындзюнский П. Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958, с. 355.

[5] Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 149, д. 468, л. 31—32.

собствовали также старообрядческие и сектантские общины южноукраинских и бессарабских городов. Зная это, некоторые беглые крепостные искренне или притворно переходили в старообрядчество или сектантство, чтобы обеспечить себе помощь богатых, разветвленных религиозных организаций. Богатая верхушка старообрядческих и сектантских общин, заинтересованная в рабочей силе, не только принимала и укрывала беглых, но и активно способствовала бегству крепостных, иногда организовывала его[6].

Неимущие и малоимущие беглые крепостные крестьяне обычно селились не в самих городах, а на хуторах, расположенных на городской земле. Это ослабляло контроль за ними городской полиции, позволяло сочетать привычные занятия сельским хозяйством с заработками на строительных работах, занятием ремеслами и мелкой торговлей[7].

Юридическое положение осевших в городах Юга бывших крепостных было различным и в целом соответствовало их имущественному положению. Очень немногим, единичным «капиталистым» крестьянам удавалось записаться в купечество. Так, бывший крепостной крестьянин князя Мещерского Крамаров приписался в Одессе в гильдийские купцы и даже избран был в 1819 г. в число директоров «от купечества» Одесской конторы купеческого банка[8]. Основная же масса более или менее зажиточных крестьян легализовала свое положение путем записи в мещане, обзаведясь недвижимым имуществом, а иногда купив паспорт какого-нибудь умершего мещанина[9].

И. П. Липранди, возглавлявший в начале XIX в. русскую военную разведку в Бессарабии, вспоминает, что во время Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. в городах этого края появилось очень много беглых крестьян. В Бендерах, например, после присоединения Бессарабии все наличное население без особых проверок было оформлено как мещанское обще-

---

[6] Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма.— Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950, с. 227—229; Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 515, опись 44, д. 23 654, л. 35, об.; Государственный архив Крымской области (ГАКО), ф. 27, о. 1, д. 3376, л. 1.

[7] Центральный государственный архив Молдавской ССР (ЦГА МССР), ф. 2, о. 1, д. 20, л. 36.

[8] ГАОО, ф. 3, о. 1, д. 22, л. 1—18.

[9] Новицкий Я. П. История города Александровска. Екатеринослав, 1915, с. 128—129.

ство. «В обществе этом,— писал Липранди,— было принято за правило: умерших или бежавших от наказания из общества не исключать, а заменять их бродягами, которые для сего принимали имя умершего или бежавшего, так что с 812 г. из этого общества никто не умирал»[10].

Особенно широко была распространена легализация беглых под видом «выходцев из заграницы», имевших право записаться в любое податное сословие. Многие крепостные крестьяне бежали не сразу в те города Юга, в которых хотели поселиться, а сначала за границу, а потом уже, изменив имя, в качестве «выходцев» записывались в мещане[11]. Запись бывших крепостных крестьян в городские сословия в конце XVIII — начале XIX вв. санкционировалась очередной ревизией и утверждавшим ее результаты указом[12].

Некоторая часть беглых, не будучи в состоянии по своему имущественному положению или иным причинам записаться в мещане или купцы, жила в городах или их окрестностях на нелегальном или полулегальном положении. Эти люди, называвшиеся в народе, а иногда и в официальных документах «бурлаками»[13], жили продажей своей рабочей силы как в городах, так и в сельских местностях. Память о них сохраняется до сих пор в топонимике ряда городов Юга («Бурлачья балка» в окрестностях Одессы).

Об относительной численности бурлаков, правда, в составе специфической общности — в сектантских общинах городов Бессарабии — позволяют судить «именные списки» бендерских молокан и субботников, относящиеся к 1819 г. Бурлаки составляли 5% приверженцев этих сект[14].

Правительство под давлением помещиков, терявших крепостных, пыталось время от времени пресечь бегство крестьян

---

[10] Липранди И. П. Из дневников и воспоминаний.— Русский архив, 1866, с. 1462, 1467.

[11] ГАОО, ф. 1, о. 200, д. 52, л. 87; ГАКО, ф. 26, о. 1, д. 4968, л. 8, и об., д. 2143, л. 9, 32 и об.

[12] ПСЗ, т. XXIV, № 17 638, с. 233—234; т. XXXIII, № 25 947, с. 283—289.

[13] В центральных губерниях России бурлаком называли сначала всякого одинокого бессемейного отходника. Со временем этот термин в России стал употребляться только применительно к тягачам судов и сплавщикам плотов. На южных окраинах Европейской России вплоть до конца XIX в. бурлаками продолжали называть одиноких, не имеющих прочной оседлости «заробитчан».

[14] ЦГА МССР, ф. 2, о. 1, д. 620, л. 20—36.

в города Юга[15]. Однако затормозить процесс совершавшегося таким образом освобождения части крестьян от крепостной зависимости властям не удалось, и на протяжении всего дореформенного периода население городов южной Украины и Бессарабии пополнялось более или менее интенсивно беглыми крестьянами.

Причисление в городские податные сословия беглых намного превышало, особенно в отдельные периоды, легальную прибыль податных переселенцев. Так, к городским обществам Херсонской губернии было причислено за 1823—1831 гг. 414 мещан и купцов, переселившихся легально, и 7583 нелегальных переселенца («безгласных людей»)[16]. «Безгласные люди» составляли 76,96% общего числа причисленных в мещане по Херсонской губернии за время VII ревизии (1816—1835 гг.). В абсолютном выражении число их достигло 8089 человек[17]. О том, насколько велик был удельный вес бывших беглых крепостных крестьян в городских сословиях городов Юга и, прежде всего, крупнейшего из них — Одессы, свидетельствуют и многочисленные отдельные документы. Вот один из них. В 1819 г. Одесский градоначальник граф Ланжерон писал в официальном донесении: «Я нахожу нужным объяснить... состав жителей Одессы. Сначала, как обычно бывает при новом поселении, здесь принимались и записывались все явившиеся: три четверти мещан и многие русские купцы суть беглые господские крестьяне»[18].

Представление об определяющей роли беглых крестьян в формировании населения Одессы было присуще и дореволюционной историографии. Так, например, Надлер отмечал, что «Одесса населялась сама собой и притом самым пестрым сбродом. Она сделалась убежищем и притоном беглых и бродяг...»[19]. О том, какой процент составляли беглые крестьяне по отношению ко всему (податному и неподатному) населению городов Юга в рассматриваемый период, мы можем судить лишь на основании отдельных отрывочных данных.

---

[15] Гуржий И. А. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України. К., 1954, с. 408.

[16] Кабузан В. М. Ук. соч., с. 285.

[17] Там же.

[18] Цит. по: Оксман Ю. Г. Кольцов и тайное «Общество независимых».— В кн.: Научные записки Саратовского Государственного университета, т. XX (1948), с. 67—68; см. также: Боровой С. Я. А. Мицкевич накануне восстания декабристов.— Литературное наследство, т. 60, ч. 1 (1965), с. 433.

[19] Надлер В. К изучению истории города Одессы. Одесса, 1893, с. 4.

В Одессе, например, в 1797 г., т. е. через три года после основания, проживало 2349 человек, в том числе 566 беглых помещичьих и 500 казенных крестьян[20].

Быстрый рост городов Южной Украины и Бессарабии был в значительной мере обусловлен наличием такого массового источника заселения, как бегство крестьян[21].

Беглые крепостные, превратившиеся в купцов, мещан или проживавшие на полулегальном («бурлаки»; «поденщики»), а то и нелегальном положении, являлись существенной частью населения всех крупных городских центров юга Европейской России, составляли специфический и важный элемент их социальной структуры. Быстрые темпы и особенности развития капиталистических отношений в южном регионе в значительной мере связаны со спецификой формирования населения на этой территории, в частности, населения городов[22]. Бывшие беглые крепостные крестьяне составляли в городах южной Украины и Бессарабии основной контингент наемной рабочей силы, играли заметную роль в предпринимательстве и торгово-промышленной сфере.

---

[20] Одесса. 1794—1894. Одесса, 1895, с. 17.

[21] В. М. Кабузан отмечает особенно быстрый рост городов в Бессарабской области и в Херсонской губернии, где в начале 30-х годов XIX в. в городах проживало около трети всего населения.— Кабузан В. М. Ук. соч., с. 242, 263.

[22] См.: Дружинина Е. И. В. И. Ленин о развитии капиталистических отношений в южных и юго-восточных районах Европейской России.— В сб.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.

В. П. ШПАЛТАКОВ

Омск

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1795—1860 гг.)

Рост городов и торгово-промышленного населения ярко характеризует степень углубления общественного разделения труда, наглядно выражает процесс роста капитализма. Если по Европейской России этот процесс рассмотрен достаточно конкретно, то ход его в Сибири до сего времени почти не освещен. Слабая изученность указанной проблемы объясняется отсутствием сколько-нибудь систематизированных статистических материалов, опубликованных в печати. Этот пробел затрудняет разрешение более крупной исторической проблемы: определение того, какой уровень развития капитализма был достигнут в Сибири к буржуазной реформе 1861 г. Используя архивные фонды и частично публикации прошлого века, мы попытались рассмотреть, как менялась численность, структура и удельный вес городского населения в Западной Сибири, и определить ведущую тенденцию в соотношении демографического и экономического факторов.

Скудость статистических материалов сильно затрудняет расчет численности городского населения в Западной Сибири к началу XIX века. Вместе с тем отдельные сведения, извлеченные из книги «Статистическое обозрение Сибири», сгруппированные в табл. 1, позволяют определить численность мужского населения городов Западной Сибири. При рассмотрении данных табл. 1 нужно иметь в виду, что ее цифры характеризуют только категории населения, облагаемого податью (следовательно, из состава горожан исключена численность чиновников, военнослужащих и духовенства).

Количество податных горожан составило в 1795 г. в Тобольской губернии 12 969 мужских душ, а в Томской губернии — 8500. Причем два города — Тобольск и Томск — сосредоточивали 45% всего населения городов Западной Сибири.

Соотношение городского и сельского населения в Тоболь-

Таблица I

Численность податного мужского населения в Западной Сибири в 1795 г.*

Название городов	Число м. д. (в городах)	Число м. д. (в уездах)	Соотношение городского и сельского населения
Томск	4788	27927	1 : 5,8
Тобольск	4764	25386	1 : 5,3
Тюмень	3523	21398	1 : 6,1
Бийск	1763	49929	1 : 28.3
Тара	1734	17230	1 : 10
Туринск	932	12913	1 : 13,8
Кузнецк	770	17924	1 : 23,2
Семипалатинск	532	7076	1 : 13,3
Ишим	490	35142	1 : 71,7
Омск	488	12365	1 : 25,3
Ялуторовск	451	34456	1 : 76,4
Нарым	347	4847	1 : 14
Курган	338	32174	1 : 95
Каинск	300	12258	1 : 40,9
Березов	249	10812	1 : 43,4
Всего:	21469	321837	1 : 16

* Статистическое обозрение Сибири... Спб., 1810, с. 245—306.

ской губернии составляло 1:15,6, а в Томской — 1:14. В целом по Западной Сибири оно выражается как 1:16, или 6,3%. Удельный вес городского населения весьма сильно колеблется по различным уездам: от 1% в Курганском и Ялуторовском до 17—19% в Тобольском и Томском уездах.

Податное городское население состояло из трех главных слоев: купцов, мещан и цеховых, а также разночинцев и дворовых людей. Кроме того, в городах был слой неподатного населения — привилегированная феодальная верхушка, состоящая из дворян, духовенства. Только два первых слоя податных жителей городов можно отнести к торгово-промышленному населению. Купцы были объединены в гильдии, а мещане составляли группу кустарей, рабочих и мелких торговцев. Данные табл. 2 характеризуют соотношение групп мужского податного населения городов Западной Сибири в 1795 году.

Доля купцов во всем податном населении городов Западной Сибири составляла 4,2%, мещан — 83%, а удельный вес

Таблица 2

Структура городского населения (мужских душ) *

Название городов	Купцы	Мещане	Разночинцы	Всего
Тюмень	226	2977	320	3523
Тобольск	181	3517	1066	4764
Томск	132	4455	201	4788
Тара	85	1476	173	1734
Нарым	59	271	17	347
Ялуторовск	49	202	200	451
Курган	43	129	166	338
Туринск	28	802	102	932
Березов	26	54	169	249
Ишим	23	332	135	490
Омск	10	329	149	488
Бийск	—	1763	—	1763
Семипалатинск	—	532	—	532
Каинск	—	300	—	300
Итого . . .	907	17809	2753	21469

* Статистическое обозрение Сибири... Спб., 1810, с. 245—306.

разночинцев (с включением дворовых) — 12,8%. Наиболее значительный удельный вес торгово-промышленного населения характерен для Тюмени (6,4 купцы и 84,5 мещане), Томска (2,8 и 93) и Тобольска (3,8 и 74).

В том же источнике определяется число купцов для городов Западной Сибири 1398, мещан и цеховых — 23 565, а всего торгово-промышленного мужского населения 24 960[1].

В. К. Андриевич определил, что в Доенисейской Сибири (т. е. в Западной Сибири с включением Енисейского, Красноярского и Туруханского уездов) все мужское население состояло из следующих категорий[2]:

крестьяне	231 587	человек
мастеровые заводские	8085	—«—
городские обыватели	27 025	—«—
разночинцы	15 696	—«—

[1] Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Спб., 1810, приложение, табл. 2.

[2] Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. Спб., 1869, ч. 1, с. 67.

служилое сословие	117 893	—«—
инородцы	66 909	—«—
Итого	467 195	—«—

Это означает, что городские обыватели (мещане и купцы) составляли 5,8% всего населения, а торгово-промышленное население (обыватели и мастеровые заводов) — 7,5%. Удельный вес горожан, с включением разночинцев, но без заводских мастеровых, составлял 6,6—7%.

Определение динамики численности городского населения в Западной Сибири представляется делом сложным, так как за первую четверть XIX в. архивы содержат либо весьма неполные сведения (т. е. не по всем городам), либо число горожан дается в целом, без деления по половому признаку, а значит, оно несопоставимо с 1795 г. Поэтому мы решили проследить динамику численности городских жителей по тем годам, которые не вызывают сомнений с точки зрения статистической отчетности. Из табл. 3 видно, что количество мужских душ в городах Западной Сибири увеличилось за 65 лет с 24 963 (по Андриевичу) до 75 347, то есть втрое, а в среднем за год — на 4,6%. С 1831 г. по 1860 г. оно возросло в 1,5 раза, а с 1850 по 1860 г.— в 1,2 раза. Наиболее быстрый рост был характерен для Омска, Петропавловска, Барнаула, Томска, Семипалатинска, Каинска.

Таблица 3

Динамика городского населения (муж. душ.) за 1795—1860 гг.*
Численность населения 1795 г. принята за 100%

Название городов	1795 г.	1831 г.	1836 г.	1850 г.	1860 г.	% роста за 1795—1860 гг.
Томск	4788	6169	6840	8439	11401	238,1
Тобольск	4764	9904	9035	9963	9712	203,9
Тюмень	3523	4621	4757	5598	5692	161,6
Бийск	1763	5644	1192	1671	2061	117,0
Тара	1734	2240	2088	2578	2515	145,0
Туринск	932	1493	1575	1883	1916	205,5
Кузнецк	770	1040	1385	1513	962	125,0
Семипалатинск	532	1428	2165	3331	5882	992,9
Ишим	490	745	891	1216	1545	315,3
Омск	488	7908	7380	8704	12379	2536,7
Ялуторовск	451	804	1179	1409	1568	347,6
Курган	338	1025	926	1402	1873	554,1

Нарым	347	421	352	447	516	148,7
Каинск	300	1011	1273	1371	1585	528,3
Березов	249	573	559	673	761	305,6
Усть-Каменогорск	—	1493	1252	2470	1814	121,5
Колывань	—	1101	593	1170	1181	107,2**
Барнаул	—	1021	4931	4789	5900	578,0**
Петропавловск	—	878	2937	3462	4868	554,4**
Мариинск	—	—	—	—	1815	—
Итого:	21469					
По Андриевичу	24963	50067	52066	62089	75347	301,8

* ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1139, лл. 44—45, 99—102; 103—110; д. 1630, лл. 40—41, 49—53, 311—314, 593—604, д. 2759, лл. 158—160; д. 4639, лл. 191—193, 653—655.

** Процент увеличения определен по отношению к 1831 г.

Следует заметить, что рост городского населения примерно одинаков как в Тобольской, так и в Томской губерниях. В первой он составил 293%, во второй — 312%, то есть немногим выше.

Теперь же сопоставим динамику городского и сельского населения в Западной Сибири, учитывая как мужские, так и женские души (см. табл. 4).

Данные табл. 4 характеризуют два процесса. С одной стороны, они показывают абсолютное возрастание городского населения в Западной Сибири, так как численность горожан обоего пола возросла примерно с 50 тыс. человек в 1795 г. до 89 тыс. в 1831 г. и до 150 тыс. в 1860 г., т. е. в три раза. Но с другой стороны, сельское население возрастало значительно быстрее городского, поскольку общее население в Западной Сибири выросло в тот же период примерно с полумиллиона человек[3] почти до 1,9 млн. чел., т. е. в 3,8 раза. И если с 1795 г. по 1831 г. удельный вес городского населения возрос с 6—7 до 10%, то в последующее время снизился до начального уровня. Фактически с 30-х годов по 60-е отсутствует динамика удельного веса общей численности городского населения в Западной Сибири. Характерно, что еще Гагемейстер выявил уменьшение удельного веса горожан в 40—50-х гг. в Тобольской губернии с 8,8 до 6,7%, а для Томской губернии — с 9,8 до 7,1%, в то время как для России в целом он определяет долю городского населения в 9,1[4].

[3] Там же, с. 65.

[4] Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири. Спб., 1854, ч. 2, с. 120.

Таблица 4

Соотношение городского и сельского населения в Западной Сибири*

Название города	1831 г.			1836 г.			1850 г.			1860 г.		
	в городе	в округе	% гор. насел.	в городе	в округе	% гор. насел.	в городе	в округе	% гор. насел.	в городе	в округе	% гор. насел.
Тобольск	16717	79502	21,0	15420	87272	6,2	17261	91875	18,8	16960	105927	16,0
Омск	11614	27993	41,5	8637	33795	25,0	12029	104432	1011,5	19572	146651	13,3
Барнаул	1950	67259	2,9	9639	94301	10,2	9904	88417	11,2	11846	161261	7,3
Бийск	10902	68382	15,9	2364	99839	2,4	3316	132677	2,5	3818	164543	2,3
Томск	10095	79657	12,7	12399	37599	12,7	13776	123998	11,1	18731	145070	12,9
Тюмень	9828	68373	14,3	9272	74999	12,4	11473	81450	14,1	11430	91155	12,5
Тара	4930	47819	10,3	4188	57655	7,3	4988	62314	8,0	4898	96585	5,1
Туринск	3024	35517	8,5	3111	41210	7,5	3925	53929	7,3	4247	55918	7,6
Семипалатинск	2805	26016	10,8	3619	28996	12,5	5527	—	—	9759	48056	19,9
Петропавловск	2302	35813	6,4	3276	38838	8,4	6200	—	—	8306	—	—
Колывань	2199	46977	4,7	1153	61969	1,9	2257	74018	3,0	2351	—	—
Усть-Каменогорск	2047	10567	19,4	1891	10359	18,3	3516	—	—	3156	31156	10,1
Кузнецк	1988	58752	3,4	4203	74510	5,6	2730	84867	3,2	1687	99453	1,7
Курган	1820	88093	2,1	1728	107817	1,6	2660	151946	1,8	3461	187146	1,8
Каинск	1691	45346	3,7	2272	56353	4,0	2410	60120	4,0	3021	83157	3,6
Ишим	1590	87538	1,8	1861	116130	1,6	2291	92535	2,5	2924	204023	1,4
Березов	1044	24158	4,3	1085	22859	4,7	1267	56841	2,2	1482	27482	5,4
Нарым	859	—	—	712	—	—	896	—	—	1091	—	—
Мариинск	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3213	54320	5,9
Ялуторовск	1859	72931	2,5	2305	113341	2,1	2740	151188	1,8	3030	160013	1,9
Итого:	89264	878458	10,2	89135	1284594	6,9	109166	1383690	6,8	134983	1862816	6,8

* ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1139, лл. 82—87, 101—110; д. 1141, л. 36—46; д. 1142, л. 99—102, 122—123; д. 1630, л. 26—48, 49—53, 312—314, 325—343, 478—503, 593—604; оп. 2, д. 2759, л. 2—24, 153—160; оп. 3, д. 4639, л. 138—142, 191—193, 636—655.

Анализируя табл. 4, мы замечаем, что вес горожан в Тобольской и Томской губерниях несколько разнится. Имеет место изменение доли городского населения по отдельным губерниям и в целом по Западной Сибири. Снижается доля горожан в общей массе населения в Тобольской губернии с 9,6% в 1831 г. до 6,3% в 1860 г., а в Томской губернии соответственно с 11,1 до 7,4% и в целом по Западной Сибири — с 10,2 до 6,8%.

Медленный рост городов Сибири в указанный период объясняется тем, что процесс отделения промышленности от земледелия идет еще очень медленно. Если в Европейской России в 30—60-е гг. мануфактурная промышленность стала превращаться в машинно-фабричную, то в Сибири господствуют домашние промыслы, ремесло и мануфактура с применением труда приписных крестьян и ссыльно-каторжных. Господство мелкого промышленного производства обусловливает и мелочный характер торговли, которой было не под силу преодоление огромных расстояний между городами. Лишь Тюмень, Томск, Семипалатинск и Петропавловск являлись сосредоточением оптовой торговли. В 1831 г. в городах Тобольской губернии насчитывалось 76 кожевенных, 21 мыловаренная, 25 салотопенных и свечных, 17 кирпичных частных мастерских[5].

В 1860 г. в Тобольской губернии имелось 11 казенных и 565 частных заведений, на которых было занято 3773 рабочих и изготовлялось за год товаров на сумму 2,9 млн. руб. Это значит, что на каждое заведение приходилось в среднем по 6 рабочих и 5 тыс. руб. произведенной продукции. В самих же городах губернии действовало 341 заведение с 1600 рабочими и производством продукции на сумму в 1,5 млн. руб., т. е. в среднем в каждом заведении было пять рабочих и создавалась стоимость 4400 руб.[6]

В Томской губернии действовало 189 частных мастерских с производством продукции на сумму 681 тыс. руб. в год, т. е. по 3600 руб. в среднем на каждом заведении. 108 мастерских концентрировалось в городах, производя продукции на 411 тыс. руб., или по 3800 руб. на каждой. Кроме того, в Мариинском округе вымывалось золото на 89 частных промыслах общим количеством 31 пуд и 4 фунта, или в среднем по 14 фунтов на каждом промысле. Наконец, в Томской губер-

[5] ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1142, лл. 41—42, 97—98, 101—110.
[6] ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 4639, лл. 495—498, 858—859.

Таблица 5

Структура городского населения в Западной Сибири в дореформенный период *

Названия городов	1831 г.				1850 г.				1860 г.			
	все о жителей	купцов	мещан	% купцов и мещан	всего жителей	купцов	мещан	% купцов и мещан	всего жителей	купцов	мещан	% купцов и мещан
Тобольск	16717	192	5210	32,3	17261	113	5515	32,6	16960	304	6335	32,1
Омск	11614	43	794	7,2	12029	119	1283	10,7	19572	341	2869	16,4
Бийск	10902	31	2046	19,1	3316	198	1362	47,0	3818	504	1771	59,6
Томск	10095	73	4902	49,3	13776	388	6342	48,9	18731	564	6826	39,5
Тюмень	9828	171	6432	67,2	11473	453	7153	66,3	11430	914	7373	72,5
Тара	4930	40	3661	75,1	4988	148	3234	67,8	4898	272	3355	74,1
Туринск	3024	39	1546	52,4	3925	58	1725	45,4	4247	143	1897	48,0
Семипалатинск	2805	120	637	27,0	5527	397	1845	41,4	9759	730	2133	29,3
Петропавловск	2302	104	420	22,8	6200	292	1041	21,5	8306	1345	1342	32,4
Колывань	2199	10	146	7,1	2257	42	979	45,2	2351	281	1483	75,0
Усть-Каменогорск	2047	29	—	—	3516	105	547	15,6	3156	394	825	38,6
Кузнецк	1988	36	1158	60,1	2730	47	1784	67,1	1687	30	841	51,6
Барнаул	1950	8	677	35,1	9904	73	1145	12,3	11846	157	1066	10,3
Ялуторовск	1859	49	363	22,2	2740	176	598	28,2	3030	290	591	29,1
Курган	1820	26	655	37,4	2660	220	881	41,4	3461	455	1040	43,2
Каинск	1691	31	1118	67,9	2410	76	1337	58,3	3021	136	1612	57,9
Ишим	1590	36	408	27,9	2291	57	749	63,6	2924	170	874	35,7
Березовск	1044	20	167	17,9	1267	53	323	29,7	1482	57	376	29,2
Нарым	859	19	543	65,4	896	31	669	78,1	1091	19	813	76,3
Мариинск	—	—	—	—	—	—	—	—	3213	159	978	35,4
Итого:	89264	1076	30883	36,6	109166	3046	38512	38,1	134983	7265	56500	47,2

* ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1139, лл. 82—87, 101—110; д. 1141, л. 36—46; д. 1142, л. 99—102, 122—123; д. 1630, л. 26—48, 49—53, 312—314, 325—343, 478—503, 593—604; оп. 2, д. 2759, л. 2—24, 153—160; оп. 3, д. 4639, л. 138—142, 191—193, 636—655.

нии существовало 59 казенных заводов и 11 золотых приисков[7].

Что касается внутрисибирской торговли, то мелкую торговлю учесть невозможно, а более или менее крупная осуществлялась на ярмарках. Например, в 1860 г. в городах Тобольской губернии состоялось 18 ярмарок, на которые было привезено товаров на сумму в 4,5 млн. руб. и продано их на 3,5 млн. руб. В округах же проводилось 64 ярмарки с привозом товаров на 4,2 млн. руб. и продажей их на сумму 2,2 млн. руб.[8] Превышение суммы продажи товаров в городах над городским производством их связано с привозом продукции из села и из Европейской России.

Таким образом, и к 60-м годам в Сибири господствовало мелкотоварное и натуральное хозяйство и мелкая торговля как в сельской местности, так и в городах. Этот экономический уклад определял и структуру городского населения, которую характеризует табл. 5.

С точки зрения экономического развития, мы выделяем два важнейших слоя города — купцов и мещан с цеховыми. Зная общую численность горожан, легко определить удельный вес этих двух сословий и всех остальных (чиновников, военных, духовенства и др.). Как видно из табл. 5, удельный вес купцов и мещан повысился в общей массе горожан (обоего пола) с 36,6% в 1831 г. до 47% в 1860 г.; доля купцов возросла с 1,2 до 5,4%. Следовательно, в городах Сибири в дореформенный период большую часть населения составляли непроизводительные слои — бюрократия, военные, духовенство, дворяне и разночинцы вне службы. Особенно это было характерно для таких городов, которые выполняли роль административных центров: Омск, Барнаул, Тобольск, Томск. Только в Тюмени, Таре, Колывани был высок процент торгово-промышленного населения. Доля этой части городского населения в общем населении Западной Сибири была чрезвычайно незначительной: в 1831 г. она составляла 3,6%, в 1836 г.— 3,0%, в 1850 г.— 3,0%, в 1860 г.— 3,4% (см. табл. 4 и 5).

Возникает вопрос: каковы были источники роста населения городов? Для того, чтобы выяснить этот вопрос, рассмотрим данные табл. 6, которые характеризуют естествен-

---

[7] Там же.
[8] Там же, лл. 464—466.

Таблица 6

Естественное движение населения в Западной Сибири в 1860 г.*

Названия округов и городов	Число родившихся		Число умерших		Разность между родивш. и умершими		Число браков
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Ишимский окр.	5676	5330	3488	3400	+2188	+ 1930	1342
Ишим	74	102	83	89	— 9	+ 13	14
Курганский окр.	5311	5003	4006	3895	+1305	+ 1108	1732
Курган	87	67	87	90	0	— 23	24
Ялуторовский окр.	4330	4142	3551	3356	+ 749	+ 786	1875
Ялуторовск	72	65	65	80	+ 7	— 15	31
Омский окр.	4132	3931	2283	2016	+1849	+ 1915	1206
Омск	467	456	416	322	+ 51	+ 134	166
Тарский окр.	2520	2486	1655	1517	+ 865	+ 969	784
Тара	169	183	213	176	— 44	+ 7	67
Тобольский окр.	1961	1927	1667	1612	+ 294	+ 315	660
Тобольск	480	439	543	531	— 63	— 92	164
Тюменский окр.	1702	1506	1340	1251	+ 362	+ 255	669
Тюмень	355	295	452	378	— 97	— 83	137
Туринский окр.	1315	1284	904	880	+ 441	+ 404	405
Туринск	73	70	72	57	+ 1	+ 13	36
Березовский окр.	744	734	575	472	+ 169	+ 262	119
Березов	51	43	30	22	+ 21	+ 21	28
Петропавловск	263	251	221	210	+ 42	+ 41	129
Всего в городах	2046	1971	2182	1955	— 136	+ 16	796
Всего в Тобольской губернии	29789	28314	21651	20354	+8131	+ 7960	9595
Барнаульский окр.	4331	4141	1333	1361	+2998	+ 2780	759
Барнаул	290	283	317	286	— 27	— 3	109
Бийский окр.	4221	3972	1549	1443	+2672	+ 2599	988
Бийск	85	63	62	63	+ 23	0	15
Томский окр.	3191	2895	1601	1393	+11590	+ 1502	898
Томск	527	486	599	412	— 72	+ 74	235
Каинский окр.	2209	2092	1067	872	+1162	+ 1220	587
Каинск	66	64	54	35	+ 12	+ 29	60
Кузнецкий окр.	2192	2167	1093	886	+1099	+ 1281	843
Кузнецк	41	41	44	48	— 3	— 7	10
Мариинский окр.	1331	1383	882	683	+ 449	+ 700	437
Мариинск	86	67	76	51	+ 10	+ 16	16
Нарым	63	57	60	55	+ 3	+ 2	17
Колывань	40	37	17	18	+ 23	+ 19	20
Итого в Томской губернии	18693	17748	8754	7606	+9939	+10142	4994
Всего в городах Томской губ.	1198	1098	1229	968	— 31	+ 130	482
Всего по городам Зап. Сибири	3244	3069	3411	2923	— 167	+ 146	1278

* ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 4639, лл. 462, 655.

ное движение народонаселения в городах и сельской местности Западной Сибири в 1860 г.

Данные табл. 6 свидетельствуют, что в городах Тобольской губернии смертность мужчин была выше рождаемости на 136 чел., по Томской губернии — на 31 чел., а в совокупности, в Западной Сибири в целом, смертность мужчин превысила рождаемость на 167 чел. У женщин же рождаемость превысила смертность в Тобольской губернии на 16 чел., в Томской — на 130 чел., а в целом — на 146 чел.

Если сравнивать рождаемость и смертность горожан обоего пола, то окажется, что в Западной Сибири смертность выше рождаемости на 21 чел. Таким образом, естественный прирост населения во многих городах Западной Сибири фактически отсутствовал, рост городов мог происходить в основном за счет притока сельского населения. Города Западной Сибири даже в 1860 г. не достигли стадии простого воспроизводства численности своих обитателей. Этот факт сам по себе отражает слабость экономической основы сибирского города в дореформенный период.

Общий взгляд на развитие городов Западной Сибири и структуры их населения убеждает нас в том, что накануне реформы сибирский промышленный капитализм был в зачаточном состоянии, господствовали примитивные промыслы, базировавшиеся на ручном труде мелких товаропроизводителей. В силу этого и города не смогли приобрести той исторической роли, которая придается им капитализмом. Их экономическая функция была малозаметна. Они выступали в основном в качестве центров колонизации обширного сибирского края.

Н. В. АЛЕКСЕЕНКО

Усть-Каменогорск

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

(вторая половина XIX — начало XX вв.)

До 70-х годов XIX века русское население Казахстана[1] было представлено в основном казаками. На территории Казахстана располагались три казачьих войска: Уральское, Сибирское и Семиреченское. Согласно «Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» 1868 года население казачьих войск наравне с казахами было подчинено общему управлению. В Акмолинскую область вошли 1—5 и часть 6, в Семипалатинскую — 6—8 полковые округа Сибирского войска, территория Уральского войска полностью вошла в состав Уральской области, позднее (1867 г.) образованное Семиреченское войско — в Семиреченскую область. Нас интересует численность населения, поэтому не будем останавливаться на истории образования войск, кстати достаточно широко освещенной в литературе.

Население Уральского казачьего войска разделялось на две категории: войсковое — собственно казачье и невойсковое — иногороднее. Увеличение невойскового населения началось с 1867—1868 гг., когда иногородним было разрешено приобретать на территории войска недвижимую собственность. Если в 1856 году иногородние составляли 7,7% всего населения, то в 1870 году — 21%[2].

Во второй половине XIX — начале XX вв. за счет естественного прироста и зачисления в казаки иногородних численность населения войска значительно возросла (см. табл. 1).

Население Сибирского казачьего войска пополнялось как за счет естественного прироста, так и в значительной мере

---

[1] Ввиду того, что источники не всегда позволяют выделить украинское, белорусское и прочее население, оно включено в состав русского.

[2] Бородин Н. Уральское казачье войско. Уральск, т. 1, с. 133.

Таблица 1

Динамика численности населения Уральского казачьего войска (1870—1914 гг.) *

Годы	Численность населения		
	мужчин	женщин	обоего пола
1870	41240	42800	84040
1897	54886	59280	114166
1914	80460	81054	161514

* Источники: на 1870 г.— Бородин Н. Указ. соч., с. 135; на 1897 г.— Первая всеобщая перепись населения. 1897, Уральская обл., табл. VIII; на 1914 г.— Обзор Уральской области за 1913 г. Уральск, 1914.

за счет зачисления в казаки различных категорий населения Российской империи (см. табл. 2). Формирование войска практически не прекращалось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Сибирское казачье войско подразделялось на 3 отдела: население 1—2 отделов размещалось в пределах Акмолинской области, 3 отдела — в Семипалатинской. Низкий процент казачьего населения Семипалатинской области с 1870

Таблица 2

Динамика численности населения Сибирского казачьего войска (1870—1914 гг.) *

Годы	Численность населения								
	Акмолинская область			Семипалатинская обл.			всего		
	м.	ж.	о. п.	м.	ж.	о. п.	м.	ж.	о. п.
1870	28900	28949	57849	14072	14073	28145	42972	43022	85994
1897	36088	38619	74707	14356	14361	28717	50444	52980	103424
1914	57545	57861	115406	27268	27155	54423	84813	85016	169829

* Источники: на 1870 г.— Отчет военного губернатора Акмолинской области — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, 1871, д. 508; Отчет военного губернатора Семипалатинской области — ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, 1871, д. 289; на 1897 г. — Первая всеобщая перепись населения, 1897, Акмолинская обл., т. 81; Семипалатинская область, т. 84; на 1914 г. — Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г., ч. II, Гражданская. Омск, 1915, с. 11.

по 1897 гг. объясняется тем, что в 1877 году из состава области были переведены в Томскую губернию 17 казачьих селений (7799 чел.)[3], а также, хотя и незначительным, переселением в Семиреченскую область.

Семиреченское казачье войско (динамику его численности см. в табл. 3) отпочковалось от Сибирского в связи с заселением Семиречья. Сибирские казаки положили начало его формированию, послужили его основным ядром. Кроме того, в казаки зачислялись крестьяне-переселенцы, бессрочно отпускные солдаты, мещане. К 1867 г. было образовано 7 станиц и 7 выселков, из населения которых сформировалось Семиреченское казачье войско[4].

Таблица 3

Динамика численности населения Семиреченского казачьего войска (1870—1914 гг.) *

Годы	Численность населения		
	мужчин	женщин	обоего пола
1870	9220	7891	17111
1897	19959	13798	33757
1914	29354	24996	54350

* Источники: на 1870 г.— Хорошхин, полковник. Казачьи войска, опыт военно-статистического описания. Спб., 1881, с. 151; на 1897 г.— Первая всеобщая перепись населения, 1897, т. 85. Семиреченская обл., табл. VIII; на 1914 г.— Обзор Семиреченской области на 1914 г. На 1870 г. в источниках приводится общая численность казачьего населения без разделения по полам. Доля женского населения, согласно переписи 1897 г., составляла 46%. Мы распространили этот показатель на 1870 и 1914 годы и таким путем высчитали численность женского населения.

Специально занимавшийся вопросами заселения Семиречья и образования Семиреченского казачьего войска П. Г. Галузо отмечает, что к концу 60-х годов XIX в. казачья колонизация хотя и продолжалась, но переселялось сибирских казаков в новые станицы и выселки очень мало[5]. После

[3] ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 4, д. 755, л. 428.

[4] ПСЗ, собр. 2-е, т. 42, № 44845.

[5] Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, с. 163.

1880 г. до конца XIX века казачья колонизация была незначительна, и увеличение населения шло в основном за счет естественного прироста. По приложенным к труду Н. Леденева[6] статистическим таблицам о движении населения Семиреченского войска с 1880 г. по 1903 г. представляется возможность высчитать среднегодовой прирост, который равнялся 1,8%; с 1880 г. по 1900 г. за счет естественного прироста войско увеличилось на 91,6%, механического — на 8,4%.

Таковы размещение и численность казачьего населения по областям. Суммируем эти показатели и определим динамику численности этой категории населения по всему Казахстану.

С присоединением Верхнего Прииртышья к России связано образование первых крестьянских поселений на территории нынешней Восточно-Казахстанской области. И хотя до Великой Октябрьской социалистической революции большинство этих поселений по существующему тогда административно-территориальному делению входили в состав Томской губернии, считаем необходимым коротко остановиться на путях и методах формирования их населения.

Образованием крестьянских поселений на Рудном Алтае царское правительство хотело разрешить задачи снабжения продовольствием войск на пограничной линии и горнозаводского населения Колывано-Воскресенских заводов и, кроме того, создать стратегические пункты для дальнейшего продвижения в верховья Иртыша. Рядом мер (приглашение добровольцев, принудительный набор, ссылка) в течение второй половины XIX в. удалось создать значительное число крестьянских поселений[7].

По-другому заселилась долина реки Бухтармы. Сюда, в неприступные Алтайские горы, бежали горнозаводские рабочие с Колывано-Вознесенских заводов, солдаты, раскольники. Образовав небольшие поселки, они занимались земледелием, охотой, рыбной ловлей. Все попытки сибирской администрации уничтожить поселки и пресечь побеги в «Камень» успеха не имели. Убедившись, что силой бухтарминскую вольницу не искоренить, командующий пограничной линией Г. Штрандман

[6] Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908. Приложение 2.

[7] Подробнее об этом см.: Алексеенко Н. В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965.

идет на переговоры с беглецами. Указом 1792 г. бухтарминские беглецы, или «каменщики», как их тогда называли, были возвращены в русское подданство на правах «инородцев».

К концу XVIII в. крестьянское население Рудного Алтая составляло около 10 тыс. человек о. п. Через столетие перепись 1897 г. в 9 волостях зафиксировала 89 725 чел. (44 056 мужчин и 45 669 женщин).

Большие изменения в составе населения Казахстана произошли в связи с переселенческим движением.

С учреждением в 1896 г. Переселенческого управления начали издаваться статистические сведения о размерах переселенческого движения за Урал. Сведения собирались путем опроса и карточной записи переселенцев на станциях Сызрань и Челябинск. Что же касается периода до 1896 года, то в это время сколько-нибудь организованного учета переселенцев не производилось. Для восстановления этого пробела мы обратились к переписи 1897 года.

Известно, что в материалах переписи имеются сведения о распределении наличного населения губерний и областей по месту рождения. Так как к 1870 году на территории Казахстана, кроме казахов, проживало в основном население казачьих войск, то указанные сведения могут дать представление о численности переселенцев, местах их выхода и размещения. Оговоримся, что в это число у нас попадут ссыльные, торговцы и ремесленники.

На день переписи в административных областях Казахстана проживало 407 тыс. «неместных уроженцев». По месту выхода они распределялись следующим образом: из губерний Европейской России — 68,1%, Привислинских губерний, Кавказа, Финляндии — 1,7%, Сибири — 18,5%, иностранных государств — 11,7%.

Если учесть, что в число выходцев из иностранных государств, проживавших в Семиреченской области, вошли в основном переселившиеся в 80-е годы XIX в. из Китая дунгане и уйгуры, то основную массу «неместных» уроженцев составили выходцы из губерний Европейской России и Сибири.

Акмолинская область заселялась преимущественно выходцами из Воронежской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Черниговской губерний. В Семипалатинскую область в 1870—1897 гг. был незначительный приток переселенцев, большинство из них пришли из Воронежской, Вятской, Казанской, Пензенской, Пермской, Самарской, Таврической губерний. В Семиреченской области преоблада-

ли уроженцы: Воронежской, Курской, Пензенской, Пермской, Тамбовской губерний; в Сыр-Дарьинской — выходцы Астраханской, Воронежской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской, Харьковской губерний. В Тургайской области — уроженцы Воронежской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Уфимской губерний. В Уральской области — уроженцы Астраханской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерний.

Во второй половине XIX в. наблюдается довольно интенсивное миграционное движение внутри заселенных районов Сибири и Казахстана. Мы наблюдаем, с одной стороны, некоторое перераспределение пришлого населения внутри Казахстана и отлив его в губернии Западной Сибири (Тобольскую и Томскую), а с другой,— прилив населения из соседних сибирских губерний. Если переселение крестьян из одной Казахстанской области в другую, а также в сибирские губернии можно объяснить поисками более удобных мест для поселения, то чем объяснить движение сибирских крестьян в казахстанские области? Из Акмолинской области в Тобольскую губернию переселилось 10 182 чел., а из Тобольской в Акмолинскую — 18 415 чел.; из Семипалатинской области в Томскую губернию — 18 841 чел., из Томской в Семипалатинскую — 7538 чел.

Одной из причин переселений крестьян из Алтайского округа (Томская губерния) Г. П. Жидков считает стремление их ослабить податный гнет: по закону 30 апреля 1882 г. при переселении крестьян из одного селения в другое все мертвые души исключались из оклада[8]. Причину переселений тобольских старожилов Н. К. Томилова видит в землеустроительной политике правительства, с середины XIX века направленной на создание казенных оброчных статей и переселенческих участков за счет сокращения крестьянских наделов и, прежде всего, за счет ликвидации заимочного хозяйства[9].

Как уже отмечалось, с 1896 г. Переселенческое управление издает статистические сведения о численности переселенцев. По ним мы можем иметь представление о численности, местах выхода и размещении переселенцев (см. табл. 4).

---

[8] Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 137.

[9] Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX в. (1865—1899 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1970, с. 12.

Таблица 4

Численность, места выхода и размещения переселенцев (1896—1910 гг.)*

Места поселения (области)	Численность переселенцев				
	всего	в том числе прибывших из губерний			
		Европейской России		других местностей	
Акмолинская	499821	439749	87,9	60072	12,1
Семипалатинская	83944	73003	86,9	10941	13,1
Семиреченская	30568	26569	86,9	3999	13,1
Сырдарьинская, Тургайская и Уральская	178093	169992	95,4	8101	4,6
Итого:	792426	709313	89,5	83113	10,5

* Источники: Турчанинов Н. Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующий за ее сооружением период.— Вопросы колонизации, 1912, № 11, с. 234—237; Он же. Итоги переселенческого движения с 1896 по 1909 гг. Спб., 1910.

Как видим, и в этот период абсолютное большинство переселенцев составляли выходцы из губерний Европейской России. Основной контингент переселенцев (92,5%) составляли выходцы из Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Киевской, Воронежской, Херсонской, Черниговской, Подольской, Самарской, Курской, Орловской, Бессарабской, Саратовской губерний и области Войска Донского. Абсолютное большинство (96,2%) оседали в областях Степного Казахстана, где на первое место выдвигается Акмолинская область.

Значительное увеличение переселенцев дает период столыпинщины. За 36 лет (1870—1906 гг.) переселилось и осело в Степном Казахстане 521 023 чел., а за 9 лет (1906—1914 гг.) — 714 395 чел. Движение это не было равномерным. Большинство переселенцев пришло за первые четыре года, затем переселение резко уменьшается. Наблюдается некоторое увеличение с 1912 г., связанное с неурожаем в Поволжье, но начало первой мировой войны привело к его резкому сокращению.

Итоги переселенческого движения приведены в табл. 5.

Переселение крестьян в Казахстан привело, таким образом, к значительным сдвигам в численности и структуре населения. Крестьяне-переселенцы, казаки, русское население городов к 1914 г. составляли 35% общей численности насе-

Таблица 5

Общая численность переселенцев, осевших в Казахстане в 1870—1914 гг.*

Области	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Акмолинская	374967	346124	721091
Тургайская	117949	108876	226825
Семипалатинская	83186	76786	159972
Уральская	56403	52064	108467
Сырдарьинская	31830	29382	61212
Итого:	745885	688508	1434393

* Примечание: При подсчете учтен естественный прирост. Материалы Переселенческого управления дают общую численность переселенцев, без разделения по полу. По нашим подсчетам на материалах Всеобщей переписи 1897 г., статистических данных Переселенческого управления (обследование переселенческих поселков) женщины составляли 48% общей численности переселенцев. Этот процент и распространен нами на все годы.

ления. Таковы пути и методы формирования русского населения Казахстана во второй половине XIX — начале XX вв.

А. В. МИНЖУРЕНКО

Омск

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(конец XIX — начало XX вв.)

Миграционные процессы в России в эпоху капитализма во многом зависели от правительственной политики как в широком смысле, так и от тех мер, которые непосредственно были направлены на стимулирование или ограничение передвижения населения в те или иные районы страны. Среди таких мер известную роль играло податное обложение крестьянского населения в колонизуемых районах. Размеры податей и повинностей, наряду с другими факторами, оказывали серьезное влияние на успешность устройства переселенцев, на «приживаемость» крестьянских семей на новых местах.

При определении размеров податей с новоселов Сибири правительство вынуждено было учитывать различные, порой противоположные моменты. С одной стороны, интересы фиска требовали взимать с переселившихся крестьян все накопившиеся на них недоимки и облагать их без промедления податями в местах водворения. Но с другой стороны стояли интересы заселения окраин вообще, затем необходимость заселения полосы вдоль сибирской железной дороги, позднее — в годы столыпинщины — политические интересы, связанные с попыткой путем переселений ослабить остроту аграрного вопроса в центре страны. Переселение же и устройство хозяйства в Сибири требовало таких огромных затрат сил и средств, что для большинства новоселов в первое время не могло быть и речи об исправной уплате всех податей в казну. Выколотить копившиеся недоимки путем продажи имущества переселенцев не представлялось возможным, так как многие крестьяне начинали жизнь в Сибири с батрачества и почти ни какого имущества не имели. Все отмеченные выше соображения и обстоятельства и породили указы правительства о податных льготах переселенцам Сибири.

Согласно «Временным правилам о переселении крестьян» от 10 июля 1881 г. переселяющимся крестьянам могла быть предоставлена отсрочка в уплате казенных и земских недоимок в зависимости от платежеспособности семьи[1]. Эта мера была явно недостаточной. В 1883 г. томский губернатор доносил царю, что недоимки за переселенцами составили 2528 рублей и что «недоимка эта почти безнадежна к поступлению, так как лица, за коими она числится, не имеют никакого имущества и отчасти находятся в безызвестной отлучке»[2]. «Отлучка» переселенцев чаще всего объяснялась необходимостью заработать деньги для обзаведения своим хозяйством. Недоимки, накопившиеся в Европейской России, возрастали с первого же года проживания в Сибири, когда переселенец, наконец, заводил самостоятельное хозяйство. Они составили такую сумму, взыскать которую с бедняцкого двора было невозможно. Правительство, опять же уступая обстоятельствам, а не из альтруистических побуждений вынуждено было предоставить переселенцам новые льготы. По правилам о переселении крестьян 1889 года переселенцы освобождались от уплаты всех казенных и земских сборов на трехлетний срок с момента водворения, а в следующие три года эти сборы взимались в половинном размере[3].

Практика, однако, показала, что для большей части переселенцев трехлетний срок освобождения от казенных платежей был совершенно недостаточным. За этот отрезок времени бедняцкие семьи не могли завести более или менее нормально функционирующее крестьянское хозяйство. По обследованию 1894 года в первые три года могли обходиться хлебом собственного урожая всего 23,3% томских новоселов[4]. От переселенческих поселков Западной Сибири в правительственные учреждения поступали прошения о продлении льготного срока хотя бы еще на три года: они «только-только начали обзаводиться хозяйством» и уплата налогов и повинностей могла их снова разорить[5].

С 90-х годов XIX века наблюдается, с одной стороны, возрастание процента бедноты среди переселявшихся крестьян,

---

[1] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Издание канцелярии Кабинета Министров. Спб., 1900, с. 106.

[2] Обзор Томской губернии за 1882 год. Томск, 1883, с. 11.

[3] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 11 об.

[4] Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Спб., 1896, т. 2, ч. 1, с. 246.

[5] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 92, л. 346, 1895 г.

с другой,— ухудшение во всех отношениях условий устройства в Сибири, что требовало от новоселов затраты бо́льших средств, чем ранее, для обзаведения самостоятельным хозяйством. Все это вместе взятое привело к тому, что период становления хозяйств переселенцев значительно возрос. Это было настолько очевидно, что правительство должно было внести поправки в законы о переселенцах. Согласно «Временным правилам о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» от 6 июня 1904 года недоимки в казенных сборах слагались с переселявшихся крестьян, а льготный срок освобождения от казенных платежей и земских денежных сборов в Сибири был увеличен до 5 лет, в последующие пять лет уплата всех налогов производилась в половинном размере[6]. Правительство вынуждено было это сделать, так как после трех лет переселения крестьяне все равно не могли ничего уплатить и превращались в хронических недоимщиков. Главное управление землеустройства и земледелия объясняло эту меру правительства главным образом тем, что районы водворения переселенцев в начале XX века все более удалялись от обжитых мест и тем самым «условия хозяйственного быта новоселов коренным образом изменились, так как им приходится ныне не только устраивать собственное хозяйство, но и создавать необходимую культурную и экономическую обстановку, которую переселенцы прежних лет находили готовой в смежных старожильческих районах»[7].

Правительственная льгота, как оказалось в дальнейшем, применялась в действительности далеко не ко всем переселенцам. Податными льготами, отмечало Переселенческое управление, пользовались только те переселенцы, которые одновременно причислялись на новых, только что открытых для заселения участках[8]. Полное же заселение поселков, как известно, растягивалось на несколько лет. Позднейшие переселенцы обычно всегда включались в общую раскладку платежей и повинностей наравне с теми, кто прожил на новом месте 5—10 и более лет[9]. Такая раскладка податей производилась и при трехлетних льготных сроках и при пятилет-

[6] Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. Спб., 1909, с. 6—7.

[7] Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО), ф. 580, оп. 1, д. 3, л. 13 об.

[8] ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 770, л. 59 об. Циркуляр Переселенческого управления № 32 от 21 июня 1908 г.

[9] ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 770, л. 59.

них. Материалы массовых обследований переселенческих хозяйств показали, что «льготное положение хозяйств позднейшего водворения остается нередко только на бумаге»[10].

Такое же положение с казенными и земскими платежами складывалось и для тех переселенцев, которые переселялись к старожильческим селам. Общества старожилов, как правило, никогда не учитывали права новоселов на льготы и облагали их налогами по принятому в общине принципу сразу после водворения[11], несмотря на то, что старожильческим обществам снижались причитавшиеся с них оклады государственной оброчной подати в соответствии с числом вновь заселяемых душевых наделов: в первые пять лет по заселении каждого такого надела — на всю причитавшуюся с него сумму государственной оброчной подати, а в последующие пять лет — на половинную сумму. Приселяющиеся должны были, кроме уплаты больших сумм денег за приемные приговоры, с первых лет жизни выполнять все натуральные повинности и уплачивать все денежные сборы. Более того, новоселов заставляли платить и недоимки, которые накопились в поселке староселов или в обществе старожилов еще до прибытия переселенцев[12]. Это особенно вызывало их недовольство. Если обычно бесправные новоселы уплачивали причитающиеся с них доли окладов подати и сбора в течение всех льготных сроков[13], то принуждение к уплате недоимок за прежние годы казалось им особенно несправедливым, и они отказывались участвовать в раскладке таких недоимок[14].

Администрация западносибирских губерний практически не контролировала соблюдение правил о льготах по взиманию платежей и сборов с недавно прибывших переселенцев. Когда же томский губернатор в своем циркуляре от 15 января 1912 г. предложил уездным съездом крестьянских начальников отменять те приемные приговоры, в которых принятие переселенцев в состав общества обусловливалось участием их во всех раскладках и обложениях наравне со старожилами, последовало письмо начальника Переселенческого

---

[10] Вопросы колонизации, б/г, № 2, с. 120.

[11] ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 770, л. 59; ТФ ГАТО, ф. 580, оп. 1, д. 8, л. 70; ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1415, л. 203—203 об.

[12] ТФ ГАТО, ф. 3, оп. 1, д. 311, л. 1—2, 5.

[13] ТФ ГАТО, ф. 580, оп. 1, д. 8, л. 70. Журнал общего присутствия Тобольского губернского управления по крестьянским делам, 6 марта 1912 г.

[14] Сибирская жизнь, 1900, 22 янв.

управления в земский отдел Министерства внутренних дел с требованием отмены этого циркуляра [15]. Переселенческое ведомство считало, что льготы по платежам имеют личный характер и не могут носить в себе признаков обязательности. Если же переселенец, вступая в общество старожилов, «добровольно» соглашается уплачивать все причитающиеся по раскладке платежи, то нет основания запрещать ему неиспользование льготы [16]. Начальник управления не упоминает о том, что это согласие переселенцев вынужденное, данное ими под угрозой выселения из села. Главное, что беспокоило Петербург, как бы отмена несправедливых, незаконных приговоров не задержала приселение к старожилым обществам, «которое достигает ныне весьма значительных размеров, в особенности в Томской губернии» [17]. Отсюда и циркуляр Томского губернатора был признан не соответствующим колонизационным целям [18]. Переселенческое управление, таким образом, предупреждало все попытки реализовать податные льготы новоселов.

На Алтае же податные льготы доходили до переселенцев с большим запозданием. В XIX веке алтайские новоселы часто образовывали отдельные селения: заселки, выселки, заимки, но входили в старожильческую общину. Вследствие того, что раскладка оброка и других сборов производилась по ревизским душам, нередко переселенческий заселок, образуя одно общество со старожильческим селом, в котором ревизских душ по кладному листу было вдвое больше, чем наличных годных душ, уплачивая сборы и за умерших старожилов. «Платить за живых сибиряков мы еще согласны, потому что все — подмога, а за что же нам платить за мертвых сибиряков?» — возмущались новоселы [19]. Как водворившиеся в отдельных селениях, так и приселившиеся к старожилам, переселенцы облагались 6-рублевым оброком со дня причисления их Томской казенной палатой по месту их нового водворения [20]. Кроме этого, с каждой души взималось 2 руб. податей и мирские и волостные расходы, составлявшие по

---

[15] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1475, л. 80.
[16] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1475, л. 80 об.
[17] Там же, л. 81.
[18] Там же.
[19] Сущинский П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае. Спб., 1898, с. 13—14.
[20] Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897). Спб., 1897, с. 95.

10—11 рублей с души мужского пола[21]. В среднем размер всех повинностей, падающих на работника, доходил в 90-е годы XIX века до 20 руб. в год[22]. Так как в округе ревизии не проводились с 1858 года, то увеличение общей суммы оброчной подати, следуемой Кабинету (4 руб. 50 коп. 6-рублевого — 50 коп. оброка шло в доход Кабинету, а 1 руб. 50 коп.— казне), происходило лишь вследствие притока переселенцев. В 1880 г. эта сумма достигла 800 000 руб., в 1885 г. — 834 160 руб., в 1890 г. — 886 421 руб., а с 1890 г. она стала превышать 900 000 руб.[23].

На казенных землях Томской и Тобольской губерний податные льготы, если только они доходили до переселенцев, касались лишь казенных платежей и земских сборов, которые составляли меньшую половину всех поборов с крестьян. Мирские сборы (волостные и сельские) составляли в среднем около $^6/_{10}$ годового оклада[24] (в Европейской России они составляли $^1/_7$ часть всех платежей)[25], и ими крестьяне облагались сразу после водворения: после образования отдельного общества, которое создавалось по прибытии на участок десяти домохозяев[26].

Волостные сборы тратились в основном на содержание аппарата управления волостью. В двух переселенческих волостях Тарского уезда (Новоягодинской и Петропавловской) распределение волостных сборов происходило следующим образом:

1. Потребности волостного управления — 3316 руб.
2. Потребности волостного хозяйства (главным образом дорожные сооружения) — 219 руб.
3. Школьные расходы — 85 руб.
4. Земское хозяйство и общее управление — 628 руб.[27].

Таким образом, из 4248 руб. всех сборов на управление расходовалось 78% суммы.

---

[21] Переселения из Полтавской губернии с 1861 г. по 1 июля 1900 г. Полтава, вып. 1, 1900, с. 42.

[22] Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897). Спб., 1897, с. 92.

[23] Там же.

[24] Кузнецов В. К. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Спб., вып. 1, 1913, с. 129.

[25] Сухотина Л. Г. К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 137.

[26] Кузнецов В. К. Указ. соч., с. 126.

[27] Там же, с. 131—132.

При раскладке волостных сборов в Томской губернии на одного годного работника приходилось в год 5 руб. 03 коп., т. е. семья, в которой было три работника, должна была уплачивать только сборов этого рода 15 руб. 09 коп.[28].

Сельские сборы предназначены были для содержания должностных лиц сельского управления (старост, писарей), расходовались на жалованье десятским, сотским, сторожам и т. д. На эти средства строились или покупались, а также содержались и ремонтировались здания для сельского управления, хлебозапасные магазины и т. п. Сельские сборы по своему размеру существенно отличались друг от друга и в разных селениях, но, как правило, у переселенцев эти сборы были относительно выше, чем у старожилов. Причина этого заключалась в том, что у старожилов все здания и сооружения общественного пользования уже существовали и сельские сборы расходовались лишь на их содержание и ремонт, а переселенцам, основавшим новые поселки, приходилось все создавать заново.

Для неокрепших переселенческих семей уплата с первого года жизни в Сибири волостных и сельских сборов была чрезвычайно обременительной. Переселенцы писали безрезультатные прошения с просьбами об освобождении от мирских сборов[29]. Невозможность для многих переселенческих хозяйств уплачивать мирские сборы приводила к росту недоимок. Так, по окладу 1911—1912 гг. с переселенцев Туринского уезда полагалось мирских сборов и страховых платежей 13 209 руб., недоимки же по этим видам сборов составляли 3140 руб., т. е. 23,7% оклада, с переселенцев Тарского уезда причиталось 14 307 руб., недоимки составили 4447 руб., или 31,1% оклада[30].

На практике переселенцы облагались волостными и сельскими сборами не с момента формального водворения, а раньше — с момента прибытия в поселок. Задержка же в перечислении новоселов к новому месту жительства приводила к тому, что переселенцы долгое время должны были уплачивать мирские сборы в двойном размере: на родине и в Сибири. Недоимки по казенным платежам на родине с переселившихся законным порядком крестьян стали слагаться,

---

[28] Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 239, оп. 1, д. 62, л. 81.

[29] ГАТО, ф. 239, оп. 1, д. 38, л. 340.

[30] Подсчитано по материалам: Кузнецов В. К. Указ. соч., с. 188, 194.

мирские же и земские сборы такому сложению не подлежали. Волокита с перечислением, таким образом, тяжело отражалась на положении переселенческих хозяйств. Многочисленные жалобы новоселов вызвали появление циркуляра Министерства финансов в 1897 г. об ускорении процесса перечисления [31]. Однако подобные циркуляры не могли изменить стиль работы царских учреждений, и в 1912 г. Переселенческое управление вынуждено было констатировать то, что «нередко перечисление по месту нового жительства лиц, водворившихся на казенных участках и в старожильческих селах, задерживается на продолжительное время, вследствие чего переселившиеся облагаются мирскими сборами в течение нескольких полугодий по двум обществам — по месту прежнего и нового жительства» [32].

Кроме мирских платежей, уплачиваемых уже с момента водворения, переселенцы сразу по прибытии в Сибирь должны были исполнять натуральные повинности. Правительственными распоряжениями было установлено, что переселенцам могут быть по отбывании натуральных земских повинностей в течение первых трех лет предоставлены льготы, которые «по местным условиям окажутся возможными» [33]. Как известно, новоселам на местах зачастую не предоставлялись даже те льготы, о которых в циркулярах говорилось в более категоричной форме; распоряжение же в виде пожелания воспринималось как совсем не обязательное. Передача решения на усмотрение местных властей приводила к тому, что предоставление льгот «оказывалось» невозможным, и Переселенческое управление признавало, что «эти льготы фактически нигде не соблюдаются» [34].

По единогласному мнению современников и исследователей, натуральные повинности в Сибири были очень тяжелым бременем для крестьянских хозяйств. Крестьяне должны были поддерживать в исправном состоянии дороги и дорожные сооружения, причем часто их принуждали выходить на ремонт дорог в самый горячий период полевых работ [35]. Для переселенцев в период устройства хозяйства подобные повинности были просто губительными. Кроме дорожной, кре-

---

[31] Вестник права, 1904, № 8, с. 14.
[32] ТФ ГАТО, ф. 580, оп. 1, д. 8, л. 250.
[33] ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 770, л. 59.
[34] Там же.
[35] Соболев М. Пути сообщения в Сибири.— В кн.: Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Спб., 1908, с. 36.

стьяне должны были отбывать подводную, квартирную повинности, на Алтае участвовать в опалке лесов, исполнять обязанности десятских, сотских и пр. Так, например, об одной из «прочих» повинностей томский губернатор писал в своем отчете: «Борьба с лесными пожарами вообще крайне затруднительна, а в Томской губернии, при ее громадных расстояниях, она является трудно осуществимой и очень обременительной для крестьянского населения, так как приходится созывать его в сколько-нибудь значительном количестве рабочих сил с обширной площади, часто на очень дальнее расстояние и причем в рабочую пору»[36].

Значительно меньшая плотность сельского населения в Западной Сибири по сравнению с Европейской Россией являлась причиной того, что натуральные повинности сибирских крестьян были значительно большими по объему, чем те же повинности крестьян центра страны. В Томской губернии в 1913 г. на одного работника натуральных повинностей приходилось по 8 руб. 24 коп.[37]. Это было неприятным сюрпризом для переселенцев. Селения в Сибири располагались сравнительно далеко друг от друга, и это сказывалось в первую очередь на объеме дорожной повинности, составлявшей значительную часть натуральных повинностей сибирских крестьян. В Тарском уезде Тобольской губернии дорожная повинность составляла $^1/_3$ всех натуральных повинностей (в денежном выражении)[38]. В Мариинском уезде на одного работника приходилось до 21 сажени тракта, не считая проселочных дорог[39]. Обычно для выполнения дорожной повинности отправлялась пятая часть мужского населения села[40]. Переселенческие семьи не могли без значительного ущерба для себя отправлять эти непривычно большие повинности, особенно в самый трудный для них период, период становления самостоятельного хозяйства. Протест новоселов выражался как в подаче прошений об освобождении их от натуральных повинностей[41], так и в прямых отказах от их выпол-

---

[36] ЦГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5561, л. 131, 1900 г.

[37] См.: Храмков А. А. Податное положение крестьянства Томской губернии накануне 1917 г.— Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971, с. 467.

[38] Кузнецов В. К. Указ. соч., с. 190—191.

[39] Восточное обозрение, 1904, 5 июня.

[40] Сухотина Л. Г. Указ. соч., с. 133.

[41] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1427, л. 39; ТФ ГАТО, ф. 3, оп. 1, д. 330, л. 1—7.

нения[42]. Так, волостной сход Алексеевской волости Томского уезда (в волости было образовано в 1907—1908 гг. 24 переселенческих поселка) в июле 1910 года постановил приговор, в котором категорически отказался от раскладки суммы сборов взамен натуральных повинностей на содержание в исправности дорожных сооружений. Заведующий водворением переселенцев в Томском подрайоне, учитывая крайнюю бедность и «платежное бессилие» новоселов волости, возбудил ходатайство об освобождении переселенцев от несения натуральной подводной повинности в 1910 г. Население продолжало не платить сборов, и волостное правление приступило к составлению описей имущества новоселов, после чего описи были переданы полицейскому приставу для производства торгов. Однако при попытке отобрать имущество для продажи переселенцами были убиты урядник и сотский, а остальная полиция разогнана. Только с прибытием воинской команды властям удалось добиться ареста части имущества, предназначенного к продаже[43].

По истечении льготных сроков переселенцы подлежали обложению и казенными платежами. По закону 1889 г. в губерниях Томской и Тобольской оброчная подать определялась соразмерно с подушной за землю податью, вносимой местными крестьянами-старожилами, по переложении ее на десятину земли[44]. Позднее, согласно закону 19 января 1898 года о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями, переселенцы, водворяемые на казенных землях, облагались оброчной податью также по принципу соразмерности с окладами соседних селений крестьян-старожилов, «находящихся в одинаковых с переселенческими поселками условиях»[45]. Исчисление окладов государственной оброчной подати происходило следующим образом: разделив оклад оброчной подати, назначенной на соседнее с переселенческим поселком старожилое общество, на количество десятин земли, состоящей в пользовании этого общества, и получив путем такого деления средний подесятинный оклад, вносимый крестьянами-старожилами в казну, казенная палата по этому подесятинному окладу и по числу десятин земли, отведенной в пользование переселенче-

---

[42] Сибирская жизнь, 1903, 13 дек.
[43] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 776, л. 3—7.
[44] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 2.
[45] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 691, л. 3. Циркуляр Министерства финансов от 18 октября 1901 года.

ского поселка, определяла размер оклада с новоселов данного поселка[46]. Результатом такого порядка исчисления оброчной подати явилось то, что переселенцы облагались податями в большем размере, чем старожилы. Происходило это вследствие того, что казенные палаты при исчислении оброчной подати со старожилов в расчет принимали не все земли, находящиеся в их владении, а лишь обрабатываемые угодья, в результате чего подесятинный оклад подати с этих угодий достигал высоких значений — до 78 коп. с десятины. При обложении таким же окладом переселенцев плата исчислялась из расчета всех 15 дес., полученных каждым новоселом, хотя из этого количества земли обычно обрабатывалась незначительная часть удобных угодий[47]. Чиновник Переселенческого управления, командированный в Томскую губернию, установил, что в губернии переселенцы уплачивали оброчной подати более чем по 18 коп. с десятины, тогда как обложение старожилов за всю отведенную им землю не превышало 13 коп. с дес., а в волостях, где по преимуществу образовывались переселенческие участки, старожилы платили: в Кыштовской волости — по 12,5 коп., в Иткульской — по 10 коп., Богородской — по 9 коп., Новокусковской — по 6 коп., Николаевской — по 4,5 коп.[48].

Таким образом, размеры оброчной подати, устанавливаемые для переселенцев, были, как правило, несоразмерно велики и доходили порой, по сведениям Переселенческого управления, до 30% чистой доходности с земли[49]. Но даже в тех случаях, когда соблюдалась формальная «соразмерность» оброчной подати переселенцев и старожилов, для новоселов было значительно труднее выносить тяжесть этого обложения, так как за время льготного срока многие переселенческие семьи не могли завести устойчивое хозяйство, способное справляться с уплатой всех сборов и отправлением разного рода повинностей.

Податные инспекторы, сталкиваясь с поразительной по сибирским масштабам бедностью переселен-

---

[46] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 691, л. 19. Журнал Общего присутствия Тобольского губернского управления по крестьянским делам, 20 октября 1900 г.

[47] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 691, л. 3 об. Циркуляр Министерства финансов от 18 октября 1901 года.

[48] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 691, л. 135, 1902 г.

[49] ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 770, л. 58 об. Циркуляр Переселенческого управления от 21 июня 1908 года.

цев, проживших в Западной Сибири льготный отрезок времени, становились порой в тупик при определении размеров оклада государственной оброчной подати. Чиновникам трудно было выполнять положения закона, так как многие переселенческие поселки, расположенные на неудобных землях, невозможно было сравнивать с каким-либо старожильческим селом, которое находилось бы в «одинаковых с переселенческим поселком условиях». Так, податной инспектор Тобольской казенной палаты в августе 1905 года приступил к исчислению оброчной подати с переселенцев Туринского уезда, которым с 1 января 1906 г. истекал льготный по платежу сборов срок. Таких переселенческих семей в 17 поселках уезда оказалось 113 (из 893 чел.). Всего посевной площади в этих хозяйствах было 154 дес., т. е. по 1,36 дес. на двор, лошадей — 169 — по 1,5 на двор. Урожайность переселенческих полей, по сведениям, собранным инспектором, была гораздо ниже, чем у старожилов, и новоселы своими посевами не могли обеспечить продовольствование семей. Промыслами переселенцы в отличие от старожилов не имели возможности заниматься, а лошади были куплены на ссуду, которую еще предстояло выплачивать [50]. Обложение таких переселенческих дворов оброчной податью означало лишь накопление безнадежной к поступлению недоимки.

Особенно большие недоимки по казенным платежам накоплялись в таежных районах, где все условия жизни и ведения хозяйства были намного сложнее и где переселенческие поселки отличались наибольшим процентом бедноты Так, с переселенцев Туринского уезда оброчная подать и земский сбор по окладу 1911—1912 гг. составляли 969 руб., а недоимки — 1198 руб., или 124% оклада, с переселенцев Тарского уезда по окладу этого же года казенные и земские платежи составили 4894 руб., недоимки — 8435 руб., или 172% оклада [51].

Размер всех платежей и сборов с переселенческих дворов был подвержен значительным колебаниям. По данным обследования 1912 г. хозяйство новоселов в среднем уплачивало по 14 руб. 01 коп.[52]. В Томском уезде в 1911 году переселенцы платили по 14 коп. оброчной подати с десятины земли [53], т. е. при пятнадцатидесятинной норме на каждую на-

[50] ТФ ГАТО, ф. 3, оп. 1, д. 339, л. 2—3.
[51] Кузнецов В. К. Указ. соч., с. 188, 194.
[52] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 691.
[53] ГАТО, ф. 239, оп. 2, д. 3, л. 10.

дельную душу приходилось по 2 руб. 10 коп. (14 коп. с десятины — это еще относительно невысокое обложение: в среднем в Томской губернии переселенцы платили более чем по 18 коп. за десятину надельной земли[54], а согласно данным подворного обследования 233 переселенческих поселков в 1903 г. переселенцы по полному окладу должны были вносить оброчную подать в размере 24 коп. с десятины[55]). Средняя переселенческая семья Западной Сибири состояла из 6,2 чел., в том числе мужского пола — 3,2 чел.[56]. Следовательно, семья новоселов получала в среднем 3 душевые доли, так как при зачислении земли доля полагалась на каждого члена семьи мужского пола, включая грудных младенцев, и, таким образом, оброчные платежи со среднего по составу двора составляли в Томском уезде 6 руб. 30 коп. Земский сбор устанавливался в размере около 40% от казенного[57], т. е. в данном случае на одну семью приходилось 2 руб. 50 коп., а всего оброчная подать и земский сбор составляли 8 руб. 80 коп. на переселенческий двор. Волостные сборы в Томском уезде на одного годного работника составили 5 руб. 03 коп.[58]. Сельские сборы, как уже говорилось, были самыми большими по величине, однако они, как правило, были меньше волостных сборов и в среднем составляли до половины последних[59], т. е. всего мирских сборов на одного годного работника приходилось около 7 руб. 50 коп. Таким образом, основные платежи переселенческой семьи с тремя душевыми долями и с одним годным работником составляли 16 руб. 30 коп., с двумя работниками — 23 руб. 80 коп., с тремя — 31 руб. 30 коп.

Для переселенческого хозяйства это были огромные суммы, выплачивать которые, не ставя хозяйство на грань разорения, мог далеко не каждый двор новоселов. Пресловутая зажиточность крестьян Сибири, которая обычно демонстрировалась в натуральных показателях, сопровождалась, как правило, настоящим денежным голодом. Особенно это было заметно в отдаленных от обжитых мест, от городов, от рынков сбыта переселенческих поселках, образованных во второй

[54] ЦГИА, ф. 391, оп. 2, д. 691, л. 135.

[55] Вопросы колонизации, 6/г, № 2, с. 124.

[56] Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913, с. 64.

[57] Кузнецов В. К. Указ. соч., с 188; Храмков А. А. Указ. соч., с. 464.

[58] ГАТО, ф. 239, оп. 1, д. 62, л. 81.

[59] Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967, с. 253.

половине 90-х годов XIX — начале XX вв. «Сибирскую деревню,— писала газета «Сибирская жизнь»,— от безденежья не спасают и хорошие урожаи. В доме полном, как чаша, сплошь и рядом не оказывается необходимых 2—3 рублей и 15—20 коп. трактуются как большие деньги»[60]. В этих обстоятельствах уплата 20—30 рублей различных платежей для недостаточно окрепших бедняцких переселенческих хозяйств была буквально разорительной. Крупный переселенческий чиновник Г. Ф. Чиркин, будущий начальник Переселенческого управления, анализируя материалы обследования 233 переселенческих поселков в 1903 г. и отмечая, что обложение переселенцев доходит до 30% чистого дохода от земледелия, писал: «При таких условиях неравномерного и обременительного обложения все пособия, ссуды и культурные начинания переселенческих учреждений могут оказаться в значительной степени напрасными»[61].

Особенно страдала от тяжести податного бремени переселенческая беднота, так как принципы раскладки платежей и повинностей, как правило, либо совершенно не учитывали доходность хозяйства, либо учитывали ее в незначительной степени, и беднота часто уплачивала такие же суммы денег, что и зажиточные дворы. Данные массового обследования переселенческих хозяйств в 1903 г. показали, что «обычные признаки платежеспособности двора весьма примитивны: ни урожайность, ни различное качество земли, ни распределение угодий, ни даже посевная площадь не принимаются в расчет»[62]. Материалы других обследований переселенческих хозяйств также подтверждают то, что раскладка сборов в большинстве случаев производилась на мужскую надельную душу или на одного годного работника[63]. В последнем случае, при раскладке на «годницу» «совсем не редкость,— писал исследователь об Алтае,— если работник, живущий круглый год в сроку у хозяина (т. е. батрак.— *А. М.*), платит столько же, а иногда немногим больше, чем сам хозяин»[64]. В резуль-

---

[60] Сибирская жизнь, 1906, 29 июля.

[61] Вопросы колонизации, б/г, № 2, с. 125.

[62] Там же, с. 121.

[63] Халютин П. В. Переселенцы Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Спб., 1902, с. 17, 18, 31, 43, 54, 67, 79; Кузнецов В. К. Указ. соч., вып. 1, с. 127.

[64] Сущинский П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае (исследование на месте). Спб., 1898, с. 10.

тате применения указанных, широко распространенных принципов обложения в переселенческих общинах с каждой десятины посевной площади бедноты взималось платежей гораздо больше, чем с десятины многопосевных переселенцев (см. табл. 1), несмотря на то, что по урожайности посевы зажиточных хозяев всегда превосходили посевы остальных дворов. Такое же положение выявилось и при перерасчете обложения на голову рабочего скота. Вопреки всякой логике недавно прибывшие, еще не полностью устроенные семьи новоселов платили относительно больше, чем многопосевные и многолошадные хозяйства староселов, располагавшие лучшими по качеству угодьями.

Таблица 1

Денежные платежи переселенческих хозяйств Алтая в перерасчете на десятину запашки и рабочий скот *

Группы дворов	В среднем на 1 хоз-во запашки (дес.)	На 1 дес. запашки приходится платежей (руб.)	В среднем на 1 хоз-во рабочих лошадей	На каждую рабочую лошадь приходится платежей (руб.)
Прожившие до 1 года	5,1	1,65	2,0	4,21
До 3 лет	6,7	1,45	2,3	4,23
До 5 лет	9,7	1,07	3,1	3,37
До 10 лет	12,2	0,88	4,2	2,56
Более 10 лет	14,0	0,70	5,7	1,74

* Таблица составлена по данным: Материалы по обследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Алтайский сборник. Барнаул, 1899, т. IV, вып. 1, с. 32.

Приведенная таблица, однако, не полностью отражает неравномерное обложение переселенческих дворов, так как, во-первых, в группах староселов были малопосевные хозяйства, так же как и новосельческие, платившие с десятины самые высокие подати, а во-вторых, в группах новоселов имелись зажиточные семьи, обложенные сравнительно невысокими податями с десятины посева и головы рабочего скота. Группировка по времени прибытия, таким образом, несколько затушевывала огромную разницу в относительном обложении переселенческих дворов. Группировка же по посеву 3697 хозяйств новоселов Томского и Мариинского уездов, обследованных в 1911—1912 гг., показывает, что с десятины посева беднейших переселенцев взималось оброчной подати в 8 раз

больше, чем с десятины зажиточных хозяйств[65]. Попытки переселенцев ввести прогрессивное обложение встречали сопротивление со стороны зажиточной части деревни и не получали поддержки администрации. Так, в деревне Тюменькиной Кривощековской волости Томского уезда, где переселенцы составляли большинство, в 1903 г. было принято сходом решение о введении повышениой платы за каждую следующую свыше трех десятину и рабочую лошадь. Зажиточные, составлявшие меньшинство, апеллировали к уездному съезду крестьянских начальников, и в результате приговор крестьян был отменен. Раскладка податей была вновь установлена, исходя из числа годных работников в семье. Верхушка деревни осталась довольной отменой приговора[66].

Таким образом, все подати и повинности сибирских переселенцев по своему содержанию, форме, методам раскладки явились в значительной мере пережитком феодализма. Государство, организовывая переселение крестьян на свободные земли Сибири, кроме политических целей, преследовало и фискальные интересы. Подавляющему большинству переселенцев противостояли, с одной стороны, государство помещиков и сам царь, создавшие и охранявшие податную систему, и, с другой стороны, сельская буржуазия, стремившаяся переложить основную тяжесть платежей и повинностей на плечи низов деревни. Переселенцы-бедняки, начинавшие жизнь в Сибири с батрачества, при выколачивании недоимок, проводившихся путем описи и продажи имущества, нередко вновь оказывались на грани разорения.

---

[65] Горюшкин Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962, с. 20.
[66] Сибирская жизнь, 1904, 13 мая.

В. П. КОРЗУН

Омск

РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОЙ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЙ БУРЖУАЗИИ (ПРОБЛЕМА КАДРОВ)

Традиционным и плодотворным является обращение историков Юга России к демографическим процессам, как важным факторам, влияющим на социальный облик пролетариата [1].

Среди условий, регулирующих миграции рабочей силы, ее количественные и качественные характеристики, необходимо выделить также и рабочую политику буржуазии — аспект, не нашедший отражения в историографической практике.

Но именно через рабочую политику буржуазии преломляются и опосредуются в большей или меньшей степени все факторы, оказывающие влияние на социальный облик пролетариата, и демографический в частности.

В пореформенный период в связи с нехваткой рабочих рук в южной промышленности предметом изучения становится кадровая политика буржуазии. Причем эта проблема была впервые поставлена в печати не профессиональными историками, а самими горнопромышленниками и рассматривалась лишь как функция их экономических успехов [2]. В основе этих построений лежала идея о специфичности русского рабочего, о его крестьянской натуре, идея, которая генетически восходила к славянофильской историографии.

---

[1] Лось Ф. Е. Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба в конце XIX и в начале XX столетия. Киев, 1955; Нестеренко А. А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX вв. М., 1954; Потолоков С. И. Рабочие Донбасса в XIX в. М.—Л., 1963; Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма. Ростов-на-Дону, 1971.

[2] Буличев Н. Горнорабочий вопрос на Юге России.— Горный журнал, 1884, № 10; Богуцкий Ю. Ф. Положение горнорабочих в Донецком бассейне.— Юридический вестник. 1890, т. 1; Ауэрбах А. А. Воспоминания о начале развития каменноугольной промышленности в России.— Русская старина, 1909, т. 198, с. 140.

Первая русская революция расширила для буржуазии границы и смысл понимания кадровой политики как составной части рабочего вопроса. В либерально-буржуазной литературе намечается тенденция к восхвалению «культурных способов» эксплуатации и осуждение негибкости буржуазии, появляются проекты решения рабочего вопроса в плане общедемократических преобразований в стране[3].

Несмотря на объективистский характер концептуальных построений, узость источниковой базы, которая, по существу, свелась к использованию фрагментарных материалов совета съезда горнопромышленников Юга России, в дореволюционной историографии все же обозначились контуры кадровой политики. Отношение буржуазии к рынку рабочей силы составляло стержень этой политики.

Дореволюционная марксистская публицистика с принципиально иных классовых позиций подошла к рассмотрению кадровой политики горнопромышленной буржуазии, значительно расширила проблематику, связывая проблему складывания кадров пролетариата с вопросами продолжительности рабочего дня, с размерами заработной платы, с условиями труда и быта, с насущными политическими требованиями[4].

Современный этап развития советской историографии характеризуется пристальным вниманием к вопросам истории российской буржуазии. Исследования в этом направлении позволили рассмотреть во взаимодействии два основных класса капиталистического общества. В связи с этим изменился и отчетливее определился объем исследовательских задач и в области изучения рабочей политики буржуазии.

---

[3] Пажитнов Н. Очерк развития буржуазии в России.— Образование, 1907, № 2; Ерманский А. Крупная буржуазия до 1905 г.— Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1909, т. 1; Он же. Крупная буржуазия в 1905—1907 гг.— Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1910, т. 2; Гушка А. Представительные организации торговопромышленного класса в России. Доклад, прочитанный на общем собрании И. Р. Т. О. в заседаниях 12 и 16 ноября 1911 г. Спб., 1912; Он же. К характеристике российской крупной буржуазии.— Наша заря, № 1—3, 1912; Фомин П. И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.

[4] Покровский М. Как живет донецкий шахтер.— Русское богатство, 1913, № 12, с. 258; Шахтеры на французских рудниках Донецкого бассейна.— Правда, 1 марта 1913; Покровский рудник.— Рабочая правда, 1913, № 1; Григорьевский рудник Екатеринославского общества.— Путь правды, 1914, № 22. К горнорабочим.— Вопросы страхования, 1913, № 6, с. 11; Больничные кассы горнорабочих.— Вопросы страхования, 1913, № 9, с. 4—5; Задачи страховой компании горнорабочих.— Вопросы страхования, 1914, № 6, с. 1—2.

В первых появившихся работах по этой проблеме авторы совершенно справедливо делают акцент на экстенсивных методах эксплуатации, характерных для буржуазии эпохи первоначального накопления капитала [5]. Но, как известно, В. И. Ленин указывал на «прогресс по части либеральных и демократических методов надувательства и развращения рабочих», на наличие «умной», «тонкой» искусной эксплуатации, которую применяла буржуазия кадетского толка [6].

В этом плане требует дальнейшего осмысления проблема соотношения методов эксплуатации рабочих, влияния этих процессов на формирование кадров горняков и металлистов на Юге России.

Этот аспект не нашел отражения в работах современных историков ни в качестве постановки проблемы, ни в качестве конкретных исследований.

Попытаемся восполнить этот пробел.

Южная промышленность, возникшая на рубеже веков как результат капиталистической индустриализации, объективно нуждалась как в количественном росте рабочей силы, так и в новой модели рабочего. Характерными чертами такой модели явились: беспрерывная, круглогодичная работа на заводе или руднике; способность освоить новую технику и технологию, а значит, иметь более высокий уровень грамотности; более высокая степень мобильности, которую К. Маркс связывает с крупной промышленностью, обусловливающей перемену труда [7], особый психологический настрой.

Объективная заинтересованность буржуазии в таком типе рабочего в ее практической деятельности деформировалась под воздействием крепостнических пережитков в стране.

Способы воздействия буржуазии на процесс складывания рынка рабочей силы являются прекрасной иллюстрацией такой деформации. Вопрос о «привлечении и удержании рабочих» впервые был поставлен на I съезде углепромышленников в 1874 году. Съезд выдвинул план переселения крестьян в район Донбасса из малоземельных губерний России, который предусматривал наделение переселенцев небольшим уча-

---

[5] Крутиков В. В. Из истории борьбы буржуазии с рабочим движением в Донбассе в 60—80 годы XIX века.— Из истории местного края. Днепропетровск, 1968; Рубин В. Н. Рабочий вопрос на съездах горнопромышленников Юга России.—Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1966, т. 249.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 322; т. 16, с. 178.

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 498.

стком земли за выкуп в течение длительного времени и обязанность первые пять лет по договору работать на горнопромышленных предприятиях. Этот план содержал требование привлечения государственного аппарата для обеспечения льготных условий переселения и для обеспечения «прикрепления рабочих к предприятиям».

Так как правительство не удовлетворило главного желания шахтовладельцев о переселении крестьян, они изыскивают другие решения кадровой проблемы. Примером такого решения является проект Баталина. Смысл его заключается в том, что правительство должно было создать в Москве Центральное рабочее бюро, куда начальники станций железных дорог сообщали бы сведения о наличии свободной рабочей силы. Согласно этим сведениям и заявкам углепромышленников начальники станций должны были производить наем рабочих [8].

Проект, принятый экстренным съездом горнопромышленников в 1900 году, предусматривал создание комитета по найму рабочих. Как справедливо отмечает П. И. Фомин, проект 1900 года ограничивался посредничеством между промышленниками и рабочими, «не входя в непосредственные действия по найму рабочих» [9].

Характерным для переселенческих проектов буржуазии Юга в период 70—90-х годов было стремление широко использовать существующие феодальные пережитки, привлекать к разрешению кадровых вопросов государственный аппарат. Большой пространственный размах и практическая непригодность — характерная черта проектов. Стремление к возрождению вариантов посессии в передовом капиталистическом регионе было обусловлено общероссийскими условиями и социальным обытом буржуазии, пришедшей из старых экономических районов, требованием равных условий конкуренции. На это указывал В. И. Ленин, когда писал: «Можно ли удивляться тому, что, например, южные горнопромышленники жаждут прикрепления рабочих и законодательного запрещения конкуренции мелких заведений, если в другом районе горнопромышленности это прикрепление и эти запрещения существуют исстари и до сих пор, если в другом районе

---

[8] См.: Отчет уполномоченных XIII съезду горнопромышленников Юга России.— Труды XIII съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1889, с. 112—126.

[9] Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность Юга России. Харьков, 1924, т. 2, с. 177.

заводчики при низшей технике, при более дешевом и покорном рабочем получают на чугуне без хлопот «копейку на копейку» [10].

Убедившись в неосуществимости первоначальных проектов заселения Донбасса, горнопромышленники пробуют другие рычаги воздействия на формирование рынка рабочей силы. Статистическое бюро совета съезда определяет круг губерний, поставляющих кадры шахтеров.

Данные статистического бюро за 1900 год характеризуют 87,3% всех горняков, занятых на каменноугольных, и 66,73% на антрацитовых копях. Выходцы из центральных губерний России и Харьковской губернии составляли 70,4% всех рабочих, из Екатеринославской и Донской — 16,3% [11]. Это дает возможность говорить о преобладании рабочих — выходцев из губерний земледельческого центра. Именно в эти районы, где больше всего сохранились пережитки докапиталистических формаций, посылала буржуазия своих эмиссаров для вербовки рабочей силы. Процесс миграции из этих районов сопровождался предоставлением льгот мигрантам. Эмиссары горнопромышленников погашали крестьянские недоимки, покупали завербованным билеты до места назначения, выдавали денежные задатки [12]. Для характеристики кадровой политики буржуазии большое значение имеет вывод крупного исследователя рабочих Юга России Ю. И. Серого о неизменной ориентации горнопромышленников на традиционные районы выхода рабочей силы, хотя в период империализма рынок рабочей силы значительно расширяется за счет южных губерний и области войска Донского [13]. Такая устойчивость тенденций объясняется стремлением горнопромышленников к экстенсивным способам эксплуатации рабочих. Крестьяне этих губерний продавали свою рабочую силу за более низкую цену, чем южные, и более дорожили своим рабочим местом. Косвенным подтверждением выгодности такого положения для горнопромышленников служат данные журналов заседаний Донского областного и Харьковского присутствий за пятилетие (1906—1911 гг.) о сравнительно высоком уров-

---

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 494.

[11] См.: Серый Ю. И. Указ. соч., с. 72.

[12] См.: Государственный архив Ворошиловградской области, ф. 19, оп. 1, д. 14, 16; Экстренный съезд горнопромышленников Юга России, происходивший в г. Харькове от 5-го до 11 мая 1900 года. Стенографический отчет. Харьков, 1900, с. 27—28.

[13] Серый Ю. И. Указ. соч., с. 72.

не заработной платы на рудниках, где преобладали местные рабочие [14].

Ориентация на традиционный рынок позволяла буржуазии широко прибегать к докапиталистическим способам найма. Подрядная и артельная формы найма выступают как архаичные, не соответствующие уровню развития капиталистической промышленности. Подряды и артели получили широкое распространение на Юге и фактически воссоздавали старые патриархальные отношения, замкнутость, так как часто объединяли выходцев из одной деревни, родственников и т. д. Денежные задатки подрядчиков ставили рабочего в личную зависимость, тормозили у горняков развитие пролетарской идеологии.

Такие способы найма облегчали буржуазии нарушение Устава о промышленности. Операция оплаты рабочим ордерами и талонами на Юге приобрела широкий размах и стала предметом обсуждения IV Государственной думы. В порядке спешности было отправлено два письма-запроса министру юстиции и министру торговли и промышленности о нарушениях предпринимателями Донецкого бассейна статей 99 и 155 Устава о промышленности, запрещающих «расплату с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами».

Оплата ордерами, связанная с задержкой заработной платы, выступает как форма беспроцентного кредита для промышленника, кроме того, она рассчитана на удержание рабочих на рудниках. Такая форма оплаты применялась на копях Брянского, Алексеевского, Прохоровского обществ, на рудниках общества антрацитовых копей Вальяно, Донецко-Грушевского акционерного общества, акционерного общества «Русский провиданс», на рудниках Берестово-Богодуховского горнопромышленного общества. По словам представителя социал-демократической фракции в IV Думе Петровского, «эта операция производилась чуть ли не на каждом руднике в Донецком бассейне» [15].

Оплата ордерами производилась следующим образом. Администрация рудника входила в соглашение с торговцем, который отпускал в лавке товары по ордерам. В определенный срок ордера предъявлялись к уплате, причем со скидкой от 5 до 10%. Это заставляло торговцев увеличивать цены на

---

[14] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 53, лл. 26, 121; д. 321, лл. 106—109.
[15] ЦГИА СССР, ф. 12178, оп. 5, д. 195, л. 140.

товары. При обмене ордера на деньги выдавалось, как правило, 60—70 коп. за рубль. Но такой обмен был редкостью, чаще ордера разменивались на контрамарки в 1, 3, 5, 10 и 20 коп. — небольшие печатные цветные бумажки. Об объеме оплаты ордерами на отдельных рудниках можно судить по данным, приведенным в выступлении Петровского. Так, потребительским обществом Вознесенского рудника наследниц П. А. Карпова в 1912 году оборот на наличные составил 103 315 руб. 95 коп., а на ордера — 217 130 руб. 60 коп., т. е. в два раза больше, на Грушевском руднике — в четыре раза, на рудниках Рутченковского общества больше в пять, шесть раз. От 1/2 до 2/3 жалованья рабочим выдавалось ордерами [16]. Даже при окончательном расчете горнопромышленники вместо денег предлагали брать товары по произвольно высоким ценам [17].

На формирование кадров шахтеров и металлистов для южной промышленности отрицательное воздействие оказывает позиция капиталистов по такому важнейшему вопросу, как продолжительность рабочего дня. Вопрос о длительности рабочего дня решается с позиции сегодняшней прибыли, которую буржуазии обеспечивал спокойный, «обломовски доходный» 10-часовой рабочий день [18]. Фактически на Юге он составлял 10,5—12 часов [19]. «Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день»,— пишет К. Маркс [20].

Тенденция к увеличению рабочего дня в южной горнопромышленности нашла свое выражение в высоком удельном весе сверхурочных работ. Зачастую у шахтеров и металлистов в ведомостях значилось по 35 и более рабочих дней в месяц. Обычно производительность труда в сверхурочные часы была меньше. Не случайно повсеместно в забастовках выдвигается требование отмены сверхурочных работ.

Горнопромышленники не желали идти на сокращение рабочего дня, о чем свидетельствуют записки и телеграммы на имя Авдакова по поводу законопроектов министерства финансов. Свою категоричность предприниматели аргументируют тем, что «сокращение рабочего дня равносильно упадку горной промышленности», а любые законопроекты прави-

[16] Там же, л. 5.
[17] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 469, л. 54.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 62.
[19] Серый Ю. И. Указ. соч., с. 179.
[20] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 246.

тельства, предусматривающие сокращение рабочего дня, считают опасными и даже «революционными»[21]. Небольшая группа промышленников выступает за сокращение рабочего дня, но не более чем до 10 часов[22]. Горнопромышленная буржуазия по вопросу о 8-часовом рабочем дне оказалась правее правительства. Монопольные организации на Юге организационно обеспечивали высокие прибыли капиталистам и являлись оплотом борьбы против 8-часового рабочего дня. Стремление буржуазии увеличить степень эксплуатации путем удлинения рабочего дня оказывало отрицательное влияние на процесс формирования постоянных кадровых рабочих, так как влекло за собой текучесть, повышение числа несчастных случаев, раннюю возрастную непригодность. Экстенсивные способы эксплуатации с использованием системы феодальных пережитков оказывали отрицательное воздействие на процесс формирования кадровых рабочих.

Как уже отмечалось в историографической части статьи, первая русская революция расширила для буржуазии содержание и смысл рабочего вопроса, несколько видоизменяется и кадровая политика южных горнопромышленников.

С 1909 по 1913 год наблюдается значительный рост капиталовложений на расширение и техническое оснащение металлургических заводов Юга и шахт. Этому способствовала усилившаяся конкуренция «Продамета» с «Кровлей» и с аутсайдерами. Побудительным мотивом к повышению энерговооруженности труда явилось повышение заработной платы, которого добились рабочие в ходе революции 1905—1907 годов.

Попытки буржуазии в послереволюционный период вернуть часть уступок не имели существенного успеха. На этом фоне происходит увеличение нормы прибыли путем интенсификации труда[23]. Южные горнопромышленники вынуждены были в большей степени считаться с тем, что промышленности требуется квалифицированный рабочий нового типа. Такому рабочему буржуазия должна была предложить и соответствующую заработную плату, которая была на Юге выше, чем в целом по России, что подтверждается не только исследованиями советских историков, но и современными буржуазными авторами. Так, например, в исследовании Джона Мак-

[21] Н. фон Дитмар. Неожиданный отказ на ожидание.—Горнозаводское дело, 1912, № 2, 3.

[22] ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 2, д. 72, л. 52.

[23] Серый Ю. И. Указ. соч., с. 38—39.

кея говорится, что донецкий шахтер накануне русско-японской войны получал около 3,6 франка в день, что было выше оплаты в Москве и Петербурге, но было почти таким же, как в Бельгии[24]. Джон Маккей отмечает также каналы, которыми пользуется иностранная буржуазия для привлечения рабочих.

В период империализма перед буржуазией остро встала проблема технической подготовки кадров. Вопросы низшего горнотехнического образования обсуждаются на съездах горнопромышленников, открываются долгосрочные технические курсы в Харькове, на заводе Гартмана в Луганске, на Днепровском заводе и др. В интересах ограждения производства от случайных людей по заказу съезда горнопромышленников была издана и распространена брошюра, которая знакомила с техникой и тяжелыми условиями добычи угля[25].

Тенденция к изменению способов эксплуатации нашла реальное воплощение также в установлении на нескольких предприятиях региона 8-часового рабочего дня. «Имеются рудники,— сообщал начальник горного управления Южной России,— ведущие свои работы тремя 8-часовыми сменами («Любимов, Сальвэ и К⁰»)»[26]. 8-часовой рабочий день был установлен также на Константиновском заводе[27].

Однако эти тенденции «культурного» капитализма не носили на Юге характера отрегулированной деятельности, тем не менее, их нельзя игнорировать. Определенные попытки бороться с рабочим движением такими способами, которые характерны для буржуазии кадетского толка, наблюдаются в годы первой русской революции и в годы нового революционного подъема.

Таким образом, в практической деятельности буржуазии по созданию квалифицированных кадров рабочих сочетались буржуазные и полукрепостнические мероприятия, причем последние преобладали.

Такие факторы, характеризующие кадровую политику буржуазии, как ориентация на традиционный рынок, длинный рабочий день, патриархальные способы найма и оплаты тру-

---

[24] Mc. Kay J. P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industialisation. 1885—1913. Chicago—London, 1970, p. 251.

[25] Колодуб Е. Труд и жизнь горнорабочих на Грушевских антрацитовых рудниках. М., 1905.

[26] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 487, л. 12 об.

[27] Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. М., 1955, с. 415.

да, плохие жилищные условия, отсутствие системы трудовых резервов, тормозили процесс складывания постоянных кадров шахтеров и металлургов.

1/25 Заказ 6740

М. Д. СЕВЕРЬЯНОВ

Иркутск

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ (1925 — июнь 1941 гг.)

XXV съезд КПСС принял исторические решения, определяющие основные направления дальнейшего развития народного хозяйства страны. В них важное место отводится развитию экономического потенциала Восточной Сибири, имеющей значительные энергетические и сырьевые ресурсы.

В свете этих решений стоит вопрос о привлечении рабочей силы в промышленность и сельское хозяйство. Нехватка трудовых ресурсов в регионе компенсируется, как правило, за счет переселения населения в Восточную Сибирь из различных районов страны.

За годы социалистического строительства Коммунистическая партия накопила огромный опыт в рациональном размещении производительных сил на территории СССР. Поэтому изучение опыта КПСС представляет большой научный интерес и практическую ценность.

В деятельности Коммунистической партии по плановому переселению крестьян в Восточную Сибирь в 1925 — июне 1941 гг. можно выделить два крупных этапа: 1925—1934 гг. и 1935—1941 гг., а внутри первого из них водоразделом может служить начало массовой коллективизации в стране.

С 1925 по 1930 г. переселение осуществлялось в условиях доколхозной деревни и начала массового колхозного строительства, носило на себе следы пережитков дореволюционной переселенческой практики. Контингент переселенцев состоял из единоличников, преимущественно бедноты. В местах вселения насаждались хутора и отруба. Большие размеры носило самовольное переселение.

За 1925—1928 гг. в Восточную Сибирь переселилось более 62,4 тыс. человек[1]. Однако экономическая эффективность

[1] Добрый. Переселенческое дело в Сибири.— Вестник землеустройства и переселения, 1928, № 10, с. 86.

такого переселения была низкой, так как для прочного хозяйственного устройства переселенца, несмотря на помощь государства в виде разных льгот и ссуд, требовалось несколько лет. Выход из этого положения Коммунистическая партия видела в кооперировании крестьянства.

В 1930—1934 гг. население Восточной Сибири увеличилось за счет естественного прироста, оргнабора рабочих в промышленность и совхозы и вселения кулацких хозяйств из центральных районов страны. Планового переселения крестьян не было.

На втором этапе (1935—июнь 1941 гг.) переселение проходило уже в условиях победившего колхозного строя в СССР. От первого этапа оно отличалось большей организованностью, так как основным методом переселения стало доселение колхозников-переселенцев в уже существующие колхозы с целью их организационно-хозяйственного укрепления.

Для хозяйственного устройства переселенцы получали все необходимое: дома, приусадебные участки, ссуды, скот от колхозов и государства и уже на второй-третий день после прибытия активно включались в хозяйственную и общественно-политическую жизнь в местах вселения. За 1935—июнь 1941 гг. в восточносибирские колхозы вселилось около 30 тыс. семей [2].

В целом переселение крестьян в 1925—июне 1941 гг. имело большое значение для увеличения численности населения и освоения новых земель в Восточной Сибири.

---

[2] Подсчитано нами по материалам архивов: Государственного архива Иркутской области, ф. 1452, оп. 1, д. 22, л. 79; ф. 2137, оп. 1, д. 34, л. 31; Там же, д. 12, л. 1; Государственного архива Читинской области, ф. р-1591, оп. 1, д. 13, л. 22; ф. р-6, оп. 1, д. 1, л. 36; Центрального государственного архива Бурятской АССР, ф. 1056, оп. 1, д. 36, л. 20; Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, ф. 5675, оп. 1, д. 323, лл. 47, 34; Там же, д. 165, л. 59; по работам: Маненков Д. Д. Итоги сельскохозяйственного переселения.— Народное хозяйство Восточно-Сибирского края, 1936, № 5, с. 17; Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и осуществление ее в СССР. 1917 — июнь 1941 гг. Томск, 1976, с. 229, 230, 238, 239.

Э. С. ХАЛИМОВА

Омск

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПЕРЕПИСИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ 1920—1929 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

В обширном комплексе разнообразных источников по исторической демографии периода социализма существенное место принадлежит материалам выборочных обследований индивидуальных крестьянских хозяйств, широко практиковавшихся в 20-х годах. Среди них выделяются так называемые динамические переписи — трехпроцентные ежегодные обследования одних и тех же гнезд (волостей или групп смежных селений). Основной их целью было установление характера изменений производственных отношений и выяснение классового состава крестьянства. На основе сплошного описания хозяйств в выбранных гнездах выявлялись: а) межхозяйственные отношения (аренда-сдача земли и средств производства, наем-продажа рабочей силы, долгосрочные обязательства); б) так называемые «органические» и миграционные изменения хозяйств (разделы, соединения, выселения и т. п.). Соотношение двух основных программных компонентов динамических переписей менялось на протяжении 20-х годов: до 1926 г. (I период обследований) внимание было сосредоточено на «социально-органических» изменениях, в 1927—1929 гг. (II период) основным стало выявление социально-производственных отношений [1].

Информативные возможности динамических переписей, то есть круг проблем истории советской доколхозной деревни, которые могут быть поставлены и решены на их основе, достаточно широки.

Во-первых, источник содержит богатую информацию де-

[1] Подробнее об этом см.: Халимова Э. С. Организация динамических переписей крестьянских хозяйств 1920—1929 гг. и методика разработки их материалов.— Вестн. Моск. ун-та, сер. истор., 1977, № 3, с. 13—24.

мографического характера и является уникальным по вопросу о миграциях крестьянского населения и семейно-имущественных разделах дворов. Во-вторых, материалы гнездовых обследований включают ценные сведения об основных производственных элементах крестьянского хозяйства и сферах приложения труда, в том числе «промысловых» занятиях. В-третьих, динамические переписи вскрывают все многообразие межхозяйственных отношений крестьянства (аренда-сдача земли и средств производства, наем-отчуждение рабочей силы, кредитные отношения, кооперация). Наконец, гнездовые переписи являются источником по социально-классовой структуре советской доколхозной деревни и на основе учета системы признаков, характеризующих размер и тип хозяйства, выявляют основные группы крестьянства кануна сплошной коллективизации.

Все 4 компонента информативной структуры источника являются динамическими, то есть погодными, связанными во времени, и относятся к идентичной массе хозяйств, то есть связаны в пространстве. Эти два качества источника позволяют прослеживать непрерывные процессы в развитии крестьянства, демографическую и социально-экономическую эволюцию, направление динамики и степень мобильности его структурных элементов.

Особый отпечаток на организацию и проведение гнездовых обследований наложили теоретические воззрения руководителя отдела динамики ЦСУ А. И. Хрящевой, послужившие основой программы переписей в 1920—1926 гг. Формально они носят эклектический характер, вбирая в себя элементы неонародничества и марксизма, но по сути — это один из вариантов теории о сопротивлении деревни капитализму. Она сводила эволюцию всей массы крестьянских хозяйств к двум результатам: 1) размножению и 2) отслоению части хозяйств из крайних групп за пределы деревни. Роль регулятора в последнем исследовательница отводила «социально-органическим» процессам: «извечно» совершающимся разделам, соединениям, выселениям и т. п. В результате экономических и демографических изменений появляется лишь простая разность количеств тех или иных элементов и признаков крестьянского хозяйства за обследуемое время. В итоге же «социально-органических» процессов отдельные крестьянские хозяйства или совершенно реорганизуются и изменяют свое органическое строение (разделы, соединения), или, напротив, эти хозяйства переносятся в другую социальную среду (вы-

селение, возвращение из отсутствия, вселение), или по каким-либо причинам прекращают свое существование (ликвидируются). Таким образом, если у народников капитализм из-за общины и у неонародников из-за «трудопотребительской» природы самого хозяйства не мог проникнуть в деревню, у А. И. Хрящевой капиталистические элементы удалялись из нее за счет механизма «социально-органических» изменений[2].

На протяжении II периода обследований (1927—29 гг.) под руководством В. С. Немчинова происходило активное изживание методологически ошибочной теории полупризнания социально-классовой дифференциации в самой программе динамических переписей. Однако смещение акцента вовсе не означало полного отказа от исследования демографических моментов, прочно вошедших в информативную структуру материалов «динамики»: численность и состав семьи, поло-возрастная структура, трудовые ресурсы, «органические» изменения.

Оценка качественных особенностей динамических переписей как выборочного статистического источника противоречива. С одной стороны, гнездовой метод отбора хозяйств гарантировал получение наиболее полной и достоверной информации о демографии, межкрестьянских отношениях и динамике социальных групп. С другой стороны, динамические гнезда представляли собой весьма разнообразные типы социально-производственного развития и не отвечали требованию репрезентативности в строго статистическом смысле. Однако нельзя говорить как о полной достоверности, так и об абсолютной нерепрезентативности динамических переписей. В каждом конкретном случае требуется специальная проверка этих моментов с учетом региональных особенностей, периода обследований, возможностей сопоставления с другими источниками. В целом следует признать научный характер динамических переписей как выборочного статистического источника. Исследование его качественных сторон с помощью математико-статистического и ло́гического анализа свидетельствует о сравнительно высокой достоверности гнездовых переписей, обеспеченных хорошо разработанной мето-

[2] Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг. Епифанский уезд. 1916, т. 1—11; Она же. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 1-е. М., 1924; Изд. 2-е. М., 1926; Она же. Динамические переписи крестьянских хозяйств.— В. кн.: Хозяйственная статистика СССР. Л., 1930, и др.

дикой проверки и контроля сведений. Анализ источника в аспекте представительности позволяет заключить, что выборочные данные репрезентируют не только тенденции, но и отдельные показатели, несмотря на отклонения от требования типичности при гнездовом методе отбора единиц.

Таким образом, несмотря на ряд недостатков динамических переписей, связанных с относительной устойчивостью неонароднических традиций, а также с несовершенством статистических сторон источника, они могут успешно использоваться для научного марксистско-ленинского познания столь сложного и противоречивого объекта, каким являлось советское доколхозное крестьянство[3].

Одним из существенных направлений использования материалов динамических переписей может быть изучение семейно-имущественных разделов (дроблений) крестьянских хозяйств, которые явились одним из важнейших факторов распыления производительных сил деревни и превратились в 20-х годах в серьезную государственную проблему. (Если в т. н. «органических» процессах ежегодно участвовало 5—7% хозяйств, то разделам ежегодно подвергалось 2—3%.) Рассматривая конкретно-историческое изучение этой проблемы в качестве резерва и дальнейшей перспективы использования материалов динамических переписей, попытаемся охарактеризовать степень ее разработанности в экономической литературе 20-х годов и в современной историографии.

Еще на рубеже XIX—XX вв. народники пытались объяснить сущность так называемых «органических» изменений и, в частности, семейно-имущественных разделов, рассматривая их как результат биологической эволюции и противопоставляя дифференциации. Эта традиция оказалась живучей в неонароднической литературе[4]. В то же время в рамках формировавшегося в 20-х годах марксистского направления предпринимались по сути дела плодотворные попытки обращения к анализу микроструктуры (крестьянского двора), а также влияния различных внешних факторов на интенсивность дроблений крестьянских хозяйств[5]. Проблема была поставлена в

[3] Халимова Э. С. Автор. дис. ... канд. ист. наук. Динамические переписи крестьянских хозяйств 1920—1929 гг. как источник по социально-экономической истории советской доколхозной деревни. М., 1977.

[4] Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924; Он же. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919, и др.

[5] Кубанин М. И. Классовая сущность процесса дробления кресть-

плоскость тесной сопряженности и взаимообусловленности демографических и социально-экономических сторон. Но экономисты 20-х годов еще не поднялись до комплексного выяснения влияния всех факторов, пытаясь свести причины разделов к какому-либо одному моменту, не было выяснено течение процесса в различных социально-классовых группах.

Исходя из этого, можно сказать, что диссертация К. М. Газаловой «Дробление крестьянских хозяйств в Европейской России в 1921—1928 гг.» (М., 1967) явилась большим шагом вперед. На базе комплексного изучения массовых источников, прежде всего, динамических переписей, в работе выдвинут и обоснован ряд положений, объясняющих масштаб и динамику разделов, их причины и влияние на различные стороны крестьянской жизни. Принципиально важен вывод К. М. Газаловой о том, что разделы не оказывали существенного влияния на характер социальной дифференциации в советской деревне; их отрицательное воздействие перекрывалось экономическим подъемом бедняцко-середняцких слоев. Положения К. М. Газаловой не вызывают возражений. Можно говорить лишь о дальнейшем их развитии на пути поисков конкретно-статистических связей микроструктурных элементов с макроструктурными, учитывая региональные варианты этого процесса.

В этом смысле большое методологическое значение имеет вывод В. П. Данилова в его фундаментальном исследовании «Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство» (1977 г.): «Тесная связь социально-экономических и демографических процессов в мелком индивидуальном крестьянском хозяйстве объясняет ряд существенных особенностей в развитии доколхозной деревни. Взаимопереплетение и взаимодействие этих процессов играли немаловажную роль в механизме социальных перемещений, непрерывно происходящих и постепенно меняющих определенную социально-классовую структуру» [6].

Однако это не равносильно многофакторному подходу при объяснении механизма социальной мобильности, бытующему в современной англо-американской историографии. Заметное место здесь занимает вышедшая в 1972 г. в Оксфорде работа известного английского социолога Т. Шанина «Неудобный

янских хозяйств. М., 1929; Крицман Л. Н. О внутренних противоречиях крестьянского двора.— На аграрном фронте. 1929, № 3, и др.

[6] Данилов В. П. Указ. соч., с. 624.

класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия. 1910—1925»[7]. (Эта работа является единственной для современной англо-американской историографии, в которой использованы материалы динамических переписей.) Данные «динамики» 1920—1925 гг. привлечены автором при анализе мобильности крестьянских хозяйств во II части книги «Циклическая мобильность». На основе анализа эволюции русского крестьянства за 1910—1925 гг. он осуществил попытку создания схемы так называемой «многонаправленной циклической социальной мобильности».

Модель Т. Шанина включает две группы факторов: 1) определяющие поляризующую тенденцию — накопление экономических преимуществ в среде «богатых» крестьянских хозяйств и экономических «недостатков» у «бедных»; 2) определяющие выравнивающую тенденцию. Вторая группа факторов состоит из: а) случайных колебаний как следствия близости рынка или определенной политики центральной власти; б) «органических» изменений—биолого-демографических циклов крестьянских семей. Причем «поднимающая мобильность» хозяйств возникала в основном из соединений дворов, а «опускающая мобильность» из их разделов. В многофакторной модели Т. Шанина, по его собственному признанию, «...мобильность крестьянских хозяйств определяется взаимодействием различных и относительно автономных факторов, действующих одновременно» (с. 117). Результатом действия всех типов факторов (биолого-демографических, социальных, экономических, политических) являлась бесконфликтность внутри крестьянства. «Отсутствие стабильности в представительности социально-экономических групп крестьянства и высокие уровни мобильности позволяют бедным и богатым точно меняться местами... Эта тенденция была усилена относительной количественной однородностью крестьянских хозяйств, выраженной в том, что социально-экономическая дифференциация, очевидная в русских крестьянских общинах, редко порождала классический классовый конфликт...» (с. 160). Таким образом, в отличие от неонародников, которые придавали слишком большое значение «качественной однородности» хозяйств и не признавали социально-экономической дифференциации, Т. Шанин преувеличивал подвижность и взаимозаменяемость групп крестьянства.

---

[7] The awkward class. Political sociology of peasantry in a developing society: Russia 1910—1925. By Theador Shanin. Oxford, 1972.

В то же время Т. Шанин не мог не заметить наличие т. н. «остаточного компонента мобильности», зафиксированного в динамических переписях, который выражался в относительно устойчивом и направленном изменении соотношения групп хозяйств от года к году. По его мнению, истинной причиной «остаточного компонента» является воздействие случайных колебаний (рыночной конъюнктуры, государственной политики) и биологических циклов жизни крестьянской семьи.

Но таким образом из анализа исключаются межкрестьянские отношения, возникающие в процессе производственной деятельности хозяйств (аренда-сдача земли и средств производства, наем-отчуждение рабочей силы, кредитные связи, участие в кооперации). Эти отношения уже в первой половине 20-х годов стали получать массовое распространение. Они носили социальный характер, приобретая все более и более смысл антагонистических отношений эксплуатации-зависимости. Именно эти отношения прежде всего объясняют т. н. «остаточный компонент мобильности». Используя материалы гнездовых обследований только частично, то есть беря из них информацию лишь о «социально-органических» изменениях, Т. Шанин не смог объяснить «остаточный компонент», выявленный самим источником.

В заключение следует отметить, что информация динамических переписей по исторической демографии может эффективно использоваться только в совокупности со всеми другими сведениями источника. Комплексный подход при решении стоящих проблем должен состоять и в привлечении других источников выборочного и сплошного характера, которые могут помочь при выяснении ряда моментов. Например, определяя численность крестьянских хозяйств и размер крестьянских семей по различным губерниям, следует привлекать данные весенних опросов, основанных на механическом отборе единиц, налоговых списков, а также переписи населения 1926 г. При выяснении трудовых ресурсов крестьянских хозяйств могут использоваться данные выборочных крестьянских бюджетов, а миграционных изменений — материалы специальных анкетных обследований. Все эти данные следует рассматривать как источники взаимодополняющей информации по исторической демографии. Речь идет о необходимости создания банка научной информации по истории советской доколхозной деревни, что является непременным условием глубокого изучения всех ее аспектов.

М. М. ЕФИМКИН

Новосибирск

РОЛЬ НЕКОТОРЫХ РАЙОНОВ СССР В КОМПЛЕКТОВАНИИ РАБОЧИХ КАДРОВ СИБИРИ[1]

Вопрос комплектования рабочих кадров в Сибири в условиях развитого социализма носит острый, злободневный характер, как и проблема источников пополнения рабочего класса СССР в целом. Значение ее несомненно теоретически и практически, о чем со всей остротой было указано на XXV съезде КПСС[2].

Научное решение этого вопроса позволит определить наиболее целесообразные формы деятельности Коммунистической партии и Советского государства по использованию различных источников пополнения рабочего класса, их регулированию, выявлению дополнительных резервов его роста и, в конечном счете, установить наиболее целесообразные пути и методы работы с кадрами.

Сибирь в этом плане значительно выделяется среди других районов страны. Это край мощных энергетических и топливных, нефтяных и химических, металлургических, машиностроительных, лесопромышленных и других народнохозяйственных комплексов. Сибирь сегодня — это БАМ, оказывающая стимулирующее влияние на ускоренное развитие всего народнохозяйственного организма обширнейшего региона страны. Освоение природных богатств этого сурового края, ускоренное развитие производительных сил требуют не только громадных материальных, но и колоссальных трудовых ресурсов. Только на строительстве Байкало-Амурской магистрали трудится 120 тыс. человек[3]. Каков же вклад различных

[1] В основу написания статьи легли материалы, полученные при обработке личных учетных карточек рабочих машиностроительной, легкой и лесной промышленности Сибири в 1959—1970 гг.

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 43.

[3] Федин В. М. Деятельность партийных организаций по формированию кадров строителей Байкало-Амурской магистрали. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1977, с. 1.

районов Советского Союза в формирование трудовых ресурсов Сибири?

Как известно, Сибирь занимает 29% территории СССР, на которой проживает 8% общей численности населения страны[4]. Численность населения Сибири за период с 1959 г. по 1970 годы увеличилась с 17 725 тыс. чел. до 19 572 тыс. чел., или примерно на 12%[5]. Однако удельный вес населения Сибири в составе общесоюзного населения пока что снижается. В 1959 г. он составлял 8,5, в 1970 — 8,1 и в 1979 — 8%[6]. Как видим, абсолютное увеличение населения Сибири в период с 1959 по 1979 г. на 13 392 тыс. чел. не дало, тем не менее, его относительного роста. С одной стороны, это объясняется большими масштабами естественного прироста в других районах страны, а с другой — слабостью миграционного прироста, а в ряде случаев — отрицательным сальдо миграции в Сибири[7].

Так, только за 1961—1973 гг. Сибирь «потеряла» более 1 млн. чел. населения, что составило более 800 тыс. рабочих рук[8]. Особенно важно отметить для уяснения нашей проблемы, что ни Западная, ни Восточная Сибирь не имеют миграционного прироста городского населения за счет европейских районов РСФСР[9].

Таким образом, за время между двумя переписями (1959—1970 гг.) показатели роста населения Западной и Восточной Сибири в основном определялись естественным движением населения[10]. Это, конечно, не говорит о том, что Сибирь имела слабые миграционные связи с другими районами страны. Напротив, эти связи были очень сильными. Другое дело, что они были не равнозначными для различных районов СССР. Для Западной Сибири наиболее характерными были миграционные связи с Уралом, Казахстаном, некоторыми районами европейской территории СССР и, конечно, с граничащей Восточной Сибирью[11]. В городские поселения Восточной Си-

---

[4] Правда, 1979, 22 апр.

[5] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М., 1976, с. 16.

[6] Правда, 1979, 22 апр.

[7] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Указ. соч., с. 42, 51.

[8] Там же, с. 42.

[9] Там же, с. 51.

[10] См.: Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Указ. соч., с. 51; Воробьев В. В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

[11] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Указ. соч., с. 52.

бири приходило около 150 из европейской территории Союза, основная же масса мигрантов поступала в результате межобластных перемещений внутри этого региона [12].

Данная тенденция роста населения Сибири является определяющей и для количественных характеристик рабочего класса, занятого в этом регионе. Анализ материалов количественного роста сибирского отряда рабочего класса СССР говорит о том, что увеличение его численности происходит, главным образом, за счет местных трудовых ресурсов. В машиностроении Западной Сибири 96,4% всех пополнений обеспечили районы Сибири и Дальнего Востока. Лишь 3,6% новых пополнений поставили все другие районы страны, причем 2,3% — европейская часть СССР, в то время как соседние с Западной Сибирью Урал, Средняя Азия и Казахстан дали соответственно 0,2% и 1,1%. Это свидетельствует о том, что и в период развитого социализма центральные районы страны отдают сибирскому отряду рабочего класса кадров больше, чем соседние [13].

Подобное положение характерно и для Восточной Сибири. В машиностроении, легкой и лесной промышленности этого края 95,5% прироста кадров дали районы Сибири и Дальнего Востока. Причем, если смотреть процесс комплектования кадров в динамике, то можно проследить тенденцию возрастания роли местных трудовых ресурсов. Если в 1959 г. на названные выше районы приходилось 94,5% общего состава новых кадров, то в 1970 г.— уже 96%. Соответственно меняется и роль других районов СССР в комплектовании кадров в Восточной Сибири. Если значение таких районов, как Урал, Средняя Азия и Казахстан, с 1959 по 1970 гг. было стабильным и даже возросло (0,4—0,5% Урал и 0,4% Средняя Азия и Казахстан), то несколько снизилось значение районов европейской территории Союза, являющихся, тем не менее, как и для Западной Сибири, основными поставщиками кадров для Восточной Сибири — 4,7 и 4% среди других, не сибирских районов [14].

Анализ качественного состава кадров, пришедших с Урала, Средней Азии, Казахстана и европейской части СССР, показал: 60% из общей численности пришедших с Урала составили рабочие, ранее занятые в машиностроении. Остальные

[12] Воробьев В. В. Указ. соч., с. 56.

[13] Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974, с. 65, 66.

[14] Там же, с. 65, 66.

ную часть выходцев с Урала представляли учащиеся, окончившие сельскую общеобразовательную школу. Лица, пришедшие из европейской части СССР, ранее были заняты — в машиностроении — 30,3%; в легкой и пищевой промышленности — 7,1%; в строительстве и строительной индустрии — 1,7%; на транспорте — 10,7%; в других отраслях промышленности — 12,5%; в сельском хозяйстве — 5,3%; в остальных отраслях народного хозяйства — 32,4%. Сюда входит и значительное количество выпускников средних общеобразовательных школ, приехавших в Сибирь с целью поступления в высшие учебные заведения, которым не удалось этого осуществить. Часть из них оседала в этих местах и пополняла ряды сибирских рабочих.

Таким образом, и Урал и центральные районы страны преимущественно поставляли в Сибирь кадры, ранее занятые в различных отраслях народного хозяйства. Данная тенденция была характерна и для Средней Азии с Казахстаном.

Следует отметить и то, что большинство пришедших на предприятия Сибири (81,9%) являлись коренными сибиряками. Причем в числе прибывших из других районов страны — 27,5% родились в Сибири и на Дальнем Востоке. Это является еще одним подтверждением того, что рост сибирского рабочего класса происходит, в основном, за счет местных трудовых ресурсов.

Л. А. ЯГОДИНСКАЯ

Омск

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ МЕДИЦИНСКИМИ КАДРАМИ (1966—1975 гг.)

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли и уделяют огромное внимание развитию здравоохранения. В Программе КПСС, решениях XXIII и XXIV партийных съездов указано на необходимость полного удовлетворения потребности городского и сельского населения во всех видах высококвалифицированного медицинского обслуживания.

Выступая на XXV съезде партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «Среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей»[1].

Опираясь на программные положения и выводы съездов, советские обществоведы рассматривают вопросы здравоохранения в тесной связи с действием закона народонаселения. В частности, Б. Я. Смулевич считает, что «закон народонаселения выражается в новом типе воспроизводства населения на основе укрепления здоровья и физического развития, увеличения долголетия всех социальных групп и национальностей»[2].

Среди проблем, связанных с развитием здравоохранения и решением демографических вопросов, важное место принадлежит обеспечению и подготовке медицинских кадров высшей и средней квалификации. В Директивах XXV съезда КПСС по основным направлениям развития народного хозяйства СССР в десятом пятилетии была поставлена задача: «Улучшить подготовку и повышение квалификации врачей, провизоров, среднего медицинского и фармацевтического персонала»[3].

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 41.

[2] Смулевич Б. Я. Ленин и теория народонаселения.— В кн.: Ленинские идеи об охране здоровья народа. М., 1961, с. 65.

[3] Материалы XXV съезда КПСС, с. 220.

Выполнение этой задачи, наряду с укреплением материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений и развитием специализированной медицинской помощи, стало одним из основных направлений в развитии здравоохранения в годы восьмой и девятой пятилеток. Решая ее, партийные организации Западной Сибири сосредоточили свое внимание на таких вопросах, как увеличение кадровых ресурсов здравоохранения, улучшение качества их подготовки, рациональная расстановка и использование, подбор руководящего звена и совершенствование стиля руководства, рост профессионального и идейно-политического уровня специалистов и улучшение воспитательной работы, выполнение комплекса мероприятий по закреплению медперсонала и сокращению текучести кадров.

Несмотря на актуальность и огромную значимость этих вопросов для Западной Сибири, они не нашли подробного и всестороннего освещения в литературе. В большинстве публикаций историков медицины и медицинских работников, рассказывающих о становлении и развитии советского здравоохранения, показан лишь рост обеспеченности медицинскими специалистами, но не дается ни анализ кадровых проблем, ни их решение[4]. Известные диссертационные работы по данному вопросу охватывают период до 60-х годов[5].

Некоторые сведения о положении медицинских кадров в 60-х годах приводятся в сборниках, посвященных 50-летию Советской власти[6] и полувековому юбилею организации здравоохранения Иртышского бассейна[7]. Отдельные статьи из этих сборников для нас представляют интерес. Так, напри-

---

[4] Здравоохранение Томской области за 50 лет. Томск, 1968; Развитие здравоохранения в Тюменской области за годы Советской власти. Тюмень, 1968; Федотов Н. П. и др. Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск, 1967; Федотов Н. П., Мендрина Г. И. Очерки по истории медицины Сибири. Томск, 1975; Хитарян М. Из истории здравоохранения в г. Новосибирске. Новосибирск, 1951 и т. д.

[5] Кодкин А. С. История, современное состояние и перспективы развития здравоохранения Горно-Алтайской автономной области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 1963; Полякова М. Е. Организация медицинского обслуживания и охраны здоровья сельского населения Омской области (1950—1960 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1963.

[6] Вопросы здравоохранения Омской области. Научные труды № 90, Омск, 1970; Из опыта работы сельских лечебно-профилактических учреждений. Омск, 1970.

[7] На страже здоровья речников Иртыша. Омск, 1972.

мер, В. Т. Селезнева, М. Е. Полякова и И. Г. Легенький путем анкетирования провели исследование условий труда и быта врачей, работающих в сельской местности. Из 327 опрошенных почти 47% заявили о своем намерении уехать из села. Авторы статьи указали мотивы отъезда, трудности, с которыми приходится сталкиваться медицинским работникам на селе, но не показали, какая работа проводится по преодолению этих трудностей [8].

В другой статье из этого же сборника З. П. Коваленко подробно рассказала о формах повышения квалификации врачей-педиатров и среднего медицинского персонала сельских районов на базе Омской областной детской больницы в 1959—1967 годах [9].

Вопросам усовершенствования врачей Кемеровской области посвящена работа, опубликованная в журнале «Здравоохранение Российской Федерации» [10].

Привлекает внимание еще одна статья, авторы которой Н. А. Уляшева и Н. В. Кралиш рассказывают о роли совета медицинских сестер в повышении производственной квалификации средних медработников [11]. Все эти публикации носят описательный характер, показывают лишь некоторый опыт работы отдельных лечебных учреждений по воспитанию кадров.

В настоящей работе автором сделана попытка раскрыть сущность кадровой проблемы, показать на примере Омской области, как под руководством партийных организаций решались некоторые вопросы подготовки, использования и закрепления медицинских специалистов в Западной Сибири в годы восьмой и девятой пятилеток. Основным материалом для статьи послужили данные Партийного архива Омского об-

---

[8] Селезнева В. Т., Полякова М. Е., Легенький И. Г. Труд, быт и здоровье врачей сельских районов Омской области.— В сб.: Вопросы здравоохранения Омской области, с. 88—94.

[9] Коваленко З. П. Опыт работы областной детской больницы по повышению квалификации сельских медицинских работников.— В сб.: Вопросы здравоохранения Омской области, с. 137—141.

[10] Решетова Л. А., Левчук В. С., Шуйкина Е. П. Некоторые формы усовершенствования врачей акушеров-гинекологов Кемеровской области на клинических базах.— Здравоохранение Российской Федерации, 1970, № 10.

[11] Уляшева Н. А., Кралиш Н. В. Совет медицинских сестер Иртышской центральной бассейновой больницы и его роль в повышении культуры обслуживания больных.— В сб.: На страже здоровья речников Иртыша, с. 68—70.

кома КПСС и текущего архива Омского областного отдела здравоохранения.

К началу восьмой пятилетки в районах Западной Сибири был накоплен значительный потенциал врачебных кадров и специалистов среднего звена.

Однако растущие потребности экономического и социального развития этого края требовали значительного увеличения количества медицинских работников. Особенно острым дефицитом специалистов характеризовалось положение в сельских районах при относительно лучшей укомплектованности в крупных городах, областных центрах. Так, по данным Омского областного отдела здравоохранения на 1 января 1966 года, обеспеченность населения врачами (в расчете на 10 тыс. жителей) по сельским районам составляла 6,6, а по городу Омску — 27,5; обеспеченность средним медицинским персоналом соответственно 37,9 и 60,2[12] (см. табл.). Многие сельские районные больницы были неудовлетвори-

Таблица*

Экономические районы	Обеспеченность врачами всех специальностей на 10 тыс. чел. насел. (на начало года)			Обеспеченно средним медицинским персоналом на 10 тыс. чел. насел. (на начало года)		
	1966	1971	1976	1966	1971	1976
РСФСР	25,8	30,1	35,8	81,0	92,8	100
Томская область	26,9	31,0	37,0	68,7	78,1	89,8
Омская область	26,7	30,9	35,1	70,0	85,0	98,0
Новосибирская область	24,7	30,0	36,2	67,7	80,1	93,9
Западная Сибирь	21,0	25,9	32,4	72,4	?	?
Кемеровская область	20,6	25,0	32,2	88,8	?	?
Тюменская область	16,0	23,2	30,8	75,2	97,0	?
Алтайский край	14,4	19,2	26,4	59,9	77,6	93,3

* Таблица составлена по данным, опубликованным в статистических сборниках: Народное хозяйство РСФСР в 1977 году. М., 1978, с. 260—261; Народное хозяйство РСФСР в 1974 году. М., 1975, с. 450—452; Народное хозяйство РСФСР в 1967 году. М., 1968, с. 513—514, 518—519; Народное хозяйство Омской области за 1971—1975 годы. Омск, 1977, с. 100; Народное хозяйство Алтайского края в 1971—1975 гг. Барнаул, 1976, с. 92; Народное хозяйство Новосибирской области за 1971—1975 годы. Новосибирск, 1976, с. 141; Народное хозяйство Томской области за 1971—1975 годы. Новосибирск, 1976, с. 80; Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966—1970 годы). Омск, 1971, с. 233.

[12] Текущий архив Омского облздравотдела. Данные сектора кадров. 1966 г.

тельно укомплектованы врачами основных специальностей: терапевтами, хирургами, акушерами-гинекологами, педиатрами. Ограниченно оказывалась медицинская помощь и по узким специальностям — отоларингологии, невропатологии и другим. На должностях среднего медицинского персонала в ряде случаев работали лица без законченного среднего медицинского образования, так как выпуск специалистов из-за слабой материально-технической базы медицинских училищ был ограничен.

При составлении планов на восьмую пятилетку партийные и советские органы Западной Сибири учли все эти нерешенные вопросы, уделив особое внимание кадрам здравоохранения. Это позволило исправить положение дел в 1966—1970 годах.

Коммунисты Омской области приняли активное участие в разработке мер по улучшению работы с медицинскими кадрами [13], по укреплению ими сельских лечебно-профилактических учреждений [14].

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 года «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране», бюро обкома партии совместно с облисполкомом утвердили мероприятия при работе со специалистами здравоохранения в Омской области[15], а райкомы КПСС и райисполкомы всех районов — аналогичные мероприятия на местах [16]. В 1970 году ход выполнения этих мероприятий был рассмотрен на бюро всех райкомов КПСС с участием работников облздравотдела [17].

Приток специалистов в здравоохранение осуществлялся, в основном, за счет направления молодежи, закончившей медицинские учебные заведения. За годы восьмой пятилетки в Омскую область было направлено 1098 врачей, в том числе 554 — в сельские районы. Врачи, направляемые на село, в первую очередь использовались для укомплектования райбольниц основными специалистами.

---

[13] Партийный архив Омского обкома КПСС (далее — ПАОО), ф. 17, оп. 83, д. 14, лл. 33—34, 118—120; ф. 1909, оп. 12, д. 6, лл. 25—28 и т. д.

[14] ПАОО, ф. 17, оп. 83, д. 35, лл. 36—39.

[15] ПАОО, ф. 17, оп. 91, д. 18, лл. 50—53.

[16] ПАОО, ф. 2306, оп. 2, д. 301, лл. 16—19; ф. 425, оп. 5, д. 45, лл. 85—87; ф. 415, оп. 8, д. 39, лл. 63—64 и т. д.

[17] ПАОО, ф. 425, оп. 5, д. 56, лл. 75—78; ф. 415, оп. 8, д. 54, л. 83; ф. 1909, оп. 12, д. 62, лл. 102—103 и т. д.

Большое внимание Омский облздравотдел уделил увеличению подготовки кадров средней квалификации. Была поставлена задача: за пятилетие укомплектовать ими область, и в первую очередь сельские районы. В процессе ее выполнения за пять лет (1966—1970 гг.) подготовлено и направлено в Омскую область 5858 чел., из них 3500 — в сельские лечебные учреждения [18], что позволило снять проблему обеспечения села медкадрами среднего звена. Причем следует подчеркнуть, что особое внимание в данной пятилетке уделялось расширению подготовки специалистов в медучилищах. Начиная с 1966 года, набор в медицинские училища Омской области увеличился более чем в два раза и составил к 1970 году 1110 чел. [19].

Значительную роль в увеличении подготовки и закреплении кадров средних медицинских работников на селе сыграли филиалы базового медучилища № 1, открытые при десяти крупных центральных районных больницах. В филиалах готовились медсестры с законченным средним специальным образованием из числа местной молодежи. Эти специалисты распределялись только по месту жительства, что положительно сказалось на их закреплении. За период работы филиалов (1966—1971 гг.) в них подготовлено 1080 медицинских сестер [20]. Партийные и советские органы также постоянно уделяли внимание улучшению жилищно-бытовых условий и предоставлению льгот медикам.

К концу пятилетия количество врачей в Омской области, проживающих на частных квартирах, составляло всего лишь 5,9%. Среди причин отъезда из села непредоставление жилья не стало играть решающей роли.

В восьмой пятилетке явно наметилась тенденция к сокращению текучести специалистов из села, хотя резкого ее уменьшения еще не наступило. Численность врачебных кадров в сельских районах, начиная с 1965 года, стабилизировалась, и в конце пятилетки был отмечен прирост на 65 чел. Всего по области врачей стало больше на 636 чел. [21].

В целом по Западной Сибири рост обеспеченности населения медицинскими кадрами шел равномерно, что видно из приведенной выше таблицы.

---

[18] Текущий архив Омского облздравотдела. Данные сектора кадров 1971 г.

[19] Там же, за 1973 г.

[20] Там же. Справка о работе с кадрами за 1974 г.

[21] Там же. Данные сектора кадров 1971 г.

В девятой пятилетке партийные и советские организации продолжали решать важные кадровые вопросы здравоохранения, руководствуясь при этом указаниями XXIV съезда КПСС. Особое внимание обращалось на качество подготовки специалистов, повышение их квалификации и профессионального роста, сокращение текучести медицинского персонала.

За годы девятой пятилетки в лечебно-профилактические учреждения Омской области направлено 1272 врача, в том числе 780 — в сельские районы. Более рациональная расстановка работников позволила решить вопросы укомплектования центральных районных больниц ведущими специалистами и перейти к более планомерной подготовке врачей узкого профиля. Через интернатуру и в порядке овладения смежными специальностями только за 1974—1975 гг. было подготовлено для села 17 ЛОР-врачей, 16 невропатологов, 8 окулистов [22].

Основное внимание в работе с медицинскими кадрами средней квалификации было направлено на дальнейшее повышение уровня подготовки и идейно-политическое воспитание учащихся в медицинских училищах. Набор в учебные заведения регулировался потребностью в специалистах этого звена.

В медучилищах Омской области за пять лет было подготовлено 5 тысяч медиков по семи специальностям [23]. В конце пятилетки набор проводился только на базе средней школы, что положительно сказывалось на квалификации выпускников. В целях дальнейшего повышения качества обучения были упразднены филиалы медучилища № 1, прекращена подготовка медсестер по линии Красного Креста, проведена планомерная замена работников, не имеющих законченного среднего медицинского образования, выпускниками училищ, взят курс на упорядочение использования специалистов по профилю законченного отделения. В результате проделанной работы был устранен дефицит в средних медработниках по сельским районам.

Сложность задач, стоящих перед советским здравоохранением, требовала постоянного усовершенствования знаний врачей, фельдшеров, медсестер. Поэтому в восьмой и девятой пятилетках партийные организации, органы здравоохра-

---

[22] Там же, за 1975 г.

[23] Там же. Тезисы доклада на собрании актива медработников области 14.1.1976 г.

нения уделяли много внимания развитию форм повышения квалификации медицинских работников. В результате сложились определенные формы учебы врачей: курсы специализации и усовершенствования на местных базах и в институтах усовершенствования врачей, прерывистая специализация на постоянно действующих курсах для участковых терапевтов, педиатров, акушеров-гинекологов, заочно-очные курсы, подготовка на рабочих местах, краткосрочные курсы стажировки и информации.

Всеми этими видами обучения в Омской области было охвачено за восьмую пятилетку 2474 врача, за девятую — 3145[24]. Однако некоторая часть медицинских работников, особенно среди участковых терапевтов, не всегда своевременно проходила курсы усовершенствования. Например, по данным 1973 года, в больнице № 1 г. Омска более шести лет не учились 7 участковых врачей, в поликлинике № 8 — 5 терапевтов, в МСЧ № 6 — 6 и т. д.[25]. В лечебных учреждениях города имелись также случаи направления на учебу врачей не по профилю законченного факультета при отсутствии в этом острой производственной необходимости.

Кроме указанных форм повышения квалификации, стало правилом проводить совместно с учеными медицинских институтов научно-практические конференции, совещания, семинары, патологоанатомические конференции, цикловые занятия по овладению отдельными методиками обследования и лечения больных.

Повышение квалификации среднего медицинского персонала проводилось на базе областных лечебно-профилактических учреждений, в основном областной клинической больницы. За годы девятой пятилетки прошли обучение 3220 чел. Были организованы постоянно действующие курсы при медучилище № 1, где ежегодно повышали квалификацию 150—200 медработников, главным образом из села[26]. Вообще следует подчеркнуть, что учеба среднего медицинского персонала сельских районов проводилась более планомерно и целенаправленно, чем городских кадров.

Одной из важных форм повышения квалификации является аттестация врачей и средних медработников. В ней проявляется не только фактор материальной заинтересованнос-

---

[24] Там же. Данные сектора кадров 1977 г.
[25] Там же. Справка сектора кадров за 1973 г.
[26] Там же.

ти специалиста, но и его профессионального роста. Аттестуемый в процессе подготовки осваивает большой теоретический материал, обобщает его, учится анализировать результаты своей деятельности. Этому направлению в работе с кадрами с каждым годом уделяется все большее внимание. Если в 1965—1970 годах в Омской области прошли аттестацию 253 врача, то в 1971—1975 годах — 566 [27].

Постоянно заботясь о повышении качества медицинского обслуживания, КПСС проводит большую воспитательную работу с лечебными кадрами, особенно с молодыми специалистами, создает необходимые условия для творческого труда, повышает их ответственность за порученное дело.

Один из основоположников советского здравоохранения Н. А. Семашко считал, что каждый добросовестный советский врач должен вкладывать свои усилия в улучшение постановки здравоохранения в нашей стране, видеть перед собой интересы коллектива, общества [28].

На воспитание именно таких качеств у медицинских работников была направлена деятельность первичных партийных и комсомольских организаций, профсоюзных комитетов учреждений здравоохранения. Она способствовала развитию движения наставничества, увеличению рядов ударников коммунистического труда среди врачей и среднего медицинского персонала, победителей социалистического соревнования. В 1971—1975 годах в Омской области 21 врачу присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР», 125 чел. награждены орденами и медалями СССР, 160 — значком «Отличник здравоохранения». Кроме того, более 2 тысяч медицинских работников награждены значками «Победитель социалистического соревнования 1973 г. и 1974 г.», 77 человек — значком «Ударник девятой пятилетки» [29].

Решение кадровой проблемы самым непосредственным образом было связано с развитием материально-технической базы здравоохранения, строительством крупных многопрофильных лечебных учреждений. Определенную роль играло и предоставление льгот медицинским работникам на селе: обеспечение бесплатными квартирами с отоплением и освещением, продажа в совхозах продуктов питания по государственным розничным ценам и др.

---

[27] Там же. Данные сектора кадров 1977 г.

[28] Семашко Н. А. Избр. произв. М., 1967, с. 94.

[29] Текущий архив Омского облздравотдела. Тезисы доклада на собрании актива медработников области 14.01.1976 г.

В результате осуществления мер по воспитанию и закреплению специалистов на рабочих местах в 1971—1975 гг. в Омской области прирост врачей увеличился и составил 946 чел.[30].

Следовательно, если в годы восьмой пятилетки только наметилась тенденция к сокращению текучести кадров, то в девятой пятилетке текучесть резко сократилась. Обеспеченность населения Западной Сибири врачами возросла в среднем на 6,5, а средним медперсоналом — на 14 чел.[31].

И все же быстро растущая в последние годы сеть здравоохранения опережает прирост кадров. Поэтому дефицит и врачей, и средних медицинских работников остается еще высоким.

Таким образом, под руководством партийных организаций органы здравоохранения Западной Сибири проделали значительную работу по повышению качества медицинского обслуживания населения, совершенствованию управления медицинскими кадрами. Однако не все аспекты кадровой проблемы решены до конца.

В настоящее время перед партийными организациями Западной Сибири стоят такие задачи в области здравоохранения, как улучшение качества подготовки и повышения квалификации специалистов, обеспечение укомплектованности лечебно-профилактических учреждений врачами и средним медперсоналом, дальнейшее сокращение текучести кадров, закрепление их в сельской местности, широкое развитие специализированной медицинской помощи, внедрение научной организации труда, новых форм и методов руководства лечебными учреждениями, повышение уровня идейно-воспитательной работы во всех звеньях здравоохранения.

---

[30] Основные показатели медицинского обслуживания населения Омской области за 1971—1975 гг. Омск, 1976, с. 7.

[31] Сведения по областям приведены в табл. на с. 177.

И. И. КОМОГОРЦЕВ

Новосибирск

ИСТОЧНИКИ И ФОРМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВА СТРОИТЕЛЕЙ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

В условиях развитого социализма осуществляется интенсивное освоение природных ресурсов Сибири. Это делается как в целях создания материально-технической базы коммунизма, так и в плане повышения материального благосостояния советского народа. В реальной действительности современной Сибири блестяще осуществляются идеи великого В. И. Ленина о создании новейшей наиболее крупной промышленности, рациональном размещении ее на территории страны, самостоятельном снабжении себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности, электрификации всего народного хозяйства, рациональном использовании общественного труда[1].

В соответствии с экономической стратегией КПСС одновременно реализуются четыре крупных программы освоения природных богатств Сибири: первая — это развитие топливно-металлургической промышленности, создание третьей металлургической базы страны, освоение каменноугольных и железорудных месторождений, в основе которых дальнейший индустриальный рост Кузбасса; вторая — освоение гидроэнергетических ресурсов, строительство крупнейших в мире гидроэлектростанций и создание на этой основе мощных энергоемких производств, территориально-промышленных комплексов; третья — разработка нефтяных и газовых месторождений, создание и дальнейшее развитие крупнейшей в Советском Союзе нефтедобывающей базы; четвертая — строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и социально-экономическое освоение ее обширной зоны.

В данном случае мы обращаем внимание на осуществление этой четвертой программы, на сооружение Байкало-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

Амурской магистрали, освоение ее зоны и, в частности, на проблемы формирования ее кадров. Строительство железнодорожной магистрали, которая бы проходила по северной оконечности Байкала, выдвигалось еще в прошлом столетии. В ходе социалистического строительства индустриальное освоение природных ресурсов Сибири продвинулось на север, и сооружение второй широтной железной дороги, проходящей севернее Байкала, стало объективной необходимостью. Сооружение же ее стало осуществляться в наши дни, когда в условиях развитого социализма созрели реальные возможности решения грандиозной по масштабам и затратам задачи.

Этими главными реальными возможностями мы считаем возросшее в ходе социалистического строительства экономическое могущество нашей страны, ведущую силу общества — советский рабочий класс, мощный научно-технический потенциал.

Именно в этот период — период развитого социализма возобновляется сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Строительство БАМа ведется одновременно по трем основным участкам: западному, центральному и восточному. К настоящему времени рельсы проложены на одной трети строительства длины, т. е. более тысячи километров пути. Кроме того, построен «малый БАМ» — железная дорога БАМ — Тында — Беркакит, по которой уже доставляются грузы от Транссибирской железной дороги в южную Якутию и обратно. Байкало-Амурская магистраль имеет очень важное значение в освоении всего северо-востока СССР, в расширении международных экономических связей со странами Тихоокеанского бассейна.

Строительство Байкало-Амурской магистрали является, безусловно, выдающимся историческим событием, изучение истории его имеет большое научно-теоретическое и практическое значение.

Особое место здесь занимает группа вопросов, характеризующих формирование коллектива строителей БАМа, повышение его производственной и общественно-политической активности, источники и пути (каналы, формы) комплектования кадров строителей БАМа.

В последние годы сектором истории рабочего класса периода развитого социализма Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в осуществление комплексной научной программы «Сибирь» было проведено

несколько научных экспедиций на трассу строительства БАМа. Историки Сибирского отделения Академии наук СССР побывали на всех трех основных участках строительства Байкало-Амурской железной дороги: западном, центральном и восточном.

Объектами их внимания были трудовые коллективы строителей БАМа. Они изучали первичные документальные материалы строительно-монтажных поездов, мехколонн, строймостоотрядов, строительных управлений и трестов, проектных организаций, партийных, советских и комсомольских органов. Результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы.

Трасса строительства Байкало-Амурской магистрали проходит по северным частям Иркутской, Читинской, Амурской областей, Бурятской АССР и Хабаровского края, по местам малообжитым или ненаселенным вообще. Поэтому формирование крупных трудовых коллективов строителей в тех местах представляло вполне естественно большие объективные трудности.

Фактически эти трудности были преодолены в первый же период строительства БАМа, без особых усилий. И это в значительной мере потому, что Байкало-Амурской магистрали было придано большое значение партией и правительством, БАМ была объявлена всенародной стройкой. На нынешнем этапе строительства Байкало-Амурской магистрали впервые о ней очень хорошо сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Выступая с речью 15 марта 1974 г. в Алма-Ате на торжественном заседании, посвященном 20-летию освоения целинных и залежных земель, Л. И. Брежнев отметил: «Целина не кончается казахскими или алтайскими степями. Целина — это тайга Сибири, тундра Севера, пустыни Средней Азии. Чтобы быть более конкретным, назову лишь один из готовящихся проектов. Это — Байкало-Амурская магистраль, железная дорога, которая пересечет всю Восточную Сибирь и Дальний Восток. Строительство этой железной дороги, которая прорежет сибирский массив с его неисчерпаемыми природными богатствами, открывает путь к созданию нового крупного промышленного района: вдоль нее вырастут поселки и города, промышленные предприятия и рудники, разумеется, будут вспаханы и пущены в сельскохозяйственный оборот и новые земли.

Убежден, товарищи, что эта стройка станет всенародной.

В ней примут участие посланцы всех республик и в первую очередь наша молодежь» [2].

В действительности так и произошло. На призыв партии и правительства строить новую железную дорогу в Сибири и на Дальнем Востоке откликнулись тысячи советских патриотов со всех концов великой советской страны; в тайгу, на трассу БАМ, стали прибывать посланцы всех союзных республик. ЦК ВЛКСМ объявил БАМ всесоюзной комсомольской стройкой, и основную часть строителей второй широтной сибирской дороги составили комсомольцы и молодежь.

Строительство Байкало-Амурской магистрали стало в центре внимания ЦК КПСС, Советского правительства, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, и на этом высоком уровне постоянно поддерживалось значение великой стройки современности. Не многим более года спустя, Л. И. Брежнев, выступая с речью на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы, снова обращается к этой стройке и с уверенностью говорит: «Великим трудовым подвигом нашего народа станет сооружение Байкало-Амурской магистрали.

Уже сегодня БАМ стал поистине всенародной стройкой. Вновь подтверждается добрая традиция советских людей — традиция Турксиба и Магнитки, Днепрогэса и Комсомольска-на-Амуре — сообща браться за большое дело» [3].

Благодаря столь высокому авторитету стройки, хорошей организации работы коллектив строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали быстро и успешно формировался и уже в первый трехлетний период значительно превзошел контрольную цифру и достиг численности в 120 тыс. чел. рабочих-строителей, инженерно-технических работников и служащих. БАМ практически не испытывает недостатка в кадрах, это весьма существенное отличие данной стройки от большинства других строек страны. Безусловно, здесь сказывается и то, что для строителей БАМа созданы соответствующие условия жизни и труда, осуществляется система материального стимулирования и обеспечения.

Особенность коллектива строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали состоит в том, что он не представляет собой единого по дислокации коллектива, каким являются трудовые коллективы промышленных предприятий, он рассредоточен по всей трассе строительства на множест-

---

[2] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1974, т. 4, с. 457.
[3] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. т. 5, с. 311.

во отрядов в виде строительно-монтажных поездов, механизированных колонн, мостостроительных отрядов. Все они объединены более крупными организациями, такими как управления «БАМстройпуть», «Ангарстрой», «Нижнеангарстрой», тресты «БАМстроймеханизация», «ЗапБАМстроймеханизация», «Мостострой-9», «Мостострой-10» и др. Все они подчинены единому главку «ГлавБАМстрой» с центром в г. Тында. Данная структура всех строителей БАМа позволяет управлять огромным многотысячным коллективом, рассредоточенным на трассе стройки протяженностью более трех тысяч километров.

Анализ источников формирования кадров строителей Байкало-Амурской магистрали показал, что основным классовым источником комплектования кадров строителей БАМа является рабочий класс, последующие места занимают крестьянство и интеллигенция. Строители БАМа в абсолютном большинстве имеют опыт работы, до приезда на строительство БАМа они работали или на промышленных предприятиях, или на других стройках, или в совхозах. Как видим, и здесь ведущая сила нашего общества — советский рабочий класс проявляет себя в первую очередь, идет в авангарде индустриального освоения Сибири, строительства новой широтной железной дороги на востоке страны.

Значительный интерес представляют и источники формирования кадров строителей Байкало-Амурской магистрали по территориальному признаку. В формировании коллектива строителей БАМа участвовала вся страна. Каждая союзная или автономная республика, край или область считали за честь послать на великую стройку века своих людей. Союзные республики, пославшие свои строительные отряды, образовали на трассе БАМа новые поселки: Украина — Березовку, Грузия — Нию и т. д. Однако преимущественное место в формировании кадров строителей БАМа занимает Сибирь, особенно ее восточная часть. Иначе говоря, основным источником формирования кадров строителей БАМа послужило местное население, жители крупных и средних городов Сибири и Дальнего Востока. Возможно, именно это обстоятельство обусловило сравнительно устойчивое положение кадров строителей БАМа, избавило их от излишней текучести, о чем будет сказано ниже.

Своеобразно проявляются на строительстве Байкало-Амурской магистрали формы (каналы) комплектования рабочих кадров. Объявление БАМа всенародной стройкой обусловило

широкий приезд желающих строить новую железную дорогу по общественному призыву. Это своеобразная форма пополнения кадров, присущая социализму: люди, проявляя свой патриотизм, едут на стройки, чтобы участвовать в общенародном, наиболее важном деле. На БАМе эта форма проявилась с особой силой. Строить БАМ приехали два всесоюзных комсомольских строительных отряда с XVII и XVIII съездов ВЛКСМ. В комплектовании кадров строителей БАМа приняли участие ЦК ВЛКСМ, все союзно-республиканские, краевые и областные комсомольские организации. Многие тысячи молодых патриотов с комсомольскими путевками приехали строить БАМ. Позитивным у людей, прибывавших по этому каналу, был высокий энтузиазм, большое желание участвовать во всенародной стройке, негативным — отсутствие опыта транспортного строительства, а нередко и подходящей специальности.

Другой важной формой комплектования кадров строителей Байкало-Амурской магистрали был перевод строителей из других транспортных организаций. По этой форме прибывали люди, обладающие и строительными специальностями и опытом транспортного строительства, одним словом, по этому каналу прибывали на стройку специалисты. Они сыграли очень важную роль в формировании коллектива строителей БАМа, особенно на первом этапе его комплектования. Так, одним из первых на трассу строительства БАМа прибыл головной ремонтно-восстановительный поезд № 21, один из старейших коллективов транспортных строителей, головной ремонтно-восстановительный поезд № 28. Прибывший на западный участок БАМа и положивший начало Звездному строительно-монтажный поезд № 266 прошел производственную закалку на сооружении сложной железной дороги Абакан — Тайшет, других железнодорожных магистралей Сибири и братской Монголии. В их коллективах были такие опытные строители, как Герой Социалистического Труда электросварщик Г. П. Галуцкий, мостостроитель Н. Ф. Иванов, бригадир путеукладчиков В. И. Лакомов, кавалер ордена Ленина бульдозерист А. С. Почежерцев и многие другие опытные строители.

Однако основное место в формировании кадров строителей Байкало-Амурской магистрали в числе всех других каналов занимает так называемый «вольный наем», или прием рабочих на месте строительными организациями. Этой форме принадлежит наибольший удельный вес. Так, в 1975 г. Глав-

БАМстрой принял по данному каналу 56,3% всех вновь принятых рабочих, трест «Мостострой-10» — 62%, трест «БАМстроймеханизация» — 71,7% [4]. В последующие годы удельный вес этой формы приема рабочих на строительство БАМа возрос еще более. Данная форма комплектования трудовых коллективов не случайно является основной. Она соответствует Основному Закону нашей страны и реализуется в полной мере. В новой Конституции СССР, ст. 40, говорится: «Граждане СССР имеют право на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом общественных потребностей» [5]. Советские люди хорошо знают свои права и сами реализуют их по своему усмотрению. Тем более, что это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым профессиям [6]. Реализация конституционного права в сочетании с высоким патриотизмом советских людей обеспечили вольному и общественному призыву ведущее место в числе всех других форм комплектования рабочих кадров — строителей Байкало-Амурской магистрали. Из прочих каналов еще имели место организованный набор, прием рабочих из ГПТУ, демобилизованных из рядов Советской Армии и Флота. Но они столь существенной роли, как первые, не играли.

Специфика источников и форм комплектования кадров строителей Байкало-Амурской магистрали отразилась и на их возрасте. Байкало-Амурскую магистраль строит в основном молодежь. В 1978 г. средний возраст строителей БАМа составлял 26 лет, а раньше он был значительно меньше. С продолжением строительства железнодорожной магистрали повышается и возраст строителей. Первое время на строительство БАМа приезжали молодые люди, не имевшие опыта работы, а некоторые и специальности. В 1975 г. в строительных организациях БАМа молодые рабочие на одну треть общей

---

[4] Сведения приведены из годовых отчетов строительных организаций БАМа за 1975 г.

[5] Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 18.

[6] Там же.

численности имели стаж работы от одного года до пяти лет [7]. В то время особенно остро стояли задачи профессиональной подготовки молодых рабочих. Их обучали строительным специальностям как в учебных комбинатах, в учебных пунктах, так и непосредственно и главным образом в строительных организациях путем индивидуального и бригадного обучения. Эти последние формы обучения строительному мастерству в условиях БАМа, когда строительные работы осуществлялись в малообжитой таежной местности, в условиях формирования трудовых коллективов и выполнения строительных работ, были первое время преобладающими. Так, в 1975 г. из общего числа вновь обученных рабочих 54,5%, или более половины, было подготовлено путем индивидуального и бригадного обучения, остальные — 45,5% — в учебных комбинатах и пунктах. В только что сформированных молодежных коллективах строителей особенно остро встали вопросы передачи молодым строителям жизненного опыта и профессиональных навыков старших товарищей. Вот здесь-то исключительно кстати пришли на помощь к молодым опытные транспортные строители, получившие трудовую закалку в годы Великой Отечественной войны, в процессе строительства новых железных дорог в последующие исторические периоды. Широкое распространение на БАМе получило наставничество — шефство опытных кадровых рабочих, умудренных жизненным опытом, обладающих высоким мастерством строителей, над молодыми начинающими рабочими. Уже на первом этапе строительства БАМа над молодыми рабочими шефствовали более 500 наставников, в числе которых были прославленные строители, такие как Герои Социалистического Труда В. Г. Новиков, В. И. Лакомов, Н. М. Михайлов, лауреат Государственной премии СССР Н. В. Синкевич и др. Они помогли определиться в жизни и обрести строительные профессии двум тысячам молодых рабочих. В дальнейшем наставничество на БАМе получило еще большее развитие. БАМ — стройка новая, отдаленная от индустриальных центров страны, и тем не менее мы видим там преемственность поколений строителей, когда воедино слились жизненный опыт и трудовое мастерство старших с высоким энтузиазмом и творческим дерзанием молодых. В совокупности это дало замечательные результаты, которые выра-

[7] Подсчитано по данным личных учетных карточек рабочих строительных организаций БАМа.

зились как в формировании трудовых коллективов, так и в их производственных успехах. Большой научный и практический интерес представляет такая форма комплектования кадров строителей Байкало-Амурской магистрали, как формирование коллективов строительных подразделений с учетом возраста, образования, специальности строителей непосредственно в местах формирования. Эта форма комплектования рабочих кадров проявилась впервые применительно к БАМу в Москве, Ленинграде, на Украине, в Грузии и хорошо себя зарекомендовала. Такие строительные подразделения, заранее укомплектованные специалистами нужных профессий, с опытными наставниками быстрее адаптируются в районах нового освоения, на строительных участках и эффективнее работают. Эта форма заслуживает более глубокого изучения и более широкого распространения ценного опыта работы с кадрами.

Использование прогрессивных методов формирования строителей на БАМе, источников и форм комплектования рабочих положительно сказалось на создании устойчивых трудовых коллективов. Среднегодовая текучесть кадров строителей БАМа составила за первый период стройки всего лишь 7%, тогда как по прогнозу социологов ожидалась гораздо выше.

Коллектив строителей Байкало-Амурской магистрали многонациональный, там практически представлены почти все нации и народности великого Советского Союза. От союзных республик в зоне сооружения БАМа работают целые крупные строительные подразделения, которые поддерживают постоянную связь со своими республиками и пополняют оттуда кадры строителей. На строительстве БАМа фокусируется вся дружная многонациональная семья СССР, единая общность — советский народ.

На БАМе проявляется высокая производственная и общественно-политическая активность строителей. Абсолютное большинство строителей БАМа участвует в социалистическом соревновании, в движении за коммунистическое отношение к труду. Практика строительства Байкало-Амурской магистрали, освоения ее зоны дает много новых ценных трудовых починов, направленных на повышение производительности труда, рациональное использование средств, техники и материалов, коммунистическое воспитание людей, охрану природной среды. Один из таких починов под девизом «Я — хозяин стройки», зародившийся и оформившийся на БАМе, широко

распространился на другие стройки в масштабах всей страны.

Коллектив строителей Байкало-Амурской магистрали своим количественным ростом, практическими делами способствует увеличению численности населения зоны БАМа, всего Северо-Востока СССР. Уже теперь на трассе БАМа быстро строятся новые и растут старые города и рабочие поселки, которые становятся индустриальными и культурными центрами во вновь осваиваемой зоне. Впрочем, старых городов там нет, а прежних рабочих поселков мало. Наиболее известные и быстро растущие центры — это Братск с населением в 215 тыс. чел., Усть-Илим, Усть-Кут, Тында, Нижнеангарск, Северобайкальск, Звездный, Магистральный, Ния, Улькан, Ургал, Шимановск, Березовка и многие другие. Со временем общая численность населения зоны БАМ должна достигнуть 1,5—2 млн. чел.

Таким образом, одновременно с формированием коллектива строителей Байкало-Амурской магистрали, сооружением второй сибирской широтной дороги успешно решается и другая очень важная проблема — проблема заселения зоны БАМа, что имеет большое значение для освоения этой зоны и всего Северо-Востока нашей великой страны.

Л. А. ПОДГОРНЫХ

Курган

ВЛИЯНИЕ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ СЕЛА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В условиях развитого социализма значение социально-политических факторов для повышения эффективности сельскохозяйственного производства значительно возрастает. В свою очередь это требует научной разработки социальных проблем села. На XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал важность углубленного исследования проблем развития нашего общества и среди них вопросов социальной структуры [1].

Дело в том, что после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС на основе значительного подъема производительных сил, стабильных экономических условий полнее осуществляется социальный прогресс на селе. Значительный эффект дают развивающиеся формы агропромышленной интеграции, что способствует последовательному и всемерному решению задач социального развития села. Это проявляется также в изменении социальной структуры тружеников села, сближении уровней жизни населения деревни и города.

Данные процессы закономерны. В. И. Ленин подчеркивал, что интенсификация сельскохозяйственного производства «предполагает изменение способов производства, преобразование техники, а для этого надо изобрести новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продукта и пр.» [2]. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин отмечали, что задача социализма состоит в том, чтобы сближать и объединять промышленность и земледелие, содействовать постепенному устранению различий между городом и деревней [3]. Эти гениальные предвидения основопо-

[1] См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1975, с. 72.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 101.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 152.

ложников марксизма-ленинизма точно характеризуют пути социального прогресса в сельском хозяйстве, задачи научно-технической революции по интенсификации этой важнейшей отрасли народного хозяйства страны, направления социального развития деревни.

В условиях развитого социализма на собственных основах созданы предпосылки для соединения сельского хозяйства и промышленности. Аграрно-промышленные предприятия и объединения как новые формы организации и управления сельскохозяйственным производством свидетельствуют о высоком уровне развития производительных сил и социалистических производственных отношений в советской деревне, являются магистральным путем развития сельского хозяйства СССР. В этом процессе участвуют колхозы, совхозы, промышленные предприятия, научные учреждения. Переход к новой форме кооперации проходит при строгом соблюдении ленинских принципов добровольности, постепенности, с учетом материальной заинтересованности, реальных экономических возможностей. Колхозно-кооперативная форма собственности все более сближается с общенародной, государственной формой собственности. Совершеннее становится государственная собственность в совхозах.

Новые качественные изменения в социалистических производственных отношениях непосредственно связаны с изменениями социальной структуры села, состава сельскохозяйственных тружеников. Именно под воздействием научно-технической революции коренным образом изменяется характер труда сельских тружеников. Все в большей степени трудовая деятельность людей, занятых в сфере сельского хозяйства, приобретает и будет приобретать черты индустриально-творческого труда. Аграрно-промышленные предприятия (АПП) и объединения создают объективные условия для тесной кооперации, а затем и полной интеграции предприятий по производству, заготовке, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции.

В связи с тем, что перспективы развития сельского хозяйства в условиях научно-технической революции связываются с интеграцией и что понятие аграрно-промышленной интеграции, аграрно-промышленных предприятий и объединений, аграрно-промышленных комплексов (АПК) в отдельных случаях вкладывается в самое различное содержание, уместно, на наш взгляд, еще раз повторить, что представляют собой эти понятия.

Интеграция представляет собой систему связей различных сторон деятельности единого социально-экономического комплекса. Интеграция и кооперация могут быть вертикальными и горизонтальными. Вертикальная интеграция — форма объединения сельскохозяйственных и промышленных предприятий, вспомогательных служб, которые обеспечивают непрерывность технологического процесса — от производства продукции, сырья до поставки их потребителю в готовом виде. Горизонтальная интеграция — это также форма сотрудничества, но в нее вовлекаются сельскохозяйственные предприятия с односторонним характером деятельности. Вертикальная кооперация (ее следует назвать еще и аграрно-промышленной) представляет собой сотрудничество сельскохозяйственных и промышленных предприятий, которые на основе разделения труда выполняют различные стадии производственного процесса. Горизонтальная кооперация также является формой сотрудничества, но только между отдельными специализированными предприятиями при выполнении определенных стадий производства. Аграрно-промышленные предприятия: совхозы-заводы, колхозы-заводы, комплексы, комбинаты имеют единый технологический процесс (производство — переработка—реализация). Характерным признаком для них является строгая централизация управления, единое руководство. Здесь решаются не только проблемы сближения двух форм собственности, но и двух видов производства, двух видов труда.

Аграрно-промышленные объединения являются трудовым коллективом социалистического общества. Он обеспечивает решение важных производственных, социально-экономических проблем, способствует превращению сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, преодолению существенных различий между городом и деревней, высокопроизводительному использованию материальных и трудовых ресурсов села.

Агропромышленная интеграция охватила целые районы и зоны СССР. Она осуществляется в масштабе административных районов страны. Это подтверждает давно сложившееся разделение труда в сельском хозяйстве СССР между отдельными экономическими районами, их специализация, где преобладает какая-то отрасль производства. Так, Казахстан является единственной республикой в стране, где сельское хозяйство представлено в основном крупными специализирован-

ными совхозами: в 1884 совхозах производится 80% сельскохозяйственной продукции [4].

Наибольшее распространение межхозяйственная кооперация получила в Молдавии, Украине, Белоруссии, Российской Федерации. К концу 1975 г. в Молдавии действовало 256 межколхозных предприятий и объединений, 172 совхоза-завода, 26 территориальных агропромышленных объединений, восемь научно-производственных объединений, четырнадцать совхозов-техникумов [5]. В РСФСР на начало 1977 г. было создано 5,5 тыс. межколхозных, колхозно-совхозных, межсовхозных и государственно-колхозных предприятий [6]. В целом по стране в 1977 г. насчитывалось около 7 тыс. различных межхозяйственных предприятий, организаций и объединений [7].

В последние годы стали создаваться объединения между предприятиями, производящими сырье и осуществляющими его переработку. Полностью на промышленной основе организованы специализированные хозяйства «Птицепром СССР», ряд государственных животноводческих комплексов. Примером могут служить свиноводческий комплекс «Кузнецовский», комплекс «Вороново» по производству говядины — оба в Московской области, Джетыгенский промышленный комплекс Алма-Атинской области по выращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота. В этом комплексе имеют дело со сложными автоматами и автоматическими линиями [8].

Продолжается работа по специализации и концентрации животноводства, переводу его на промышленную основу в Курганской области. За три года десятой пятилетки здесь было построено четырнадцать животноводческих комплексов, семь предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов. Особое внимание уделяется развитию свиноводства и птицеводства. В 1970 г. в области было создано 96 специализированных мясных ферм. Увеличился размер молочных ферм. В восточных районах области созданы крупные овцеводческие хозяйства. Положено начало развитию межхозяйственной кооперации.

---

[4] См.: Капесов Н. К. Социальные изменения в составе сельскохозяйственных тружеников Казахстана. Алма-Ата, 1977, с. 4.

[5] См.: КПСС — руководящее ядро политической системы советского общества. М., 1977, с. 200.

[6] Зинченко Г. И. Аграрная политика КПСС на современном этапе. М., 1977, с. 44.

[7] Там же, с. 39.

[8] Капесов Н. К. Указ. соч., с. 45.

Новой организационной формой агропромышленной интеграции являются научно-производственные агропромышленные объединения. На основе применения передовых методов агрономической науки, советов и рекомендаций дважды Героя Социалистического Труда Т. С. Мальцева (колхоз «Заветы Ленина» Щадринского района Курганской области), ВНИИ зернового хозяйства, руководимого академиком Бараевым (Шортанды-Казахстан), разрабатываются новые прогрессивные технологии, идет внедрение их в производство.

Все это дает свои положительные результаты. Ныне специализированные совхозы страны производят 30% товарного хлеба. Значительную часть яиц дают специализированные птицефабрики страны [9]. Эффективность работы агропромышленных предприятий и объединений высока. Еще в 1975 г. себестоимость продукции, полученной в межхозяйственных предприятиях и объединениях страны, была в 1,5 раза ниже, а производительность труда выше в 2,5—3 раза [10], чем в колхозах и совхозах.

Значительно повысилось качество сельскохозяйственной продукции. Средний сдаточный вес крупного рогатого скота, достигнутый, например, в Курганской области, равен 420 кг. По этому показателю область вышла на первое место в Российской Федерации. Только за счет повышения сдаточного веса скота за три года 10-й пятилетки область дополнительно получила более 50 тыс. тонн мяса, 73 млн. рублей, а за повышение качества молока — 4 млн. рублей. Несмотря на засуху в течение ряда лет, животноводство Курганской области стало рентабельным. Благодаря улучшению работы треста Птицепром среднегодовое производство птичьего мяса возросло по сравнению с 9-й пятилеткой в 1,6 раза и достигло в 1978 г. 11 тыс. тонн. Область досрочно выполнила общий объем трех лет пятилетки и 1978 года по закупкам всех видов продукции животноводства [11].

Путь межхозяйственной кооперации имеет не только местное, но и интернациональное значение. Он получил распространение и дальнейшее развитие в практике социалистических стран. В 1975 г. в странах СЭВ специализированными предприятиями произведено: товарной продукции свинины

[9] Иванов В. И., Копанев Г. И. Победа колхозного строя и аграрная политика Советского государства на современном этапе. М., 1977, с. 40.

[10] Политическое самообразование, 1976, № 9, с. 27.

[11] Советское Зауралье, 1979, 19 янв.

от 15 до 30%, яиц и мяса — более половины, откормлено крупного рогатого скота до 20% [12].

Таким образом, новые формы организации общественного производства в сельском хозяйстве имеют значительные преимущества экономического характера.

Вместе с этим агропромышленные предприятия и объединения приводят к изменению социальной структуры села, профессионально-квалификационной структуры работающих, совершенствованию сельского расселения, повышению культуры, улучшению благоустройства сел. Дальнейшее развитие агропромышленных комплексов изменяет социальный облик сельского населения, создает условия для возникновения социально-однородного общества.

Главное направление изменений социальной структуры советского общества состоит в дальнейшем сближении всех классов, социальных групп, слоев, условий труда и быта, их культурно-технического уровня, сплочении союза рабочего класса и колхозного крестьянства, всех тружеников города и деревни.

Примечательной чертой социальной структуры деревни является динамика социально-классовой структуры сельского населения. Ныне социалистическая деревня не чисто сельскохозяйственная, но и не крестьянская, что подтверждается социальными сдвигами в составе сельскохозяйственных тружеников. Они включают в себя аграрных рабочих, в основном рабочих совхозов, колхозное крестьянство, сельскохозяйственную интеллигенцию. Сельское население имеет одинаковый тип с городским населением по классовому характеру, развивается в том же направлении, что и городское население, в направлении к социально-однородному обществу.

В результате важные внутриклассовые изменения в количественном и качественном росте аграрного отряда рабочего класса, уменьшении класса колхозного крестьянства, быстром росте индустриально-механизаторских кадров. В 1976 г. сельское населения СССР составляло 38% ко всему населению страны против 60% в 1950 г. и 44% в 1970 г.[13]. Рабочий класс как по численности, так и по доле в занятом сельском населении стал самым представительным. Для такой республики, как Казахстан, 1970 год явился социальным рубежом: на 1/3 уве-

---

[12] Иванов В. И., Копанев Г. И. Указ. соч., с. 59.

[13] Семин С. И. Социально-экономическое развитие советской деревни. М., 1978, с. 29.

личилась доля удельного веса рабочих среди сельских жителей, а доля колхозников сократилась с 1959 г. почти в 4 раза среди занятого населения [14]. В СССР действует закономерность возрастания численности работников совхоза. В 1956 г. работников совхозов было 9,1 млн. чел., а к 1975 г.— 10,8 млн.[15].

Формирование аграрного отряда рабочего класса происходило путем преобразования части колхозов в совхозы, создания новых совхозов, освоения целинных земель, переселенческой политики партии, политики партии и государства по значительному улучшению материального благосостояния сельскохозяйственных тружеников.

Социальная структура класса колхозного крестьянства также сложна и динамична, что отвечает требованиям агропромышленной интеграции. В классовом составе населения страны доля колхозного крестьянства и кооперированных кустарей резко уменьшилась — в 1969 г. крестьянство и кустари составляли 31,4% от общего населения страны, в 1970 г. — только 20,5%, а в 1975 г. — 17,1% [16]. В 1970 году колхозники составляли 39,3% от числа работающего сельского населения. За 1959—1975 гг. доля колхозного крестьянства сократилась примерно в 2 раза в занятом сельском населении [17].

Центральной фигурой сельскохозяйственного производства на этапе развитого социализма стал механизатор. Именно механизатор и другой сельскохозяйственный рабочий индустриального труда приближается по характеру труда к промышленному рабочему. Ныне пятую часть всех занятых в сельскохозяйственном производстве составляют механизаторы [18]. Их численность в целом по стране равна половине всех занятых рабочих и колхозников [19]. Рост удельного веса работников индустриального труда связывается не только с количественными изменениями, но и с качественным ростом — расширением круга новых специальностей, профессий. Появились механизаторы-животноводы, операторы, рабочие в кормоцехах, механики, телеоператоры, программисты, инженеры-диспетчеры.

---

[14] Капесов Н. К. Указ. соч., с. 61.
[15] Народное хозяйство в СССР в 1974 г. М., 1975, с. 448.
[16] СССР в цифрах в 1975 г. М., 1976, с. 15, 134, 137.
[17] Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976, с. 73.
[18] Иванов В. И., Копанев Г. И. Указ. соч., с. 51.
[19] Капесов Н. К. Указ. соч., с. 30.

Увеличивается также удельный вес и численность сельскохозяйственной интеллигенции. Особенно это характерно для восьмой и девятой пятилеток. Специалистов в сельском хозяйстве трудится в 2,5 раза больше, чем в начале 60-х годов. Специалистов и служащих, включая колхозных, в настоящее время около 19% во всем занятом сельском населении[20]. В среднем в каждом хозяйстве страны число дипломированных специалистов достигло цифры 22[21]. Девять десятых специалистов заняты в государственном секторе[22]. В колхозах каждый десятый колхозник — специалист или служащий-неспециалист[23]. Можно сделать вывод, что и колхоз и совхоз ныне располагают примерно равной, динамичной структурой специалистов.

На агропромышленных предприятиях, объединениях сосредоточиваются большие силы квалифицированных, опытных и образованных рабочих, инженерно-технических работников, организаторов управления. Именно благодаря АПК наблюдается рождение нового социального типа труженика сельского хозяйства — агропромышленного рабочего, рост которого идет быстрыми темпами. В животноводческих комплексах все больше работает людей со средним специальным образованием. Их труд носит индустриально-аграрный характер. Агропромышленная интеграция создает возможности для дальнейшего разделения труда по профессиям. Появляются «крестьяне-рабочие», «крестьяне-служащие», т. е. наблюдается процесс формирования пограничного слоя «крестьян-интеллигентов». Растет слой «рабочих-интеллигентов». Аграрный отряд рабочего класса по месту и роли в системе общественного производства, тенденциям развития агропромышленной интеграции является ведущей социальной силой в сельскохозяйственном производстве. Колхозное крестьянство все более сближается с рабочим классом. Работники агропромышленных комплексов приобретают смежные профессии, что позволяет ликвидировать сезонность в их работе. По ряду важнейших параметров производственная сельскохозяйственная интеллигенция сближается с передовыми слоями рабочего класса. Изменяется также образ жизни тружеников сельскохозяйственного производства, деятельность которых

---

[20] Староверов В. И. Указ. соч., с. 73.
[21] Иванов В. И., Копанев Г. И. Указ. соч., с. 51.
[22] Капесов Н. К. Указ. соч., с. 5.
[23] Староверов В. И. Указ. соч., с. 3.

все более обогащается творческими элементами. АПК служит определяющим фактором роста потребностей в образовании, повышении квалификации, культуры.

Уровень образования находится в тесной связи с возрастными изменениями сельскохозяйственных тружеников. Отметим лишь, что, помимо высокого процента старших возрастных групп в составе сельского населения, одновременно растет группа молодых работников в возрасте до 20 лет. Среди рабочих совхозов высокий процент составили лица от 20 до 29 лет. Среди механизаторов и трактористов 29,6% лиц представителей этой группы. Наиболее квалифицированные рабочие находятся в группе с возрастом 35—49 лет [24].

Аграрно-промышленные предприятия и объединения способствуют качественному улучшению состава партийных, советских, хозяйственных и других организаций, стиля и методов их работы, воспитания. К руководству производством и партийными организациями все больше приходит специалистов сельского хозяйства. В 1967 г. 68% председателей колхозов Курганской области были специалистами сельского хозяйства [25]. Все секретари парткомов, партбюро, первичных партийных организаций межхозяйственных объединений, специализированных хозяйств области имеют высшее и среднее образование [26]. В стране 97,7% директоров совхозов и 90,9% председателей колхозов теперь специалисты [27].

Важнейшим следствием использования новых форм организации сельскохозяйственного производства является улучшение условий для приобщения молодежи к сельскохозяйственному труду. Сейчас в АПК, предприятиях и объединениях немало трудится молодежи из городов, после окончания профессионально-технических училищ. Ранее сезонность занятости работников в сельском хозяйстве приводила к уходу молодежи из села, к «старению» сельского населения. Теперь иное дело.

Специализация сельскохозяйственного труда в процессе его индустриализации становится важным фактором закрепления молодежи на селе. Особое значение в этом имеет сельская школа.

Л. И. Брежнев, выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, дал высокую оценку почину выпускников школ Костромской обла-

[24] Капесов Н. К. Указ. соч., с. 85.
[25] Советское Зауралье, 1968, 16 фев.
[26] Там же, 1979, 19 янв.
[27] Староверов В. И. Указ. соч., с. 102.

сти. Они изъявили желание остаться в родном селе. Данный почин нашел горячую поддержку и отклик в сердцах многих сельских юношей и девушек. Только за два последних года в сельское хозяйство страны пришло 550 тыс. молодых людей с аттестатом о среднем образовании. В Курганской области в 1978 г. осталось на селе 3000 выпускников средних школ. Летом в хозяйствах области работала 301 ученическая производственная бригада, 36 школьных лесничеств. В 133 лагерях труда и отдыха трудились 64 тыс. школьников. Многие воспитанники ученических производственных бригад наследуют профессии своих родителей. Два сына А. И. Махнева, механизатора совхоза «Половинский», овладели профессией механизатора еще в школе и ныне работают на совхозных полях. Следуя примеру Г. М. Третьяковой, пришла работать в животноводство ее дочь — ныне молодая доярка колхоза имени Свердлова Далматовского района. За короткое время она стала одной из лучших доярок в районе. Такие патриотические движения выпускников средних школ и молодежи села приобретают важное значение в связи с программой дальнейшего развития сельского хозяйства страны, определенной июльским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС.

В агропромышленной интеграции все более укрепляется централизованное плановое начало, упрочиваются и развиваются ленинские принципы руководства, демократические основы управления сельским хозяйством. Возрастает роль и значение первичных партийных организаций, которые действуют сейчас во всех колхозах и совхозах страны, агропромышленных предприятиях и объединениях. В период развитого социализма улучшился качественный состав сельских коммунистов, членов выборных партийных органов, их руководителей. На месте создаются временные партийные и партийно-комсомольские группы, депутатские посты. Повышена общественная значимость профсоюзов, Ленинского комсомола, органов народного контроля, различных самодеятельных общественных организаций. Среди народных контролеров увеличилось число рабочих женщин, больше стало коммунистов и комсомольцев.

Концентрация и специализация сельскохозяйственного производства потребовали создания специфических органов управления — генерального директора, председателя, совета директоров, совета объединения, совета секретарей парторганизаций, собрания уполномоченных. Опыт работы совета директоров в ряде районов Украинской и Молдавской ССР показывает, что этот общественный орган оказывает сущест-

венную помощь в управлении территориальными административно-экономическими единицами [28].

Как мы уже отмечали, одним из важнейших социально-экономических последствий агропромышленной интеграции являются перестройка сельского расселения, улучшение культурно-бытовых условий жизни сельскохозяйственных тружеников. Агропромышленные предприятия и объединения вызывают необходимость создания поселков городского типа, способствуют повышению жизненного уровня сельского населения. Преимущественное развитие получают крупные села. В Новоаненском районе Молдавской ССР 31 крупный населенный пункт. 15 мелких сел с населением до 50 чел. планируется оселить. Укрепление экономики хозяйств, укрупнение сел уменьшает миграцию, текучесть кадров. В совхоз-завод «Нистру», укрепивший свою экономику, в 1974 г. вернулось более 120 чел., в совхоз-завод имени Фрунзе (этого же района) возвратилось с промышленных предприятий и строительных организаций около 200 чел. [29]

Как отмечалось на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС, необходимо и впредь вести работу по специализации, концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. По-прежнему острой остается проблема текучести сельского населения, кадров сельскохозяйственных профессий. Медленно устраняются недостатки в стиле и методах работы. Основным направлением развития сельскохозяйственного производства остается его интенсификация.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что деятельность агропромышленных предприятий, объединений, аграрно-промышленное кооперирование способствуют сближению социальных структур, типов населения, характера и содержания трудовой деятельности, развивают общие параметры советского социалистического образа жизни, ставят сельскохозяйственных тружеников в новое социальное положение. Аграрно-промышленные рабочие сближаются с промышленным ядром рабочего класса. Индустриализация сельскохозяйственного производства способствует социально-экономическому преобразованию производительных сил, развитию промышленности на селе, изменению облика села, расширению возможностей

---

[28] Мельник В. С. Агропромышленная интеграция и социальное планирование. М., 1978, с. 40—41.

[29] Там же, с. 81, 98.

для устранения различий между городом и деревней, повышению активизации тружеников села, совершенствованию их личности, что позволяет достичь важного результата на пути развития нашего общества к социальной однородности.

Т. Е. КОМОГОРЦЕВА

Новосибирск

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ РАБОТНИКОВ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ И ПОВЫШЕНИЕ ИХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В плане изучения демографических процессов большой интерес представляют изменения, происходящие в численности и составе рабочих кадров легкой индустрии Омской области, а также их трудовая активность по развитию производства, поскольку производство является не только материально-технической базой, но и основой роста численности населения и повышения его материального благосостояния.

На современном этапе партия уделяет особое внимание всемерному развитию отраслей, которые производят предметы народного потребления. Л. И. Брежнев на ноябрьском (1978) Пленуме ЦК КПСС отмечал: «Одной из ключевых народнохозяйственных задач остается увеличение производства, расширение ассортимента и повышение качества народного потребления» [1]. Далее в своем выступлении Л. И. Брежнев подчеркнул: «...Весь ход экономического развития вновь и вновь подтверждает, что отвечающая современным требованиям группа «Б» — важное условие эффективной работы экономики в целом, улучшения материального стимулирования» [2].

Успешное осуществление поставленных партией задач во многом зависит от работников, занятых в этой отрасли. В легкой индустрии Омской области занят крупный отряд рабочего класса, который в период развитого социализма постоянно продолжает расти количественно и изменяться качественно.

Изучение данной темы затрудняется тем, что статистические материалы о численности работников легкой промыш-

[1] Коммунист, 1978, № 17, с. 11.
[2] Там же, с. 12.

ленности не публикуются. Если при изучении демографических процессов историки имеют возможность пользоваться материалами Всесоюзных переписей населения, то при исследовании отраслевых отрядов рабочего класса приходится обращаться прежде всего к архивному материалу.

Автор статьи ставит своей задачей рассмотреть качественные изменения, происшедшие в составе работников легкой промышленности, и вопросы их производственной деятельности на материалах Государственного архива Омской области.

Важным показателем качественного роста служит подъем культурно-технического уровня рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Работники легкой промышленности Омской области продолжали повышать свои знания путем обучения в вечерних школах рабочей молодежи, на вечерних и заочных факультетах высших и средних учебных заведений. В 1960 г. на предприятиях данной отрасли всего работало 10 742 работника, из которых более тысячи человек учились, в том числе: в высших учебных заведениях — 185 чел., в средних специальных — 170, в школах рабочей молодежи — 557, на подготовительных курсах для поступления в вузы — 81 работник[3].

В 1975/76 учебном году в вечерних (сменных) общеобразовательных школах Омской области обучалось 55,8 тысяч учащихся[4], среди которых значительную часть составляли рабочие с предприятий легкой индустрии. В годы восьмой пятилетки заметно выросло количество инженерно-технических работников с высшим и средним специальным образованием. Так, если в 1966 г. на предприятиях местной промышленности данной отрасли работало 169 инженерно-технических работников (из них шесть человек с высшим образованием и 26 со средним специальным), то в 1970 г. здесь было занято 194 инженерно-технических работника, из которых высшее образование имел 21 человек, а среднее специальное — 35[5].

Однако несмотря на эти положительные результаты, на заводах и фабриках местной промышленности легкой индустрии процент инженерно-технических работников с высшим

---

[3] ГААО, ф. 2122, оп. 2, д. 3182, св. 386, лл. 43, 45.

[4] Народное хозяйство СССР, РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976, с. 447.

[5] ГААО, ф. 1844, оп. 1, д. 372, св. 41, л. 66; там же, д. 616, св. 64, л. 4 об.

и средним специальным образованием оставался еще низким: в 1970 г. из общего числа инженерно-технических работников высшее и среднее специальное образование имели только 30%, а остальные 70% являлись практиками.

Другим направлением подъема культурно-технического уровня рабочего класса в изучаемый период было повышение квалификации непосредственно на предприятиях. Наиболее распространенными формами повышения квалификации рабочих являлись производственно-технические курсы, курсы целевого назначения, школы по изучению передового опыта, мастеров коммунистического труда, народные университеты технического прогресса, обучение вторым профессиям.

В 1959 г. в целом на предприятиях управления легкой промышленности Омского Совнархоза производственно-техническое обучение прошли 865 чел., вторые профессии получили 323 работника, в кружках целевого назначения и по изучению передовых методов труда обучалось 535 чел.. 171 рабочий подготовлен индивидуальным обучением [6].

Особенно большое значение придавали учебе и повышению квалификации ударники коммунистического труда. В 1959 г. на предприятиях легкой индустрии Омской области в социалистическое соревнование за получение звания ударника коммунистического труда включилось 427 бригад, насчитывавших 5876 рабочих. 16 бригадам в этом году было присвоено звание бригад коммунистического труда. Из общего числа членов бригад коммунистического труда учились: в школах рабочей молодежи 40 чел., в техникумах — 28, в институтах — 14, на курсах повышения квалификации — 114, освоили по две и более профессии — 254 рабочих [7].

В исследуемый период широкое распространение получили школы по изучению передовых методов труда и коммунистического труда.

В 1959 г. на Омской обувной фабрике № 1 было создано 26 школ по передаче передовых методов труда, в которых обучалось 72 работника [8].

В отчетном докладе обкома профсоюзов рабочих текстильной и легкой промышленности десятой отчетно-выборной конференции в декабре 1971 г. отмечалось, что на предприятиях работало 43 школы коммунистического труда, в кото-

---

[6] Там же, ф. 2145, оп. 1, д. 115, св. 10, л. 279.
[7] Там же, л. 278.
[8] Там же, ф. 2122, оп. 2, д. 2757, св. 370, л. 70.

рых занималось 840 чел., в том числе 312 ударников коммунистического труда. Только на текстильно-производственном объединении «Восток» было создано 15 таких школ, работой которых руководил специальный методический совет. Руководители школ имели высшее и среднее техническое образование, а 13 чел. являлись членами КПСС[9]. Эти школы превратились в важнейшее средство идейного воспитания и передачи передового опыта.

Техническая учеба кадров положительно сказывается на улучшении качества выпускаемой продукции, повышении производительности труда и на улучшении других производственных показателей. Повышение культурно-технического уровня работников легкой промышленности способствовало росту их производственной и общественно-политической активности.

Производственная активность работников легкой индустрии Омской области в период развитого социализма нашла яркое выражение в развитии социалистического соревнования. Труженики данной отрасли, руководствуясь решениями партии, широко развернули социалистическое соревнование за повышение производительности труда, улучшение качества продукции, за успешное и досрочное выполнение годовых и пятилетних производственных планов, за коммунистическое отношение к труду, за достойную встречу партийных и комсомольских съездов.

Широкий размах приобрело социалистическое соревнование в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Работники текстильно-производственного объединения «Восток» поддержали почин текстильщиков хлопчатобумажной фабрики имени М. В. Фрунзе — в день юбилея В. И. Ленина работать на сэкономленном сырье. Омские ткачи решили сэкономить 100 тонн хлопка и 45 тонн пряжи, что дало возможность работать в течение трех дней на сбереженном сырье и выработать дополнительно 82 тонны пряжи и 63 тыс. метров тканей[10]. За высокие производственные успехи, достигнутые в этом социалистическом соревновании, коллектив текстильно-производственного объединения «Восток» был награжден Ленинской юбилейной Почетной грамотой. За успешное выполнение заданий восьмой пятилетки 153 лучших производственника этого объединения были отмечены правительственными наградами, а бригадир съемщиц А. И. Луцкович была

[9] Там же, ф. 2145, оп. 1, д. 219, св. 26, л. 78.
[10] Там же, ф. 2087, оп. 1, д. 117, св. 11, л. 13.

удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда [11].

Досрочно выполнили свои обязательства в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и другие предприятия данной отрасли. Так, фабрике «Ковровые изделия» четыре раза присуждалось призовое место с вручением Красного знамени исполкома областного Совета и облсовпрофа. В честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина коллектив данного предприятия был награжден Ленинской юбилейной Почетной грамотой [12].

В юбилейный 1970 год предприятиями легкой промышленности было выработано сверх плана швейных изделий на 253 тыс. руб., кожаной обуви — 30 тыс. пар [13].

Самой массовой и высшей формой социалистического соревнования в изучаемый период стало движение за коммунистическое отношение к труду. Работники легкой промышленности Омской области активно включились в это движение и достигли значительных успехов. В 1965 г. в движении за коммунистическое отношение к труду на фабриках и заводах данной отрасли участвовало 606 бригад, в которых трудилось 9074 работника. 7645 рабочих, инженерно-технических работников и служащих соревновались за звание ударника коммунистического труда. Это звание было присвоено 3114 передовикам производства, 205 коллективам присвоено звание коммунистических.

На текстильно-производственном объединении «Восток», суконной фабрике имени С. М. Кирова, обувной фабрике «40 лет Октября», Омской трикотажной фабрике и швейной фабрике № 6 каждый второй работающий являлся участником движения за коммунистическое отношение к труду [14].

В 1971 г. в соревновании за коммунистическое отношение к труду участвовало уже 129 цехов и участков, 640 бригад, 12 863 рабочих и служащих, что в 1,7 раза больше, чем в 1965 г. Этого звания добились 5544 труженика предприятия, 211 бригад и участков [15].

Движение за коммунистическое отношение к труду включило в себя все лучшее, что было выработано в предшествующие периоды в развитии социалистического соревнования. Эта форма соревнования оказывала влияние на все об-

[11] Там же, ф. 2145, оп. 1, д. 219, св. 26, л. 66.
[12] Там же, ф. 1844, оп. 1, д. 607, св. 62, л. 5.
[13] Там же, ф. 2100, оп. 1, д. 209, св. 41, л. 68.
[14] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 194, св. 21, л. 36.
[15] Там же, ф. 2145, оп. 1, д. 219, св. 26, л. 71.

ласти общественной жизни: на производство, общественные отношения, на человеческую личность, на образ жизни.

В результате успехов, достигнутых в социалистическом соревновании, коллективы предприятий легкой промышленности из года в год добивались высоких производственных показателей. Так, если в 1959—1965 гг. рост производства предметов потребления составил лишь 11,5% в целом по области [16], то в годы восьмой пятилетки темпы роста отраслей промышленности, производящей товары народного потребления, значительно возросли: в 1966—1970 гг. среднегодовые темпы прироста продукции легкой промышленности составили 2,4%, а в годы 9-й пятилетки — уже 15% [17].

Вместе с тем необходимо отметить, что развитию социалистического соревнования в исследуемый период присущи и недостатки. Во-первых, не все профсоюзные комитеты уделяли должное внимание организации социалистического соревнования, подведению его итогов. Так, на обувной фабрике «40 лет Октября» в 1971 г. итоги соревнования не подводились четыре месяца, не заполнялись личные обязательства. Во-вторых, отдельные руководители предприятий ослабляли требовательность к подтверждению и присвоению звания «Ударник коммунистического труда». В-третьих, на ряде предприятий принижалось значение моральных стимулов. Так, на овчинно-меховой фабрике, обувной фабрике № 1, обувной фабрике «40 лет Октября» нерегулярно заполнялась Книга Почета [18]. В-четвертых, не уделялось должного внимания гласности соревнования. В-пятых, на ряде предприятий легкой промышленности Омской области не был изжит поверхностный, формальный подход к разработке и принятию обязательств.

Недостатки и упущения в организации соцсоревнования со стороны фабрично-заводских местных комитетов и руководителей предприятий привели к тому, что некоторые предприятия не выполнили государственные производственные планы. Так, за 11 месяцев 1971 г. не выполнили план по реализации продукции обувная фабрика «40 лет Октября», швейная фирма «Большевичка», кожевенный завод. Коллективами этих предприятий было недодано продукции на 1291 тыс. рублей [19].

[16] Там же, ф. 2120, оп. 1, д. 165, св. 34, л. 85.
[17] Там же, ф. 2100, оп. 1, д. 201, св. 41, л. 65.
[18] Там же, ф. 2145, оп. 1, д. 219, св. 26, лл. 75, 76.
[19] Там же, л. 76.

На ряде предприятий легкой промышленности Омской области не были полностью изжиты нарушения трудовой дисциплины. Имели место прогулы, опоздания, появления на работе в нетрезвом виде, что вело к потере рабочего времени, увеличению текучести кадров, снижению качества выпускаемой продукции. Так, только в первом полугодии 1971 г. в коллективах легкой индустрии прогулы совершили 600 чел. На швейной фирме «Большевичка» за девять месяцев 1971 г. зарегистрирован 171 случай опозданий, а прогулы совершили 247 чел. [20].

Несмотря на некоторые недостатки, в Омской области социалистическое соревнование получило большое развитие, о чем свидетельствует количественный рост соревнующихся и новое качественное содержание массовости, выраженное многообразием индивидуальных и коллективных форм соревнования.

Таким образом, изучение документальных материалов показывает, что в условиях развитого социализма Омской области продолжала развиваться легкая промышленность, увеличивался отряд рабочего класса, занятый в данной области. Характерными чертами этого отряда являлись качественный рост и повышение производственной активности. Работники легкой промышленности области все более активно участвовали в выполнении главной экономической задачи — неуклонного повышения материального благосостояния населения и тем самым принимали непосредственное участие в положительном осуществлении демографических процессов — закрепления кадров и увеличения численности населения области.

---

[20] Там же, лл. 86—87.

Г. А. КАЙГОРОДОВ

Омск.

КРЕСТЬЯНСКИЙ РОДОВОЙ УЗЕЛ

(По материалам старожильческой деревни Западной Сибири)

Деревня Зубкова, выбранная для нашего обозрения, входила в состав бывшей Устьницинской волости Тюменского уезда (до 1786 года Тобольского уезда) Тобольской губернии и являлась вотчиной Софийского монастыря до 1764 года. С 1764 года жители деревни, как и других деревень этой волости, стали «экономическими крестьянами».

Известно, что Устьницинская слобода основана, как поселение, первым сибирским митрополитом Киприаном в 1621 году. Первыми ее поселенцами были 8 новгородских бобыльков с семьями, оставленные митрополитом на этой земле в апреле 1621 года.

В 1764 году в составе Устьницинской волости было 22 деревни. К 1795 году население этих деревень составляло 1802 души мужского пола.

Население деревни Зубковой нами рассмотрено по материалам ревизских сказок 1782, 1812, 1834, 1850, 1858 годов, хранящимися в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области, и по I Всеобщей переписи населения 1897 года.

По ревизии 1782 года крестьянский узел деревни составляли фамильные гнезда, носившие фамилии: Зубков — 2 семьи, Любякин — 2 семьи, Асламин — 3 семьи, Серебренников — 3 семьи, Сарычев — 1 семья. Всего 11 семей, 45 душ мужского пола.

В 1897 году по I Всеобщей переписи населения в этой деревне зафиксировано 65 семей, ведущих свое хозяйство и носящих эти же фамилии с населением 146 душ мужского пола.

Первопоселенцем деревни является Зубков, давший деревне имя. Все другие прибыли в эти места позднее. Если Зубковы твердо осели на земле, то одна семья Любякиных,

как указано в ревизской сказке 1782 года, переселилась «поблизости хлебопашества оной же слободы в деревню Жирякову в 1763 году». Три семьи Серебренниковых и одна Сарычевых, наоборот, переехали из Устьницинской слободы для хлебопашества в деревню Зубкову. Здесь нами усматривается внутренняя миграция крестьянских семей и причину этого нельзя объяснить отсутствием свободных земель.

Материалы ревизий и I Всеобщей переписи населения 1897 года позволили проследить развитие этого родового крестьянского узла до конца XIX века. Это позволяет говорить о возможности составления генеалогических таблиц крестьянского населения Западной Сибири. Привлечение исповедных ведомостей, метрических книг, материалов ревизий 1719, 1744—1745, 1763 годов переписей тяглового населения (переписные книги) и переписей населения после победы Великой Октябрьской социалистической революции позволит установить места выхода населения для поселения в Западную Сибирь, время основания каждого поселения, развитие крестьянского рода, характер образования крестьянских фамильных гнезд и развития их в крестьянские родовые узлы, брачные связи укажут тяготение вновь образующихся поселений к сохранению старых знакомств или землячества с жителями ранее основанных поселений.

Генеалогические исследования позволяют установить, как те или иные акты феодального государства оказывали воздействие на развитие крестьянской семьи. Маломощное крестьянское хозяйство как чуткий барометр воспринимало эти меры.

Так, рекрутский набор, уведший в армию хозяина, приводил к полному ее вымиранию. Здесь приведены лишь немногие примеры, дающие наглядное представление о важности генеалогического изучения крестьянской семьи. Рассмотрение населения в генеалогических аспектах в пределах волости, уезда даст богатейший материал исследователю по истории крестьянства Западной Сибири. Материалы Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области позволяют это осуществить. Наш долг перед будущими поколениями советских людей — это выполнить.

П. Т. СИГУТОВ, В. С. ЯКУБЕНКО

Омск

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Ретроспективная оценка демографических явлений пос
ледних десятилетий позволяет вскрыть значительные пере
мены в воспроизводстве населения и выявить его тенденци
для практических потребностей.

За советский период интенсивность демографических про
цессов сельского населения области характеризуется суще
ственной изменчивостью: рождаемость по сравнению с 191
годом сократилась в три раза и почти в четыре раза — смер
тность, причем резкое уменьшение рождаемости (наполови
ну) и смертности произошло в 60-е годы. Естественный при
рост 1913 г. составлял 20,2 промилле и слагался из 51,4 ро
дившихся и 31,2 умерших на 1000 сельских жителей област
в современных границах.

В последующие годы эти показатели имели взлеты и па
дения, однако с постоянной тенденцией снижения. Увеличе
ние естественного прироста в 20-е годы вызвано резки
сокращением общей и особенно детской смертности при сох
ранении высокой рождаемости, когда последняя опережал
общесоюзный коэффициент более, чем на 5%. Такое воспро
изводство, на наш взгляд, вызвано инертностью демографи
ческих процессов, а также более молодым составом перес
ленческого населения, повышенной долей женщин в возраст
16—49 лет (44,5%). Изменение социально-экономически
условий жизни населения в первые годы Советской власт
не могло не оказать влияния на течение демографически
процессов. Обследования, проводимые в 20-е годы, свид
тельствуют о снижении смертности в связи с улучшением м
дицинского обслуживания.

В конце 30-х годов рождаемость снизилась примерно д
40 промилле. Демографическая ситуация довоенного период
ощутимо отразилась на росте сельского населения. Так, в т

чение 1926—1940 гг. естественный прирост в среднем составил 28,2‰. При таком уровне прироста сельское население области должно было увеличиться примерно на 340 тыс. чел. или на 36,4%. Фактически оно возросло только на 15,2%, то есть большую часть естественного прироста (без малого 200 тыс.) поглотила миграция.

Масштабы такого воспроизводства населения области тех лет начинают оказывать определенное влияние на формирование трудовых ресурсов других областей страны. Подобная тенденция оттока населения сохраняется и в последующие десятилетия.

В 50-е годы рождаемость еще имела сравнительно устойчивый характер и колебалась в пределах 32—39 промилле.

Наблюдаемый в эти годы рост уровня естественного прироста вызван резким сокращением смертности с 12,3 до 7,2 промилле. Особенно сильно сократилась детская смертность до года: с 207 чел. в 1940 году до 99 — в 1950 году. Позднее, вследствие роста материального благосостояния, улучшения жизненных условий и медицинского обслуживания детская смертность в сельской местности повсеместно была сведена до уровня среднесоюзного показателя. Поскольку общая смертность в течение 60-х годов приобрела стабильный характер (7—8 промилле), естественный прирост на селе определяется в основном рождаемостью. В 70-х годах в условиях общего постарения населения несколько повышается коэффициент смертности, прослеживается снижение естественного прироста на одну-две промилле.

Наблюдаемое сокращение естественного прироста с 25,8 промилле в 1960 году до 8,4 промилле в 1970 году (в три раза!) связано, во-первых, с тем, что в возраст наивысшей рождаемости стали входить малочисленные годовые группы женщин рождения 1941—1945 гг. Во-вторых, снизилась абсолютно и относительно численность детородного контингента женщин (15—49 лет). По сравнению с 1959 годом она снизилась к 1970 году в 1,6 раза, а удельный вес с 47,9 до 34,7%. Причем численность наиболее плодовитых возрастов 20—29 лет уменьшилась в 2,3 раза, удельный вес их в детородном возрасте сократился с 34,1 до 23,3% (по стране — 24,4%). Снижение доли этих возрастов связано как с естественной подвижкой возрастов, так и с интенсивной их миграцией. В-третьих, усилилось вовлечение женщин в общественное производство без создания условий, сокращающих затраты времени в домашнем хозяйстве.

Перечисленные причины вызвали целую цепочку взаимосвязанных явлений: снижается брачность, рождаемость и т. д. В течение 1955—1959 гг. коэффициент брачности на селе держался в среднем на уровне 109 промилле, а позднее 1966—1967 гг. понизился до 7,0 промилле.

Коэффициент рождаемости сельского населения области, бывший на протяжении многих лет впереди союзного, начиная с 1965 года, стал отставать. В 1960 году уровень рождаемости в стране был 20,8 промилле, в области — 19,7 промилле, а далее в 1967—19,8 и 18,1, в 1968 году — 19,5 и 17,1, в 1969 и 1970 годах 18,7—16,5 и 18,7—16,6 промилле соответственно (Народное хозяйство СССР, 1971 г.).

При условии смягчения интенсивности миграции сельского населения эта тенденция, по-видимому, к началу 80-х годов будет преодолена. В фертильный возраст войдет более многочисленное поколение послевоенных лет рождения и это позволит на некоторое время перекрыть факторы, вызвавшие современное сокращение рождаемости.

По уровню рождаемости сельское население заметно опережает городское, несмотря на то, что удельный вес женщин рождающего контингента в городах области на 7,6% выше, чем на селе (по данным 1970 года). В течение 60-х годов уровень рождаемости на селе в среднем, по нашим расчетам, равнялся 20,8%, а в городах только 14,9 промилле.

Сложившаяся демографическая ситуация сельской местности в определенной мере компенсирует невысокий естественный прирост городского населения, пополняет его трудовые ресурсы.

Руководствуясь шкалой интенсивности воспроизводства населения, предложенной Б. Ц. Урланисом (1963 г.), Омскую область, по данным 1965—1969 гг., можно отнести к районам с низким уровнем рождаемости, между тем порайонные показатели рождаемости в области колеблются от очень низкого уровня (14 промилле в Муромцевском районе) до 25 промилле в Русско-Полянском районе.

Регионально-дифференцированный анализ рождаемости позволяет сгруппировать сельские районы области следующим образом: рождаемость: до 15 промилле имеют 2 района, 20 районов — интервал 16—21 промилле и 9 районов характеризуются средним уровнем рождаемости.

Колебание коэффициентов смертности по области заметно ниже — от 5,5 до 9,1‰. Вследствие этого уровень есте-

ственного прироста по районам в большей степени зависит от рождаемости.

Основные причины порайонного расхождения смертности связаны с возрастной структурой населения: чем выше доля старших возрастов в сельском населении, тем заметнее возрастает коэффициент смертности. Учитывая довольно уравновешенный уровень детской смертности, в большинстве сельских районов мы установили весьма тесную корреляцию (0,777) между удельным весом лиц старше 60 лет и коэффициентом общей смертности.

Факторы рождаемости на селе довольно многочисленны и по влиянию неравнозначны. Мы не ставили целью охватить все их многообразие и использовали лишь некоторые «слагаемые» рождаемости, которые при равных или близких к ним условиях отчетливо сказываются на уровне рождаемости.

Проведенный нами анализ некоторых материалов демографической статистики позволил установить тесноту связи между рождаемостью и составом населения по полу, возрасту и национальному составу. Так, степень прямой тесноты связи между уровнем рождаемости и долей молодых женщин 20—29 лет среди детородного возраста по районам области составила 0,695, а зависимость между рождаемостью и удельным весом женщины 15—49 лет имеет весьма слабовыраженную тесноту связи — 0,250.

Одной из причин территориальных различий уровня рождаемости на селе служат национальные традиции. Там, где доля нерусских национальностей (казахов, татар, немцев) в населении района больше, там при прочих равных условиях выше коэффициент рождаемости.

Выяснить влияние этого фактора непосредственно в чистом виде довольно сложно. При отсутствии публикацией в качестве доказательства воспользуемся косвенными данными. Средний размер русских семей, по данным переписи 1959 года, был ниже размера татарской семьи на 15%, казахской — на 28% и немецкой семьи — на 21%. Семьи этих национальностей более многолюдны. Достаточно сказать, что 85% семей, имеющих 10 и более детей, приходится на казахские, татарские, немецкие семьи села. По нашим подсчетам, зависимость уровня рождаемости районов от удельного веса этих национальностей в сельском населении имеет очень тесную корреляцию — 0,710. На примере отдельных районов области этнический фактор при прочих равных обстоятельст-

вах есть причина повышенной способности к деторождению — основы воспроизводства населения и его влияния нельзя недооценивать.

Удовлетворительная, обратная связь обнаружена между соотношением численности мужчин и женщин и уровнем рождаемости 0,593.

В районах, расположенных в восходящем порядке по уровню рождаемости, наблюдается уменьшение разрыва между числом мужчин и женщин, а следовательно, увеличивается процент замужних женщин, что, естественно, благоприятствует росту рождаемости.

Из сопоставления степени занятости сельских женщин фертильного возраста с уровнем их рождаемости особо видимой зависимости нам не удалось установить. Это мы объясняем тем, что более высокий процент незанятых женщин падает на возрасты низкой рождаемости.

Порайонные колебания коэффициента рождаемости сказываются на территориальных различиях естественного прироста населения. Учитывая эту особенность воспроизводства сельского населения, Омскую область можно подразделить на четыре группы районов.

1. Районы с благоприятным типом воспроизводства населения (Нововаршавский, Русско-Полянский, Одесский, Павлоградский, Шербакульский и др.). Эти районы имеют средний уровень рождаемости 21—25‰ — максимальный в области. Здесь самая низкая смертность — от 5,5 до 7‰.

Для этих районов характерен повышенный естественный прирост — 14—18‰; они отличаются также наименьшим разрывом численности мужчин и женщин (111—115 женщин на 100 мужчин) и благоприятной возрастной структурой: доля лиц старшего возраста (60 лет и более) в населении колеблется от 6,6 до 10%, а женщин в возрасте 20—29 лет среди 15—49-летних здесь 21,6% против 19,1 по области. На рождаемость населения этого типа районов существенное влияние оказывает этнический состав, его традиции и обычаи: удельный вес казахов и немцев колеблется от 20 до 40%.

2. Районы с относительно благоприятными показателями воспроизводства населения. Сюда мы отнесли районы: Называевский, Нижне-Омский, Исилькульский, Любинский. Эти районы близи к первому типу и имеют с ним сходство по ряду показателей, однако вследствие повышенной смертности (7,5—9,1‰) естественный прирост их снижается до 13—14‰.

3. Районы с низким уровнем воспроизводства (Тарский, Муромцевский, Крутинский, Омский, Больше-Укский, Саргатский, Большереченский). Основные демографические показатели этих районов заметно отличаются от районов 2 и особенно 1 типа и ниже среднеобластных, при очень низкой рождаемости 14—16 промилле и средней смертности 8 промилле. Такое положение можно объяснить неблагоприятной половозрастной структурой населения: здесь максимальный разрыв между численностью мужчин и женщин (на 100 мужчин приходится 120—124 женщины), относительно низкая доля 20—29-летних женщин — 16—18%. Высокий процент старших возрастов, доходящий в Муромцевском, Тарском, Крутинском районах до 12—15%, является основной причиной повышенной смертности (8,5—8,9‰). В районах рассматриваемого типа более однородный национальный состав населения, по преимуществу русских, доля прочих национальностей в среднем не превышает 9%.

Из других причин, оказывающих влияние на уровень рождаемости Тарского, Крутинского, Саргатского и Муромцевского районов, мы склонны считать также высокую интенсивность миграции. В результате сокращения молодых, способных к деторождению возрастов коэффициент рождаемости в названных районах снизился на 75% по сравнению с уровнем 1955—1959 гг., в это же время в районах 1 типа, где минимальная интенсивность миграции, подобное сокращение наполовину меньше. Различия в уровне рождаемости между лесными и степными районами не только уменьшились с 1959 года по 1970 год, но даже возросли на севере на 13,6%, на юге — на 8,0%.

4 тип пониженного воспроизводства населения объединяет прочие районы и по рассмотренным показателям воспроизводства населения занимает промежуточное положение между 2 и 3 типом. В районах данного типа рождаемость превышает смертность в 2,5 раза. Рождаемость, смертность и половозрастная структура приближаются к среднеобластным показателям, но стоят несколько ниже.

Таким образом, особенности воспроизводства населения по районам неодинаковы, менее половины районов (12 из 31) имеют тенденции, отвечающие современным потребностям хозяйства области, —это преимущественно группа южных районов. Остальные районы находятся в менее выгодном положении, их демографические процессы отклоняются от показателей прогрессивного воспроизводства населения.

Сохраняются ли эти различия, устойчивы ли они во времени?

Географическая контрастность демографической ситуации, наблюдаемая в области в течение последних десятилетий, сохраняется. На общем фоне сглаживания деформации половозрастной структуры, вызванной последствиями войны, неуклонного повышения жизненного уровня сельского населения прослеживаются порайонные различия в миграционной подвижности молодых возрастов, еще устойчивы этнические традиции воспроизводства населения и др. Под влиянием этих причин население южных районов имело стабильную рождаемость и естественный прирост в течение последних трех десятилетий, тогда как третья группа районов сохраняет тенденции, снижающие рождаемость и естественный прирост. Уточнение и выявление наблюдаемых тенденций требует организации специальных исследований всего многообразия причин, влияющих на порайонные различия естественного воспроизводства населения. Изучение этих проблем весьма актуально при разработке перспективного баланса трудовых ресурсов сельской местности.

А. А. ЕЛАГИНА

К НЕКОТОРЫМ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ МИГРАЦИИ ПО ТАЦИТУ

Миграции (от лат. migro — перемещаюсь, переселяюсь) населения на различных этапах истории человечества вызывались различными причинами и носили разнообразный характер. Миграции играли важную роль в заселении континентов и стран мира, в формировании состава их жителей еще с эпохи раннего неолита. Ранние миграции были связаны с определенными формами хозяйства, соответствовали низкому уровню производительных сил, сопровождались относительным перенаселением.

По определению К. Маркса, именно перенаселение вынуждало избыточное население «совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»[1]. В процессе разложения родоплеменного строя и зарождения классового общества на эти естественные причины наслаивались социальные (разорение части соплеменников). «Вынужденная эмиграция при рабовладельческом строе, вызывавшаяся относительным перенаселением, принимала форму основания колоний»[2]. Это было характерно для Рима, засвидетельствовано в римской историографии (например, у Тацита).

У римского историка Тацита нет специально работ, посвященных миграции населения Римской империи в I—II вв. н. э. Однако в своих исторических сочинениях: «История», «Анналы», «Жизнеописание Юлия Агриколы», «О происхождении германцев и местоположении Германии», «Диалог об ораторах» — прямо или косвенно касается вопросов, связанных непосредственно с изменением народонаселения по ко-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 8, с. 568.
[2] СИЭ, т. 9, Миграции, с. 420.

личественным и качественным характеристикам, т. е. вопросов, которые в современном понимании составляют предмет демографии. Демография — это слово греческого происхождения (от греч. δημοσ — народ и γραφω — пишу) — народонаселение, наука о народонаселении. Так, в произведениях Тацита можно найти данные о численности гражданского населения (граждан Рима) [3], географическом расположении, о составе населения по классам и общественным группам. Далее, много сведений о занятии людей, населяющих Римскую империю, о делении населения по полу и возрасту, о национальностях, языках, семейном состоянии, культурном уровне и т. д.

Постараемся рассмотреть эти вопросы более глубоко на примере хотя бы одного малого произведения Тацита «De origine et situ Germanorum» («О происхождении германцев и местоположении Германии»). Эта монография была написана Тацитом в 98 г. н. э. Интересен даже сам жанр, который избрал Тацит для своего повествования. На жанр произведения указывает само заглавие, выбор заглавия. Античные историки, рассказывая о малоизвестных странах и народах, их населяющих, часто сопровождали свое повествование географическими и этнографическими экскурсами: о «местоположении» страны и «происхождении» племен на основе тех источников, которые были им известны, на основании свидетельств той эпохи, в которой они жили. Описание путешествий по чужим землям и сведения о населяющих их народах — это один из наиболее ранних видов греческой литературной прозы. Эта историческая традиция известна еще со времен Геродота. Его «История» — первое крупное произведение греческой историографии, оно содержит целый ряд географо-этнографических экскурсов.

Позднее эта мысль Геродота — отца истории о тесной связи географии, этнографии и истории нашла горячего сторонника в лице философа и историка Посидония (ок. 135—51 гг. до н. э.). Его теории оказали большое влияние на греко-римскую мысль первых веков нашей эры. Римские историки этой эпохи, начиная с Саллюстия (86—35 гг. до н. э.), сопровождали свое изложение географо-этнографическими экскурсами. Этой традиции строго последовал и Тацит в своих малых произведениях.

---

[3] 5 млн. 984 072 гражданина. Tacitus. Annales, XI, 25.

Итак, «О происхождении германцев и местоположении Германии».

Тацит сначала дает географическое положение Германии: «Германия отделена от галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, от сарматов и даков — обоюдной боязнью и горами[4]; все прочие ее части охватывает Океан[5], омывающий обширные выступы суши и огромной протяженности острова[6] с некоторыми недавно узнанными нами народами и царями, которых нам открыла война»[7].

Далее, с точки зрения аспектов исторической демографии представляет интерес исследование Тацитом вопроса происхождения германцев, его доказательства. «Что же касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны»[8]. Правда, он допускает некоторое смешение германцев с другими народами и переселенцами, но считает этот факт незначительным.

Доказывая это положение, Тацит считает германцев «лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство»[9]. Римский историк, ставя и по-своему решая проблему происхождения германцев, считает основным путем, который вел к смешению народов, морской, совершенно упуская миграции по суше. В доказательство этого положения Тацит писал: «...в былое время старавшиеся сменить места обитания передвигались не сухим путем, но на судах». Это, по Тациту, одна из причин несмешивания германцев с другими народами (доказательство исконности происхождения германцев). Вторую причину несмешивания германцев с другими народами Тацит видит в опасности плавания по Океану: «...безбрежный и к тому же, я бы сказал, исполненный враждебности океан редко посещается кораблями из нашего мира. Да и кто, не говоря уже об опасности плавания по грозному и неизвестному морю, покинув Азию, или Африку, или Италию, стал бы устремляться в Германию с ее неприютной землей и суровым небом, безра-

[4] Т. е. Карпатами.

[5] У Тацита были ограниченные географические познания. Так, здесь под Океаном Тацит подразумевает Северное и Балтийское моря, т. к. Скандинавский п-ов вплоть до XI в. считали островом.

[6] Т. е. Ютландский п-ов и Скандинавия.

[7] Вероятно, Тацит имеет в виду поход Тиберия в 5 г. н. э. Тиберий дошел до берегов нынешнего Каттегата. Tacitus. Germania, 1.

[8] Tacitus. Germania, 2.

[9] Ibidem.

достную для обитания и для взора, кроме тех, кому она родина?».

Итак, Тацит выдвигает предположение о несмешивании германцев, основываясь на малой вероятности миграции по морю, но упускает при этом из виду непрерывные миграции по суше, которые в истории народонаселения приводили к неизбежному следствию — смешению народностей. Притом Тацит совершенно не обращает внимания на вопрос о возможности движения племен и народов с востока. Правда, говоря о Дунайской границе, он писал, что «Дунай, изливаясь с отлогой и постепенно повышающейся горной цепи Абнобы, протекает по землям многих народов», но, видимо, считает, что смешение с этими многими народами было невозможно в силу полноводности Дуная и других рек, опасности плавания по полноводным рекам. Интересно в этой связи и толкование Гацитом происхождения слова «Германия». В объяснении этого термина он использовал своеобразный материал — древние песнопения, считая его основным источником познания былого («...германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы»). Эти древние германские песнопения славят бога Туистона, порожденного землей, его сына Манна — прародителя и праотца германского народа, у которого было 3 сына: Ингевон, Гермион, Истевон. По именам этих сыновей обитающие близ «Океана» называются ингевонами, посредине — гермионами, все прочие — истевонами.

Тацит критически относился к этому виду источника, указывая: «...поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов». И Тацит называет таких, как марсы, гамбривии, свебы, вандилии, и что эти племена «подлинные и древние».

Плиний Старший («Естественная история», IV, 99—101) дает несколько иное деление германских племен. Он говорит: «Германские племена распадаются на 5 групп: 1) вандилиев, часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны; 2) ингвеонов, к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков; 3) истеонов, ближе всего живущих к Рейну и включающих в себя сигамбров; 4) живущих внутри страны гермионов, к которым относятся свебы,

[10] По-видимому, речь идет о надписях на кельтском языке.

гермундуры, хатты, херуски; 5) певкинов и бастарнов, которые граничат с вышеназванными даками».

Тацит использует это произведение Плиния Старшего при написании «Germaniae», но, видимо, в данном вопросе отдает предпочтение более давнему источнику — древним песнопениям германцев. Слово «Германия» Тацит считает для своего времени новым и дает следующее его объяснение: «...слово Германия — новое и недавно вошедшее в обиход, ибо те, кто первыми переправились через Рейн и прогнали галлов, ныне известные под именем тунгров, тогда прозывались германцами. Таким образом, делает вывод Тацит, наименование племени постепенно, возобладало и распространилось на весь народ: вначале все из страха обозначали его по имени победителей, а затем, после того как это название укоренилось, он и сам стал называть себя германцами». Вот такое толкование термина «Германия» дает Тацит.

Доказывая исконность происхождения германцев, он не отрицает миграцию. Даже говорит о движении народов задолго до его времени.

Историк приводит доказательства движения народов, в частности, греков. Тацит пишет: «...да и некоторые памятники и могилы с начертанными на них греческими письменами [10] и посейчас существуют на границах Германии с Рецией». Анализируемый автор очень осторожен в своей трактовке: «Я не собираюсь ни подкреплять доказательствами это суждение, ни утверждать обратное. Пусть каждый в меру своего разумения примет его на веру или отвергнет». Все же, несмотря на осторожность Тацита в изложении событий, он по вопросу происхождения германцев дает смело свое суждение: «Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто полагает, что населяющие Германию племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, искони составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ» [11].

Тацит явно симпатизирует германцам, доказывая исконность германцев, аборигенность, он указывает и на внешнее сходство последних: «...Отсюда, несмотря на такое число людей, всем им присущ тот же облик: жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела, способные только к кратковременному усилию, вместе с тем им не хватает терпения, чтобы упорно и напряженно трудиться, и они совсем не выно-

[11] Tacitus. Germania, 4.

сят жажды и зноя, тогда как непогода и почва приучили их легко претерпевать холод и голод».

Сказав о происхождении германцев в целом, Тацит дает сведения об отдельных народностях, различиях между ними и о том, какие племена переселились из Германии в Галлию. В связи с этим историк свидетельствует о галлах. В своем повествовании о них Тацит, опираясь на труды Гая Юлия Цезаря, пишет: «..о том, что галлы некогда были несравненно сильнее, сообщает самый сведущий в этом писатель — божественный Юлий»[12].

Тацит считает вполне вероятным, что часть галлов перешла в Германию и осела — это гельветы и бойи. Таким образом, писал Тацит, «между Герцинским лесом и реками Рейном и Меном[13] осели гельветы, еще дальше — бойи, причем оба племени — галлы». До сих пор эта область носит название Бойгем, и в ней сохраняется память о давнем прошлом, хотя обитают в ней ныне совсем другие[14]. О переселении народов, видимо, очень мало в истории сохранилось данных. Поэтому по многим вопросам, связанным с миграцией населения в провинциях Римской империи и на ее границах, Тацит лишь делает предположение.

Так, он осторожно свидетельствует: «...арависки ли переселились в Паннонию, отколовшись от германской народности осов, или осы — в Германию, отколовшись от арависков, при том, что язык, учреждения, нравы у них и посейчас тождественны, неизвестно, так как между обоими берегами при повсеместной в то время бедности и свободе не было различия ни в лучшую, ни в худшую сторону». Писатель здесь затрагивает вопросы тождества языка, учреждений, нравов у осов и арависков.

Тацит всюду в данной монографии различает германские племена и галльские, критикует тех, кто приписывал себе германское происхождение. Он сообщал и о том, что «треверы и нервии притязают на германское происхождение и, больше того, тщеславятся им, как будто похвальба подобным родством может избавить их от сходства с галлами и

---

[12] Ibidem, 28. Гай Юлий Цезарь считал, что галлы (кельты) — исконное население Галлии, тогда как по современным научным воззрениям Галлия была заселена кельтами, двигавшимися с Востока (около 2 000 г. до н. э.).

[13] Швабская Юра.

[14] Тацит имеет в виду германское племя маркоманов, переселившихся на оставленную бойями территорию.

присущей тем вялости». Германскими племенами Тацит называет вангионов, трибоков, неметов. К германцам римский историк причисляет даже и убиев, «хотя они и удостоились стать римской колонией и охотнее именует себя агриппинцами по имени основательницы ее, не стыдятся своего германского происхождения». Тацит даже указывал на внешнюю причину миграции — и независимый от убиев ее результат — отражать неприятеля. «Вторгшись ранее в Галлию, они были размещены ради испытания их преданности на самом берегу Рейна, впрочем не для того, чтобы пребывать под нашим надзором, но чтобы отражать неприятеля».

Тацит пытался выяснить и социальные причины миграции — внутренние распри: «Из всех этих племен самые доблестные батавы, в малом числе обитающие на берегу Рейна, но главным образом на образуемом ею острове[15]; эта народность, бывшая некогда ветвью хаттов, из-за внутренних распрей перешла на новые места обитания, где и подпала власти Римской империи»[16].

Историк о германских племенах говорит с точки зрения римлянина, с позиций величия римского народа, несмотря на все свои симпатии к германцам. «Столь же послушно нам, — утверждал Тацит, — и племя маттиаков: величие римского народа внушило почтение к его государству и по ту сторону Рейна, по ту сторону старых границ. Вот почему, при том что их места обитания и пределы находятся на том берегу, они помыслами и душой всегда с нами; во всем остальном они схожи с батавами, разве что самая почва и климат их родины придают им большую подвижность и живость».

Тацит не причисляет к народам Германии тех, кто осел за Рейном и Дунаем, возделывая Десятинные земли[17].

Тацит считает причиной переселения социальное положение, условия жизни и, видимо, недостаток земли: «...всякий сброд из наиболее предприимчивых галлов, гонимых к тому же нуждою, захватил эти земли, которыми никто по-настоящему не владел». Затем, несколько позже, как свидетельствует римский историк, обитатели Десятинных земель после проведения пограничного вала и размещения вдоль него

---

[15] Пространство между двумя рукавами Рейна и его нижним течением.

[16] Tacitus. Germania, 29.

[17] Во второй половине I в. н. э. эта территория была присоединена к Римскому государству и вошла в состав Римской провинции Верхняя Германия.

гарнизонов стали как бы «выдвинутым вперед заслоном Римской империи, а вся эта область — частью провинции».

Тацит в своем исследовании руководствуется, видимо, картой этих земель, известной в Риме, и последовательно по ней ведет повествование. За поселенцами Десятинных земель из племени галлов он называет хаттов, уже жителей не равнинных земель, а холмистых; само место называет Герцинским лесом. Это, очевидно, какие-то специализированные военные отряды или воинственное племя, о котором Тацит с присущим ему лаконизмом говорил: «О хаттах нужно сказать, что они воюют» [18].

Соседями хаттов Тацит называл узипов и тенктеров. Их автор также считает доблестными воинами, сохранившими в этом традиции предков. Характерно, что у узипов и тенктеров Тацит указывает на наличие рабов. «Вместе с рабами, домом и наследственными правами передаются и кони, и получает их не старший из сыновей, как все остальное, а тот из них, кто выказал себя в битвах наиболее отважным и ловким» [19].

Тацит свидетельствует о переселении хамавов и ангриваріев, используя известные ему источники. «Рядом с тенктерами ранее жили бруктеры; теперь, как сообщают, туда переселились хамавы и ангриварии, после того, как бруктеры были изгнаны и полностью истреблены соседними племенами» [20]. Правда, сообщение Тацита о полном истреблении бруктеров не совсем соответствует действительности, ибо, оправившись после поражения, нанесенного им соседними племенами, часть бруктеров, продвигаясь на юго-запад, позднее пробилась к Рейну [21]. Тацит пытается найти причину истребления бруктеров: «...то ли разраженные их надменностью, или из-за соблазна добычи, или вследствие благоволения к нам богов — ведь они даже удостоили нас зрелища этого кровопролития. Пало свыше 60 тыс. германцев, и не от римского оружия, но что еще отраднее для услаждения наших глаз». Тацит, выясняя причины, уподобляет истребление бруктеров гладиаторским играм в Риме.

Германским племенам приходилось враждовать друг с другом, вести постоянные войны, что также способствовало

---

[18] Tacitus. Germania, 30.

[19] Ibidem, 32.

[20] Ibidem, 33.

[21] Бобович А. С. Комментарии, 75.— В кн.: Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х т. Л., 1969, т. 1, с. 437.

движению племен и народов, их переселению. Понимая, что сила римлян там, где их противника разобщают междоусобные войны, Тацит видел все же в германских племенах реальную угрозу для римского государства, не раз предупреждая об этом [22]. Тацит писал: «Да пребудет, молю я богов, и еще больше окрепнет среди народов Германии если не расположение к нам, то по крайней мере ненависть к своим соотечественникам, ибо, когда империи угрожают неотвратимые бедствия, самое большее, чем может порадовать нас судьба,— это распри между врагами».

Из северных племен Тацит называет хавков, отмечая, что они заселили значительную земельную территорию с большой плотностью населения (от пределов фризов до херусков).

Из херусков особо он выделяет кимвров, занимающих «огромный выступ» [23], «теперь небольшое, а некогда знаменитое племя» [24]. О внушительных делах былой славы кимвров Тацит судил по известным ему лично или по дневникам военачальников сохранившимся остаткам огромного лагеря по обоим берегам Рейна, «по размерам которого можно и ныне судить, какой мощью обладал этот народ, как велика была его численность и насколько достоверен рассказ о его поголовном переселении».

Тацит говорит о свебах, неоднородном племени, занимающем большую часть Германии и расчлененном «на много отдельных народностей, носящих свои наименования, хотя все вместе они именуются свебами» [25]. Тацит указывает на их социальное неравенство, говоря о наличии у них рабов, и приводит интересное внешнее отличие их от остальных германцев — своеобразную прическу подбирать волосы наверх и стягивать их узлом. Свебы полагали, что этот убор придавал им более величественный и грозный вид, вселял страх во врагов.

Из племени свебов Тацит выделял семионов как самых древних. Семионами заселено 100 округов, они многочисленные, сплочены, главенствуют над остальными, входящими в племя свебов [26].

---

[22] См.: Садретдинов Г. К. К критике куланжистской методики исторического исследования.— В сб.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Изд-во Томск. ун-та, 1964, вып. 2, с. 181—182 и прим. 73.

[23] П-ов Ютландию.

[24] Tacitus. Germania, 37.

[25] Ibidem, 38.

[26] Tacitus. Germania, 39, 40. Caesar. Commentarii de bello Gallico, IV, 1.

Тацит перечисляет и племена, жившие вниз по Дунаю (племя гермундуров, наристов, маркоманов и квадов). Особенно прославленными и сильными Тацит считал маркоманов [27].

К маркоманам и квадам по соседству примыкают марсигны, котины, осы и буры. Из этих народов германскими он считал марсигнов и буров, указывая на сходство в наречии и образе жизни.

По соседству с лугиями жили готоны, управляемые царями, «однако еще не вполне самовластно» [28], затем — свионы, знаменитые флотом и самостоятельностью положения по отношению к Риму, ими «безо всяких ограничений повелевает царь», имеются рабы.

По описанию Тацита, по восточному побережью Свебского моря жили эстии. Он полагал, что их внешний вид и обычаи сходны со свебами, а язык ближе к британскому.

Тацит правильно говорит о их языковых сближениях. Эти черты сходства объяснить можно тем, что и язык эстиев, и язык британцев, равно как и германцев, — индоевропейские. Эстии — единственные из всех перечисленных Тацитом приморских племен и народов занимаются сбором янтаря, называют его глезом, которому дали известность «страсть и роскошь» [29].

Историк античности указывает и племя ситонов, схожее со свионами и примыкающее к нему. Тацита удивляет тот факт, что над этим племенем властвует женщина.

Тацит, видимо, мало имел сведений о народах северо-востока современной европейской части. Он писал о них осторожно, предположительно [30]. В доказательство автор приводил их внешний вид, нравы, по облику приближая их к сарматам.

Венедов, перенявших многое из нравов у певкинов и феннов, Тацит причисляет к германцам, «потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими», в отличие от сарматов, проводящих жизнь в повозке и на коне.

Тацит описывает «поразительную дикость, жалкое убожество» феннов (лопарей). Он пытается правдиво описать жизнь и быт этих народов на основании источников, крити-

[27] Tacitus. Germania, 42.
[28] Ibidem, 44.
[29] Ibidem, 45.
[30] Ibidem, 46.

чески к ним относясь, избегая всяческого вымысла. «Все прочее уже баснословно: у геллузиев и оксионов головы и лица будто бы человеческие, туловища и конечности — как у зверей, и так как ничего более достоверного я не знаю, пусть это останется нерешенным и мною» [31].

Таким образом, на примере монографии Тацита «De origine et situ Germanorum» прослеживаются некоторые историко-демографические аспекты миграции: численность населения, географическое распределение, занятия, языки, культурный уровень и др. Особо обращается внимание на власть женщин у отдельных народов, дается социальная структура германских племен: указываются свободнорожденные и рабы.

Очевидно, главную причину великого переселения народов надо усматривать в усиливающемся в первые века н. э. процессе разложения родоплеменного строя у германских, славянских, сарматских и др. племен. Этот процесс разложения родоплеменного строя у названных народов сопровождался образованием больших племенных союзов (их Тацит пытается выделить, давая общее название отдельным большим народам, затем перечисляя более мелкие народности, входящие в их состав); зарождением классов, ростом дружин (войска) и власти военных вождей (царьков), жаждавших земель, богатства, военной добычи. Потребность этих племен в новых землях объяснялась и экстенсивным характером земледелия у них, что при быстром росте населения вызвало относительное перенаселение [32].

---

[31] Ibidem.

[32] СИЭ, т. 3. Великое переселение народов, с. 248.

Н. Ф. ЕМЕЛЬЯНОВ. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности)

Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1980, 251 с., тир. 500

Изучение широкого комплекса вопросов на примере одного региона давно практикуется в нашей историографии и уже дало весьма ценные результаты. Можно лишь приветствовать наметившуюся в современном сибиреведении тенденцию разрабатывать комплексы вопросов социально-экономической истории на примере какого-либо района Сибири применительно к феодальной эпохе в целом. Думается, что книга Н. Ф. Емельянова займет достойное место среди работ подобного рода.

Опираясь на широкий круг самых разнообразных источников, Н. Ф. Емельянов сумел осветить важнейшие стороны социально-экономического положения основных категорий населения одного из наименее изученных районов Сибири — Среднего Приобья (территория Томского, Нарымского и Кетского уездов). Привлеченный автором документальный материал в основном представлен чрезвычайно ценными и вместе с тем весьма трудоемкими видами источников, в прошлом сравнительно слабо использовавшимися историками. Главные выводы работы хорошо обоснованы и не могут вызвать серьезных возражений.

Важно отметить, что Н. Ф. Емельянов уделяет внимание как русскому, так и аборигенному населению Среднего Приобья. Это выгодно отличает рецензируемую книгу от работ, рассматривающих лишь русское население Сибири, позволяет автору с максимальной полнотой охватить этнические, социальные и культурные процессы на изучаемой территории.

Глава, посвященная коренному населению Среднего Приобья, наиболее ярко демонстрирует преимущества сквозного изучения всей феодальной эпохи на примере одного из сибирских регионов.

Исследуя этнический и численный состав аборигенов в XVII — первой половине XIX вв., Н. Ф. Емельянов приходит к важному выводу о росте коренного населения Среднего Приобья как в рассматриваемый период, так и в течение одного XVII столетия. Автор убедительно показывает, что уменьшение числа плательщиков ясака в XVII в., которое давало повод многим историкам говорить о «вымирании» сибирских «инородцев», не отражало реального сокращения численности этих народов, а явилось результатом сокрытия потенциальных плательщиков ясака от учета. В целом же, как полагает Н. Ф. Емельянов, ежегодный естественный прирост аборигенного и прирост русского населения были близки по своим показателям. Эти выводы, несомненно, будут иметь большое значение при дальнейшей разработке проблем истории Сибири.

В книге Н. Ф. Емельянова рассматривается целый ряд других вопросов, связанных с положением коренного населения края. Автор касается общественной структуры народов Среднего Приобья, их хозяйства и бы-

та, взаимоотношений с русскими переселенцами, прослеживает этнические процессы в изучаемом регионе в XVII—XIX вв., уделяет внимание национальной политике русского правительства. Отмечая проникновение «пороков феодальной системы» в жизнь аборигенов, Н. Ф. Емельянов вместе с тем показывает благотворное влияние русских переселенцев на жизнь коренного населения Среднего Приобья, имевшее своим следствием ускорение процессов их социального развития, переход к более передовым формам хозяйствования, повышение материального и культурного уровня. Этому, как полагает Н. Ф. Емельянов, в немалой степени способствовала «охранительная политика царского правительства» по отношению к аборигенам.

Анализируя положение русских поселенцев региона, Н. Ф. Емельянов прежде всего справедливо обращается к самой многочисленной в XVII — первой половине XVIII вв. их категории — служилому населению. Автор подчеркивает, что «служилые люди были неразрывно связаны с народной колонизацией» Сибири (с. 97). Кратко касаясь вопросов формирования, состава, обязанностей, государственного обеспечения и хозяйственных занятий служилых, Н. Ф. Емельянов отметил их «заметный след в истории Сибири» (с. 108). В монографии, в частности, показано, что «служилые люди с первых дней пребывания на томской земле стали главными земледельцами, ремесленниками и торговцами» края, дали возможность крестьянам расселиться в удалении от города, выделили из своей среды «массу потомков, которые стали крестьянами и вместе со своими дедами, отцами и пашенными крестьянами преобразовали Среднее Приобье» (с. 112—113). Здесь выводы Н. Ф. Емельянова частично совпадают с высказанной А. А. Люцидарской точкой зрения о роли служилых людей в промышленном развитии Томска, однако применительно к территории Среднего Приобья в целом столь обоснованная оценка деятельности служилого населения XVII—XVIII вв. по сути дела дается впервые.

Фактически впервые показано Н. Ф. Емельяновым и положение в уездах Среднего Приобья посадских людей, активное занятие их сельским хозяйством. Основное внимание при этом автор уделяет XVIII столетию, времени, когда посадское население было переведено в сословие мещан, но продолжало держаться за свои земли, не желая ни переселяться в город, ни переходить в крестьяне. Значительный интерес представляет также материал, показывающий более успешное, по сравнению с крестьянами и служилыми, ведение хозяйства посадскими людьми. Некоторые причины этих явлений раскрываются автором (конкуренция служилого населения в городе, «большая свобода действий» посадских по сравнению с другими категориями земледельцев), однако, думается, что здесь были бы полезны дальнейшие изыскания, особенно в плане сравнения с другими сибирскими уездами.

Крестьянскому населению Среднего Приобья в монографии отводится наибольшее место. В книге затронут практически весь традиционный комплекс вопросов по изучению различных категорий крестьянского населения, при этом в научный оборот вводится значительное количество свежего материала из архивов, существенно дополняющего наши представления о положении сибирского крестьянства.

Н. Ф. Емельянов показывает процесс становления крестьянского населения в Среднем Приобье, рост его численности, правительственные меры по привлечению крестьян в Сибирь и их закреплению на сибирской пашне; выясняются основные повинности крестьян, порядок и характер управления крестьянским населением. Попутно затрагивается положение гулящих людей (с. 138—143); по мнению Н. Ф. Емельянова, в XVII — первой чет-

верти XVIII вв. их приток в Сибирь «был жизненно необходим» для ее освоения (с. 139). В монографии уделено внимание и дворовым людям, в частности, приводятся небезынтересные данные о распределении их среди основных категорий сибирского населения (с. 143—144).

Благодаря широким хронологическим рамкам, исследование Н. Ф. Емельянова наглядно показывает, как все слои сельского населения независимо от своего социального происхождения постепенно утрачивали различия и сливались в единое сословие государственных крестьян. Им в конце концов стало большинство земледельцев региона, но «своеобразным эталоном в дальнейшем сближении всех слоев земледельцев» явились т. н. «государевы крестьяне» (с. 144). Видимо, именно поэтому в заключении (с. 235) они названы «главной категорией населения» Среднего Приобья. (Впрочем сам автор, к сожалению, не разъясняет, какой смысл он вкладывает в понятие «главная» категория).

В качестве приложения книга имеет 12 таблиц, в которые сведены весьма интересные сведения статистического характера по теме исследования.

Разумеется, монография Н. Ф. Емельянова не лишена недостатков. Так, во введении при изложении историографии автор в ряде случаев останавливается на частных вопросах, которые было бы лучше затронуть по ходу изложения основного материала. Не может не вызвать нареканий и описание источников исследования. Характеристика хорошо известных публикаций («Актов исторических», «Полного собрания законов...» и т. п.) является излишне подробной, в то время как о главных источниках говорится лишь в самой общей форме. Основу монографии составили документы массового учета. За период XVII—XIX вв. они сохранились в огромном количестве, конечно же, большая их часть не подвергалась автором сплошной статистической обработке. В этой связи во введении следовало бы дать пояснения относительно критериев отбора документов для статистического анализа.

Широкий хронологический охват темы, ее многогранность не могли позволить автору подробно остановиться на всех затрагиваемых проблемах; некоторые вопросы получили поэтому несколько схематическое освещение. Это неизбежный при подобных хронологических рамках и ограниченном объеме работы недостаток. В ряде случаев (и по той же, видимо, причине) в изложении материала допускается и хронологическая неровность: отдельные периоды представлены более, другие менее подробно. Так, в работе мало освещена промысловая деятельность русского населения, весь материал о служилом населении фактически ограничен лишь XVII—XVIII вв. и т. д. У читателя неизбежно могут возникнуть вопросы о причинах всего этого, соответствующие объяснения и оговорки отсутствуют.

Исследование намного выиграло бы, если бы проводилось на более широком историческом фоне. Используя результаты работ своих коллег, автор имел возможность провести сравнения с другими районами Сибири по целому ряду вопросов. Это придало бы уже совершенно иное звучание его выводам, повысив их значимость для решения глобальных проблем отечественной истории.

К замечаниям частного порядка можно отнести следующее. Вряд ли можно согласиться с тем, что дворянско-буржуазная историография «преувеличивает роль служилых людей в противовес крестьянам и посадским, порой противопоставляет служилое население неслужилому» (с. 97). На наш взгляд, правильнее было бы говорить об односторонне освещении рядом дворянских и буржуазных историков роли сибирских служилых.

Это было вызвано тем, что последователи акцентировали внимание, главным образом, на военно-административной стороне колонизации Сибири и деятельности служилых людей.

Неудачно, на наш взгляд, сближение Н. Ф. Емельяновым на с. 235 «государевых крестьян» с крепостными Европейской России (даже в «какой-то степени»). В настоящее время, насколько известно, большинство исследователей видят в сибирском крестьянстве черты, сближающие его скорее с черносошным крестьянством русского Севера, чем с другими категориями. Вряд ли оправдано отождествление с крепостными монастырских крестьян.

Наконец, о таблицах. Они даны не по ходу изложения материала, а в качестве приложения к монографии, поэтому не чувствуется логическая связь, единство с текстом монографии. Названия таблиц порой вызывают сомнение. Например, в табл. 4, 8, 10 сказано (по названию) о составе населения, но о каком составе идет речь (количественном, социальном и т. п.), не сказано.

Мелкие неувязки и отдельные упущения неизбежны в исследовательской работе. Нет смысла подробно останавливаться на них, они не затрагивают существа поднятых в монографии вопросов и, естественно, не меняют общей положительной оценки рецензируемой работы. Несомненно, что все интересующиеся историей Сибири найдут для себя в книге Н. Ф. Емельянова много интересного и полезного.

А. А. Преображенский, Н. И. Никитин (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Загоровский. (Воронеж). Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской черты . . 3

Р. Г. Буканова. (Воронеж). Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. 13

Н. Н. Репин. (Омск). Генеалогические заметки и торговые биографии крупнейших представителей купеческого мира Европейской России в конце XVII—XVIII вв. 21

Н. Ф. Емельянов. (Омск). Томские служилые люди «литва» в XVII — первой четверти XVIII вв. 34

А. Д. Колесников. (Омск). Определение численности населения по итогам ревизий и на промежуточные даты 43

А. С. Коциевский. (Одесса). Роль беглых крепостных крестьян в формировании населения городов Южной Украины и Бессарабии во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. 55

В. П. Шпалтаков. (Омск). Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795—1860 гг.) 61

Н. В. Алексеенко. (Усть-Каменогорск). Формирование русского населения Казахстана (вторая половина XIX—начало XX вв.) 72

А. В. Минжуренко. (Омск). Подати и повинности крестьян-переселенцев Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) . . 80

В. П. Корзун. (Омск). Рабочая политика южной горнопромышленной буржуазии (проблема кадров) 96

М. Д. Северьянов. (Иркутск). Сельскохозяйственное переселение в Восточную Сибирь (1925 — июнь 1941 гг.) 106

Э. С. Халимова. (Омск). Динамические переписи крестьянских хозяйств 1920—1929 гг. как источник по исторической демографии 108

М. М. Ефимкин. (Новосибирск). Роль некоторых районов СССР в комплектовании рабочих кадров Сибири 115

Л. А. Ягодинская. (Омск). Обеспеченность Западной Сибири медицинскими кадрами (1966—1975 гг.) 119

И. И. Комогорцев. (Новосибирск). Источники и формы комплектования коллектива строителей Байкало-Амурской магистрали . 129

Л. А. Подгорных. (Курган). Влияние аграрно-промышленных предприятий и объединений на социальную структуру села в условиях развитого социализма 139

Т. Е. Комогорцева. (Новосибирск). Качественные изменения в составе работников легкой промышленности Омской области и повышение их производственной активности в период развитого социализма 151
Г. А. Кайгородов. (Омск). Крестьянский родовой узел. (По материалам старожильческой деревни Западной Сибири) 158
П. Т. Сигутов, В. С. Якубенко. (Омск). Особенности динамики естественного движения сельского населения Омской области 160
А. А. Елагина. (Омск). К некоторым историко-демографическим аспектам миграции по Тациту 167
А. А. Преображенский, Н. И. Никитин. (Москва).
Н. Ф. Емельянов. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности) 178

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ СССР

ИБ 1039

Редактор **Л. С. Малиновская**
Технический редактор **Г. Н. Гридина**
Корректор **Г. Г. Иванова**

Сдано в набор 07.01.82 г. Подписано к печати 01.07.82 г. КЗ 02086. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 11,5; уч.-изд. л. 10; усл. п. л. 10,69. Тираж 1000 экз. Заказ 6740. Цена 1 р. 50 к.

Издательство ТГУ, 634010, Томск, пр. Ленина, 36.
Типография изд-ва «Омская правда», г. Омск, пр. Маркса, 39.

1-510857

1 р 50 к

Томский госуниверситет 1878
Научная библиотека 00332485